

**ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВЪСТНИКЪ**

**ИСТОРИЯ —
СВИДЕТЕЛЬНИЦА
ВРЕМЕН**

**ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ [151]
ИЮНЬ 2013**

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ — СВИДЕТЕЛЬНИЦА ВРЕМЕН

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ [151]

МОСКВА, 2013

Редакция

А.Э. Титков	главный редактор, кандидат исторических наук
Д.В. Климов	зам. главного редактора, кандидат исторических наук
И.Я. Керемецкий	зам. главного редактора (художественный редактор), член Творческого союза художников России
Е.А. Радзиевская	ученый секретарь
Т. Лефко	редактор английской версии

Редакционный совет

Председатель редакционного совета

Е.И. Пивовар	ректор РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН

Члены редакционного совета

А.А. Горский	доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
С.В. Девятов	доктор исторических наук
С.М. Исхаков	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
И.В. Курукин	доктор исторических наук, профессор РГГУ
А.Э. Титков	кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»

Компьютерный набор, верстка редакции. Дизайн Ю.В. Филимонов.

Подписано к печати 14.05.2013 г. Формат 70×108 1/16. Усл.-печ. л. 16,1. Печать офсетная. Заказ № 37.

Адрес редакции: 105005, г. Москва, Аптекарский пер., д. 4, стр. 2, офис 214.

Тел. +7 (495) 737-76-32, факс +7 (495) 730-61-76.

E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2012.

Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в ЗАО «Издательство ИКАР».

117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6.

Тел.: +7 (495) 936-83-28, +7 (495) 978-35-99. Тел./факс: +7 (495) 330-89-77.

www.ikar-publisher.ru

Журнал «Исторический вестник» издается
при поддержке компании ОАО «АК «Транснефть».

ISSN 2306-4978

ОТ РЕДАКЦИИ

Четвертый том «Исторического вестника», в отличие от трех предыдущих выпусков, является «общим» и состоит из работ, не связанных единой тематикой. Редакция предполагает выпускать как минимум два общеисторических номера в год, что позволит расширить тематическое разнообразие публикуемых материалов. При этом часть исследований, размещенных в настоящем номере, продолжает, в известной мере, развивать ранее затронутые проблемы древней и новой русской истории. Впервые часть статей нашего журнала посвящена историческим реалиям послереволюционной России.

Тему древней истории нашего Отечества, которой был посвящен первый номер «Исторического вестника», продолжает фундаментальная и уникальная работа В.А. Кучкина, посвященная генеалогии и демографии династии московских Рюриковичей. Она, по сути, подводит итог многочисленным исследованиям по этой тематике. Малоизвестные страницы отношений между молодой петровской Россией и Османской империей нашли отражение в статье И.В. Курукина и Х. Коседжик; в ней показано, как стороны сумели дипломатическим путем разрешить неизбежный конфликт интересов при появлении войск России в Закавказье.

Мы продолжаем публиковать материалы, посвященные проблеме революционного террора в России в начале 20-го века. Л.Ф. Кацис пишет о моральной составляющей этого чудовищного явления. Основой для размышлений автору послужили дореволюционные

публикации на эту тему яркого, но вызывающего противоречивые оценки публициста Владимира Жаботинского.

Малоизученной теме деятельности в начале 20-х годов на территории советской России Американской администрации помощи (АРА) посвятил свое исследование Н.В. Усманов. Работа этой структуры по помощи голодающим до сих пор не имела в нашей исторической науке объективной оценки. Кризис и крах либерально-демократической модели в противостоянии большевизму на примере судьбы самарского Комуча показаны в статье А.В. Калягина.

В.С. Парсамов на примерах литературных образов показывает, к каким катастрофическим последствиям может привести в реальной исторической обстановке нравственный нигилизм.

Завершает номер отчасти дискуссионная публикация Я.А. Лазарева, посвященная современной украинской историографии. По сути, она является рецензией на книгу известного украинского историка Т.В. Чухлиба.

Редакция журнала также сообщает читателям, что продолжение материала А.Н. Закатова «Становление династии Романовых в изгнании» будет полностью опубликовано в пятом выпуске «Исторического вестника».

А.Э. Титков,
главный редактор журнала
«Исторический вестник».

СОДЕРЖАНИЕ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

В.А. Кучкин. Московские Рюриковичи (генеалогия и демография) ... 6

НОВАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

И.В. Курукин, Х. Коседжик. Поиск «достойной сатисфакции»: Персидский поход Петра I и посольство Нишли Мехмеда-аги в Россию в 1722—1723 гг. 74

РОССИЯ В XX ВЕКЕ

Л.Ф. Кацис. Моральные проблемы индивидуального террора от убийства Плеве до гибели Столыпина: Точка зрения Владимира Жаботинского 100

А.В. Калягин. Идеино-политическая платформа самарского Комуча (К вопросу о причинах краха «третьего пути» в Гражданской войне).. 136

Н.В. Усманов. Помощь американцев голодающим в Советской России в 1921-1923 гг. (по материалам Урала)..... 158

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ

В.С. Парсамов. Николай Ставрогин: его «предки» и «потомки» ... 184

БИБЛИОГРАФИЯ

Я.А. Лазарев. «Ласковый телок двух маток сосет»: к вопросу о природе украинской государственности во второй половине XVII — первой трети XVIII вв. (в порядке дискуссии с Т. Чухлибом)... 206

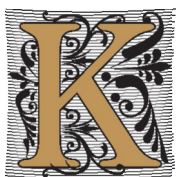

В.А. Кучкин

МОСКОВСКИЕ РЮРИКОВИЧИ

(генеалогия и демография)*

Когда после Второй мировой войны во Франции стали появляться труды по исторической демографии¹, они сразу же привлекли к себе внимание не только демографов, занимавшихся изучением современного им населения, но и историков — специалистов по истории Древнего мира и Средних веков. Выяснилось, что исследования по демографии давно минувших столетий способны дать ответы на такие сложные вопросы, как причины изменения соотношений различных социальных групп в обществах прошлого, степень зависимости численности населения от урожая или неурожая, падежа скота, уровня цен на предметы первой необходимости: такие исследования позволяли оценивать деятельность правительств раннего времени в области брака и семьи и т. д. Поэтому во многих странах в 50 — 60-х гг. XX в. начали возникать различные школы,

---

* Работа выполнена в рамках программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

¹ Начало было положено французским исследователем Жаном Мёвре, опубликовавшим в 1946 г. работу о населении Дижона во второй половине XVII — начале XVIII в. См.: Демография западноевропейского Средневековья в современной зарубежной историографии. М., 1984. С. 22.

центры и даже институты, приступившие к пристальному изучению демографических процессов. Проводившиеся исследования касались преимущественно периода с середины XVII в., когда появились церковно-приходские книги, фиксировавшие рождения, браки и смерти прихожан, и до середины XIX столетия, когда во многих странах мира начала организовываться государственная статистическая служба, собиравшая и обобщавшая самые различные данные о населении.

Что касается более отдаленного прошлого, например периода западноевропейского развитого феодализма XI — XV вв., то успешное

Рюрик.
Миниатюра
из царского
титularника.
XVII в.

разрешение вопросов демографического развития государств указанного времени напрямую зависит от того, сохранились ли ранние исторические источники, содержащие такие сведения о народонаселении этих государств, которые могут быть подвергнуты статистической обработке. В Италии, Германии, Франции, Англии и Испании они есть, но во многих странах отсутствуют. К числу последних относится и Россия, где подобные материалы сохранились только с конца XV в.² Поэтому неизвестна, например, численность населения русских княжеств в XIV в., и можно ли, скажем, политические успехи московских князей того времени объяснять большим числом жителей Москвы и Московского княжества по сравнению с другими княжествами; не знаем и среднюю продолжительность жизни русского человека в Средние века; сколько детей было в его семье, кто из них умирал в детстве, а кто достигал зрелого возраста, когда такие дети женились

² В качестве примера могут быть указаны новгородские писцовые книги названного времени.

или выходили замуж и т. п. Чтобы попытаться хотя бы в какой-то мере охарактеризовать отмеченные моменты человеческой жизнедеятельности и исторического развития русского средневекового общества в целом, следует обратиться к свидетельствам, которые в наибольшей степени способны ответить на такие вопросы. Свидетельства подобного рода заключены в генеалогических материалах.

Из последних имеется значительный пласт материалов по генеалогии московских князей. Династия этих князей, став господствующей в Русском государстве последней четверти XV — XVI в., сберегла многие документы своего фамильного архива. Аналогичные же материалы иных потомков Всеволода Большое Гнездо не сохранились, а в ряде случаев, поступая в Москву от прежних князей-владельцев, намеренно уничтожались крепнувшим московским единодержавием, чтобы избежать политических и владельческих притязаний со стороны наследников бывших нижегородских, суздальских, тверских³ и других князей Рюрикова дома. Сбереженные свидетельства о московских князьях и можно использовать в качестве определенных показателей, позволяющих составить примерное представление о демографических процессах, шедших в русских землях на протяжении XIII — XVI столетий.

Следует заметить, что по генеалогии московских Рюриковичей существует обширная литература, используя которую, можно, казалось бы, легко составить перечень всех московских князей и дать основные факты их биографий: когда родился, когда вступил в брак, сколько имел детей, когда скончался. Но эта литература почти вся компилятивна, она не основана на изучении первоисточников. Поэтому предварительной задачей данной работы является уточнение генеалогии московских Рюриковичей на основе первичных материалов, часть которых была открыта или опубликована только в последнее время, а последующей — обработка уточненных свидетельств для характеристики демографических процессов, шедших в среде потомков первого московского князя.

* * *

Волею Александра Невского родоначальником династии московских князей стал его младший сын Даниил, которому после смерти Александра в 1263 г.

³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XV вв. М.; Л., 1950 (далее — ДДГ). № 52. С. 156 (договор 1448 — 1449 гг. Василия II с суздальским князем Иваном Васильевичем Горбатым содержал требование отдать в Москву все ордынские ярлыки, полученные нижегородскими князьями на Суздаль, Нижний Новгород и Городец). В XVI в. такие ярлыки тверским князьям, хранившиеся в Москве, пропали. См.: Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV — XV веков. Ч. I. М.; Л., 1948. С. 227.

из Владимирского княжества было выделено Московское. Даниил родился в 1261 г.⁴ и к моменту своего формального вступления во владение Московским княжеством еще не мог иметь собственной семьи. Семья могла появиться у него в 12 — 14 лет, когда существовавшие обычаи и церковные нормы разрешали браки. Был ли такой ранний брак у Даниила, сказать невозможно из-за отсутствия твердых данных, но по косвенным признакам можно предположить, что к концу 70-х гг. XIII в. Даниил уже стал главой семьи. На этом моменте жизни родоначальника московского княжеского дома можно будет остановиться несколько позднее, когда определятся основные факты биографий других московских князей и выяснится примерный возраст их вступления в брак. Происхождение жены Даниила неизвестно так же, как и ее достоверное имя. Зато сыновья Даниила известны относительно хорошо. В Софийской I и Новгородской IV летописях, восходящих к своду 30-х гг. XV в., а через него к своду 1418 (1423) г. митрополита Фотия, в статье 6395 (887) г. приводится родословие русских князей, заканчивающееся указанием на Дмитрия (Донского) и Ивана — детей великого князя Ивана Ивановича, получившего у историков прозвище Красного. В этом родословии сыновьями Даниила Александровича Московского названы «Юрьи, Иванъ, Борисъ, Семионъ, Андрѣи, Александръ, Афанасеи»⁵. В известной статье «Сице родословятся велицѣи князи Русьстии», приложенной к Новгородской I летописи младшего извода и составленной в конце первой четверти XV в., к сыновьям Даниила причислены «Юрьи Великыи, Иванъ, Борисъ, Семеонъ, Александръ, Афанасии»⁶. В более поздней росписи XVI в. перечень сыновей князя Даниила Александровича несколько иной: «Юрьи, Александръ, Борисъ, Иоанъ, Афонасии»⁷. Роспись XVI в. основана, по-видимому, на данных, извлеченных из летописей. В этом отношении показательно, что в летописях князя Александр и Борис Даниловичи упоминаются именно в такой последовательности, хотя и несколько позже, чем их брат Иван, своими младшими современниками прозванный Калитой⁸. Статья «Сице родословятся велицѣи князи Русьстии» перечисляет сыновей Даниила Московского более полно. А статья 6395 (887) года Софийской I и Новгородской IV летописей дает самый подробный их перечень, хотя,

⁴ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. XVIII. СПб., 1913. С. 71.

⁵ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 1. Пг., 1915. С. 14; Т. VI. Вып. 1. М., 2000. Стб. 19.

⁶ НПА. С. 466. Помещенная здесь родословная роспись кончается перечислением сыновей великого князя Василия Дмитриевича. Последним назван Василий, родившийся в 1415 г.

⁷ ПСРЛ. Т. XXIV. Пг., 1921. С. 227. Цифра «13» обозначает порядковый номер князя, занимавшего после Рюрика стол великого княжения.

⁸ Там же. Т. XVIII. С. 86.

например, другие источники никаких биографических сведений о князьях Семене и Андрее Даниловичах не содержат⁹.

Помимо сыновей, в семье Даниила Александровича рождались и дочери. Во всяком случае, упоминание в договоре 1348 г. внуков князя Даниила (Симеона, Ивана и Андрея) Анны, тетки великого князя Симеона Гордого, ведет к заключению о существовании сестры Ивана Калиты, бывшей замужем за одним из рязанских князей¹⁰. Таким образом, исходя из наиболее ранних свидетельств, можно утверждать, что в семье первого московского князя Даниила Александровича было, по меньшей мере, 8 детей: 7 сыновей и 1 дочь.

Молчание источников (кроме родословных росписей) о сыновьях Даниила Андрее и Семене, возможно, объясняется тем, что оба князя умерли во младенчестве. В княжеских семьях, московских князей в том числе, такие ранние смерти были обыденным явлением. После смерти Даниила Александровича 5 марта 1303 г.¹¹ в живых остались его дочь Анна и сыновья Юрий, Иван, Александр, Борис и Афанасий.

⁹ Это было отмечено еще А.В. Экземплярским, но насколько достоверны свидетельства Новгородской IV и Софийской I летописей, А.В. Экземплярский не определил. См.: *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. II. СПб., 1891. С. 275. Примеч. 741. В 1995 г. С.В. Конев издал памятник, который он назвал «ростовским соборным синодиком». Синодик написан на бумаге второй половины 30-х гг. XVII в. и состоит из целого ряда выписок из различных церковных синодиков, доводя список поминаемых усопших до сына царя Бориса Годунова Федора. Относительно первого московского князя Даниила там сказано следующее: «Князю Данилу Александровичю Московьскому и княгинё его Агрепенё и сыновомъ его Михаилу, Александру, Борису, Семиону, Василию, Афонасию, Данилу вёчнаа память». Старшие сыновья Даниила Юрий и Иван записаны в этом синодике отдельно, в другой рубрике. См.: *Конев С.В.* Синодикология. Ч. II: ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. Вып. 6. Екатеринбург, 1995. С. 99 (в приведенной цитате орфография публикации несколько упрощена). Имя Агрепена (Агриппина, древнерусские формы Аграфена, Огрофена) в древнерусском княжеском именованье до конца XIV в. не встречается. См.: *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X — XVI вв. М., 2006. В перечне сыновей Даниила нет имени Андрея, зафиксированного источниками значительно более ранними, чем «ростовский соборный синодик». Порядок перечисления сыновей Даниила в синодике более соответствует родословной росписи XVI в., чем росписям XV в. Что касается сыновей Даниила Михаила, Василия и Даниила, названных в «ростовском соборном синодике», то их упоминания являются уникальными и проверить их достоверность не представляется возможным. Следует только указать, что такие имена носили сыновья Симеона Гордого. До появления новых данных, подтверждающих правильность раритетных сообщений «ростовского соборного синодика», использовать эти сообщения для характеристики семьи Даниила Александровича Московского нельзя.

¹⁰ *Кучкин В.А.* Княгиня Анна — тетка Симеона Гордого // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.) М., 1993. С. 9.

¹¹ ПСРА. Т. I. Л., 1926 — 1928. Стб. 486, под 6812 годом ультрамартовским. О дате см.: *Бережков. Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 123.

Даниил
Александрович.
Миниатюра
из царского
титularyника.
XVII в.

О семье Анны точных сведений нет, а о семьях ее братьев некоторые сведения сохранились. Старший из братьев Юрий женился в 1297 г. Данный факт позволяет рассмотреть вопрос о времени рождения этого первенца Даниила. Как показывают расчеты примерного возраста вступления в брак московских князей третьего и четвертого поколений, которые, будь у Юрия дети — мальчики, приходились бы ему сыновьями и внуками, их свадебный возраст колебался в пределах 16 — 19 лет, в среднем немного превышая 17 лет (17,2)¹². Это означает, что первоначально московские князья не стремились вступать в брак в раннем возрасте, как разрешали нормы — в 12 лет, но и не обзаводились женами на третьем десятке лет жизни, когда им было за 20. Они поступали по обычаю, которые соблюдали их отцы и деды. Тогда, вычитая 17 лет из даты 1297 г., мы получим 1280 г. как год рождения Юрия. В таком случае вступление в брак его отца Даниила должно датироваться не позднее 1279 г., возможно, несколько ранее. Иными словами, и Даниилу было примерно 17 — 18 лет, когда он женился.

Первой женой Юрия Даниловича стала дочь ростовского князя Константина Борисовича¹³. В этой семье Юрия были дети. Во всяком случае, в 1320 г. один из тверских князей — Константин Михайлович — женился

¹² См. ниже. С. 32 — 33.

¹³ ПСРА. Т. I. Стб. 484: *Насонов А.Н.* Летописный свод XV века (по двум спискам) // *Материалы по истории СССР. Вып. II. М., 1955. С. 298.* Тогда в Ростове княжил один князь — Константин Борисович. Подробнее см.: *Кучкин В.А.* Ростовская семья Анны Кашинской // *Тверские святые и святыни. Материалы научных конференций. Тверь, 2010. С. 128.*

на дочери Юрия Софии¹⁴. В первой половине 10-х гг. XIV в. князь Юрий Данилович овдовел. В 1317 г. он вернулся на Русь из продолжительной поездки в Орду, привезя оттуда вторую жену — сестру хана Узбека Кончаку¹⁵, принявшую в православии имя Агафьи. Но Кончака-Агафья не стала матерью детей Юрия Даниловича. Она скончалась через несколько месяцев после своего приезда на Русь¹⁶.

Не оставило потомства (во всяком случае, мужского) и большинство братьев князя Юрия. Относительно Александра и Бориса неизвестно даже, имели ли они семьи¹⁷. Младший из Даниловичей Афанасий, скончавшийся в 1322 г., семью, возможно, имел¹⁸, но о происхождении его жены и о детях в этой семье свидетельств нет.

Зато второй по возрасту из сыновей князя Даниила Александровича, Иван Калита, был женат дважды. Впервые Иван Данилович упоминается в записи от ноября 1296 г. на рукописи того же времени. Он был послан отцом в Новгород, чтобы править там до родительского приезда¹⁹. Это означает, что Иван к тому времени стал уже взрослым человеком, то есть ему было, по меньшей мере, 12 лет. Следовательно, Калита родился не позднее 1284 г. Первой его женой стала неизвестная по происхождению Елена, умершая в 1332 г.²⁰ От брака с нею у Ивана Калиты родились сыновья: Симеон (7 сентября 1317 г.)²¹, Даниил (11 декабря 1319 г.)²², Иван (30 марта 1326 г.)²³, Андрей (4 июля 1327 г.)²⁴ и дочери: неизвестная по имени, Евдокия (Овдотья) и Фетинья. Одна из ранних родословных книг XVI в. сообщает о первой из них, что она была выдана отцом замуж за ростовского князя Константина Васильевича до

¹⁴ ПСРА. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 41.

¹⁵ Там же. Стб. 37, 38.

¹⁶ ПСРА. Т. XVIII. С. 88.

¹⁷ *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси. Т. II. С. 635-636.

¹⁸ Там же. С. 637. Примеч. 2044.

¹⁹ *Кучкин В.А.* Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 60 — 63.

²⁰ ПСРА. Т. XV. Вып. 1. Стб. 46.

²¹ Там же. Т. XVIII. С. 88, под 6825 годом мартовским. О дате см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. С. 351.

²² ПСРА. Т. XVIII. С. 89, под 6827 годом мартовским. О дате см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. С. 351. Других сведений о Данииле нет. Он умер, вероятно, в младенчестве, как предполагал еще А.В. Экземплярский. См.: *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси. Т. I. С. 287.

²³ ПСРА. Т. XVIII. С. 89, под 6834 годом мартовским. О дате см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. С. 351.

²⁴ ПСРА. Т. XVIII. С. 90, под 6835 годом мартовским. О дате см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. С. 351.

1328 г.²⁵ Правильность известия этого позднего источника подтверждается ранним летописным свидетельством об обращении в 1349 г. к Симеону Гордому литовского князя Любарта с просьбой «испросити сестричну его (то есть дочь сестры, племянницу Симеона. — В. К.) за себе оу князя Костянтина Ростовскаго»²⁶. Относительно другой дочери — Евдокии — следует сказать, что в статьях 6847 (1339) г. Новгородской I летописи младшего извода и Софийской I летописи старшего извода Иван Калита назван тестем ярославского князя Василия Давыдовича²⁷. Следовательно, этот князь был женат на дочери Ивана

Иван I Калита.
Миниатора
из царского
титулярника.
XVII в.

Калиты. Московская летопись под 1342 г. отмечает смерть жены Василия Давыдовича Овдотьи²⁸. Очевидно, Овдотья (Евдокия) и была дочерью Калиты. Фетинья фигурирует в завещаниях своего отца, составленных в 1336 и 1339 гг. Овдовев в 1332 г., Калита женился вторично на также неизвестной по происхождению Ульяне, от которой имел двух дочерей — Феодосию и Марию²⁹.

²⁵ Редкие источники по истории России (далее — РИИР). Вып. 2. М., 1977. С. 13 — 14.

²⁶ ПСРА. Т. XV. Вып. 1. Стб. 59.

²⁷ НПА. С. 350; ПСРА. Т. VI. Вып. 1. Стб. 410.

²⁸ ПСРА. Т. XVIII. С. 94.

²⁹ Сыновья Ивана Калиты Симеон, Иван, Андрей, дочери Фетинья, Феодосия и Мария упомянуты в душевных грамотах Ивана Калиты 1336 и 1339 гг. См.: Кучкин В.А. Издание завещаний московских князей XIV в. Первая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 1 (31). С. 107, ст. 2, 4, 6, 8, 17, 22; Он же. Издание завещаний московских князей XIV в. Вторая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 130, ст. 2, 4, 6, 8, 17, 22. Имя второй жены Ивана Калиты Ульяны упоминается в душевных грамотах сына Калиты великого князя Ивана

Мария умерла в юном возрасте³⁰, Феодосия стала женой белозерского князя Федора Романовича³¹. Сам Иван Калита скончался 31 марта 1340 г.³²

Старший сын Ивана Калиты Симеон имел три семьи. В первый раз, будучи по свидетельству летописи 17-летним, он женился на дочери литовского великого князя Гедимина Айгусте, при переходе в православие принявшей имя Анастасии³³. В этом браке у Симеона родились сыновья Василий (12 апреля 1337 г.), проживший немногим более полутора лет (умер в начале 1339 г.)³⁴, и Константин, появившийся на свет в 1341 г. и умерший в день рождения³⁵, а также дочь Василиса, ставшая в 1349 г. женой кашинского князя Михаила Васильевича³⁶. Поскольку ранее 12 лет замуж не отдавали, последняя дата свидетельствует о том, что Василиса была первым ребенком в семье Симеона — Айгусты. Она родилась не позже 1336 г. В 1345 г. Айгуста-Анастасия скончалась, и в том же году Симеон Гордый женился во второй раз. Его новой женой стала Евпраксия, дочь князя Федора Святославича из рода смоленских князей. Евпраксия плохо исполняла свои супружеские обязанности, и зимой 1346 г. Симеон отправил ее обратно к отцу³⁷. Во второй семье московского великого князя детей не было. Третьи браки в XIV в. церковью запрещались, но Симеон сумел обойти запреты, добившись специального разрешения от константинопольского патриарха. Весной 1347 г. он женился на Марии, дочери казненного в Орде тверского князя Александра Михайловича³⁸.

Ивановича как обладательницы тех самых волостей, сел и доходов, что Калита завещал «**княгини свокн с меншимі дѣтми**» (вторая душевная грамота Ивана Калиты, ст. 8). См.: Кучкин В.А. Издание завещаний московских князей XIV в. Первая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 4 (34). С. 99, 100, ст. 11, 21; Он же. Издание завещаний московских князей XIV в. Вторая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 96, 99, ст. 11, 21.

³⁰ Кучкин В.А. Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного // Средневековая Русь. Вып. V. М., 2004. С. 271 — 272.

³¹ Коланев А.И. История землевладения Белозерского края XV — XVI вв. М.; Л., 1951. С. 32 — 37.

³² ПСРА. Т. XVIII. С. 93.

³³ ПСРА. Т. XVIII. С. 92. Свадьба была сыграна зимой 6841 мартовского года (1333/34 современного январского). О дате см.: Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. С. 351. По древнерусским представлениям о временах года зима начиналась с 26 декабря, практически — с января месяца. См.: ГИМ. Епарх. № 410. Л. 7 об. — 33. В начале 1334 г. Симеону, строго говоря, не было еще 17 лет, ему только шел 17-й год.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 93.

³⁶ ПСРА. Т. XV. Вып. 1. Стб. 60.

³⁷ Там же. Стб. 56, 57.

³⁸ Там же. Т. XVIII. С. 95.

В этом браке у Симеона родились сыновья Даниил (15 декабря 1347 г.)³⁹, Михаил (7 сентября 1349 г.)⁴⁰, Иван (зимой в начале 1351 г.)⁴¹ и Семен (3 февраля 1352 г.)⁴². Иван и Семен скончались от пандемии легочной чумы («черной смерти» в европейских исторических повествованиях) в марте 1353 г.⁴³. В научной литературе часто утверждается, что и старшие сыновья Симеона Даниил и Михаил стали жертвами той же болезни⁴⁴. Однако о них таких сведений нет. Позднее Даниил и Михаил в источниках не упоминаются. Очевидно, они умерли детьми. Но была ли их смерть естественной или насильственной, сказать трудно. Последнее,

Симеон Гордый.
Фреска Архангельского собора Московского Кремля. XVI в.

во всяком случае, не исключено, поскольку вскоре после кончины Симеона Гордого (26 апреля 1353 г.) значительная часть владений его вдовы великой княгини Марии Александровны в нарушение завещания Симеона, скрепленного печатями его самого и его братьев, была отнята у нее ее деверем, звенигородским князем Иваном Ивановичем, к которому перешла и верховная власть в Московском княжестве.

³⁹ ПСРА. Т.ХVIII. С. 95.

⁴⁰ Там же. С. 97.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 98.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. Очерки по истории XIII — XV столетий. Пг., 1918. С. 170: «В страшном моровом поветрии 1353 года Симеон Иванович потерял сыновей...».

Этот второй сын Ивана Калиты имел две семьи. Зимой в начале 1342 г. Иван Иванович женился на Феодосии, дочери брянского князя Дмитрия Романовича⁴⁵. Но через год Феодосия умерла⁴⁶. От Феодосии у Ивана Ивановича родилась дочь, которая в 1356 г. была выдана замуж за литовского князя Дмитрия Кориадовича, внука литовского великого князя Гедимина⁴⁷. Позднее Дмитрий Кориадович перебрался в Москву и стал служить Дмитрию Донскому. Более он известен под именем Дмитрия Михайловича Боброка Волынского.

В 1345 г. князь Иван сочетался браком с Александрой, происхождение которой неизвестно⁴⁸. От этого брака он имел сыновей Дмитрия, родившегося 12 октября 1350 г.⁴⁹, и Ивана, родившегося после Дмитрия, то есть не ранее 1351 г., и умершего в 1364 г.⁵⁰, а также двух или более дочерей, которые косвенно упоминаются в его душевных грамотах: «А кого ми дать б(ог)ъ зятю, по чеши имъ зол(о)тѣ да по поасу по зол(о)ту»⁵¹. Сам Иван Красный умер 13 ноября 1359 г.⁵²

Третий сын Ивана Калиты серпуховский князь Андрей имел только одну жену. Брак Андрея и дочери галичского (Галича Мерского) князя Ивана Федоровича Марии состоялся в 1345 г., между 11 марта и 23 сентября⁵³. От этого брака у Андрея были сыновья Иван, появившийся на свет не

⁴⁵ Отчество брянского князя Дмитрия см.: *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси. Т. I. С. 92.

⁴⁶ ПСРА. Т. XVIII. С. 94.

⁴⁷ Там же. Т. XV. Вып. I. Стб. 65.

⁴⁸ Там же. С. 95. Имя жены Ивана Ивановича приводится в душевных грамотах этого князя. См.: *Кучкин В.А.* Издание завещаний московских князей XIV в. Первая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2008. № 4 (34). С. 99, ст. 14; *Он же.* Издание завещаний московских князей XIV в. Вторая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2009. № 1 (35). С. 97, ст. 14. Недавно А.П. Григорьев сочинил, будто Александра была родом из Орды. См.: *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниково-ведческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004. С. 118. Примерно с таким же успехом можно утверждать, что Александра была японской принцессой.

⁴⁹ ПСРА. Т. XVIII. С. 97.

⁵⁰ Там же. С. 102.

⁵¹ *Кучкин В.А.* Издание завещаний московских князей XIV в. Первая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2008. № 4 (34). С. 100, ст. 19; *Он же.* Издание завещаний московских князей XIV в. Вторая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2009. № 1 (35). С. 98, ст. 19.

⁵² ПСРА. Т. XVIII. С. 100.

⁵³ Там же. Стб. 56. О том, что в данном случае в летописи речь идет о галичском князе Иване Федоровиче, см.: *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X — XIV вв. М., 1984. С. 239, 242-246.

Дмитрий Донской.
Миниатюра
из царского
титularyника.
XVII в.

ранее 1346 г. и скончавшийся в 1358 г.⁵⁴, и знаменитый Владимир Храбрый, родившийся 15 июля 1353 г., через 39 дней после смерти своего родителя, последовавшей 6 июня 1353 г.⁵⁵

В итоге к началу 1365 г. в княжеском доме московских Рюриковичей остались лишь два мужских представителя: двоюродные братья Дмитрий Иванович, будущий Донской, и Владимир Андреевич, будущий Храбрый. Они продлили существование двух ветвей этого дома: великокняжеской и удельнокняжеской.

Великий князь Дмитрий Иванович женился 18 января 1366 г. на Евдокии, дочери нижегородского великого князя Дмитрия — Фомы Константиновича⁵⁶. Последнее завещание Дмитрия Донского, составленное примерно в первой половине мая 1389 г.⁵⁷, перечисляет пятерых его сыновей-наследников. Это были Василий, Юрий, Андрей, Петр и Иван⁵⁸. В статье «Сице родословятся велицѣи князи Русьстии», уже цитировавшейся выше при определении сыновей первого московского князя Даниила, указывается большее число сыновей

⁵⁴ ПСРА. Т. IV. Ч. I. Вып. 1. С. 287; Т. VI. Вып. 1. Стб. 433.

⁵⁵ Там же. Т. XVIII. С. 98.

⁵⁶ Там же. С. 105-106, под 6874 годом ультрамартовским Дмитрий женился «генваря въ 18 день...въ нѣделю». 18 апреля приходилось на воскресенье в 1366 г.

⁵⁷ Кучкин В.А. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Вып. III. М., 2001. С. 120 — 123.

⁵⁸ Кучкин В.А. Издание завещаний московских князей XIV в. Вторая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37). С. 122, ст. 3; С. 123, ст. 16.

Дмитрия Ивановича: «Василии, Юрии, Иоаннь, Семеонъ, Андрѣи, Петръ, Костянтинъ»⁵⁹. Однако летописи содержат еще больше данных о детях Дмитрия Донского, причем не только о сыновьях, но и о дочерях. Ценные сведения о сыновьях Дмитрия сообщает **«Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского»**, помещенное в Новгородской IV и Софийской I летописях. Благодаря этому источнику выясняется, что старшим сыном Дмитрия Ивановича был Даниил, по теоретическим расчетам родившийся не ранее конца 1366 г. и скончавшийся до начала 1372 г.⁶⁰ То же «Слово» сообщает, что младшим сыном Дмитрия был Константин, которому

⁵⁹ НПЛ. С. 466.

⁶⁰ Первая дата вытекает из даты женитьбы отца Даниила Дмитрия — 18 января 1366 г. Вторая дата основывается на упоминании в первой душевной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича и во втором договоре этого князя с Владимиром Андреевичем Серпуховским единственного сына московского князя Василия (в договоре упоминание косвенное), родившегося 30 декабря 1371 г. Первая душевная грамота Дмитрия датируется январем 1372 г. См.: Кучкин В.А. Первая духовная грамота Дмитрия Ивановича Донского // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 57 — 67. Второй договор Дмитрия с Владимиром составлен в июне 1372 г. См.: Кучкин В.А. К оценке договора 1372 г. великого князя Дмитрия с Владимиром Серпуховским // Отечественная история. 2007. № 3. С. 69-70. Следует отметить, что в «Истории Российской» В.Н. Татищева приведены другие даты рождения и смерти княжича Даниила Дмитриевича: 1369 г. и 15 сентября 1376 г. См.: Татищев В.Н. История Российская. Т. V. М.; Л., 1965. С. 121, 129. Сообщение о рождении Даниила заключает статью 6877 (1369) г. сочинения В.Н. Татищева. Вся статья названного года построена на данных Никоновской летописи. См.: Валк С.Н. О рукописях третьей части «Истории Российской» В.Н. Татищева // Татищев В.Н. История Российская. Т. V. С. 9 — 10. В распоряжении В.Н. Татищева был «Летописец Воскресенского монастыря, подписанной рукою Никона патриарха», который, по замечанию историка, был «продолжен по 1630 год». См.: Татищев В.Н. История Российская, Т. IV. М., 1964, С. 206 — 207. Летописец принадлежал библиотеке Петра I и сохранился до наших дней. Под названием «Академический XV» он был использован при издании Никоновской летописи в 1862 г. См.: ПСРА. Т. IX. СПб., 1862. С. VIII. Однако в этом списке свидетельства о рождении в 1369 г. у Дмитрия (Донского) сына Даниила нет. См.: ПСРА. Т. XI. СПб. 1897. С. 12. Очевидно, что это свидетельство является вставкой, сделанной В.Н. Татищевым или переписчиками его труда. Поскольку вставка поздняя, ее достоверность может быть поставлена под серьезное сомнение. Рассказ о событиях 6884 (1376) г. в «Истории Российской» также основан на Никоновской летописи. Но в последней указание на смерть 25 сентября 1376 г. «старейшего сына великого князя Димитрия Ивановича Даниила» отсутствует. См.: ПСРА. Т. XI. С. 24-25. И это указание надо считать поздней недостоверной вставкой, тем более, что в текстах XIV-XV вв. вместо «старейшего сына» должно было бы читаться «большого сына». В той же статье 6884 (1376) г. в «Истории Российской» сообщается и о том, что «родися великому князю Димитрию Ивановичу сын Андрей». Однако Андрей Дмитриевич родился 14 августа 1382 г. См.: ПСРА. Т. XI. С. 71. Очевидно, что известие о появлении на свет Андрея Дмитриевича является еще одной неудачной вставкой в текст статьи 6884 (1376) г. «Истории Российской».

в день смерти отца исполнилось 4 дня⁶¹. В летописях есть известие о смерти 11 сентября 1379 г. другого сына Дмитрия — Семена, который характеризуется как «дѣтя»⁶². Таким образом, в семье Дмитрия и Евдокии было восемь сыновей, но отца пережили шестеро: Василий (родился 30 декабря 1371 г.), Юрий (родился 26 ноября 1374 г.), Иван (родился в первой половине 1378 г.), Андрей (родился 14 августа 1382 г.), Петр (родился 29 июля 1385 г.) и Константин (родился 16 мая 1389 г.)⁶³.

Из дочерей Дмитрия Донского точная дата рождения известна только одной, самой младшей — княжны Анны. Она родилась 8 января 1388 г.⁶⁴ Первой в летописях упоминается другая дочь Дмитрия — Софья. Весной 1387 г. она вышла замуж за князя Федора, сына Олега Рязанского⁶⁵. В 1394 г. сестра Софьи Мария стала женой литовского князя Лугвеня (Семена) Ольгердовича⁶⁶. В 1397 г. холмский князь Иван Всеволодович, внук тверского великого князя Александра Михайловича, женился на еще одной дочери Дмитрия Донского, которую звали Анастасией⁶⁷. Младшая Анна в 1406 г. стала женой выехавшего на московскую службу Гедиминовича, литовского князя Юрия Патрикеевича⁶⁸. Всего, таким образом, в семье Дмитрия Донского было 12 детей, но 2 сына умерли при жизни родителя. Сам Дмитрий скончался 19 мая 1389 г.⁶⁹

Завещание двоюродного брата великого князя Дмитрия, Владимира Андреевича Серпуховского, составленное до 14 мая 1410 г. (дата смерти князя Владимира⁷⁰), называет пятерых его сыновей-наследников (в порядке старшинства): Ивана, Семена, Ярослава, Андрея и Василия, а также их мать княгиню Елену, получившую это имя при крещении⁷¹. Она была дочерью литовского великого князя Ольгерда. Владимир женился

⁶¹ ПСРА. Т. IV. Ч. I. Вып. 2. Пг., 1925. С. 360; Т. VI. Вып. 1. Стб. 503. Дата рождения Константина — 16 мая 1389 г. — приведена в Московском летописном своде конца XV в. См.: ПСРА. Т. XXV. М.; Л., 1949. С.215.

⁶² Там же. Т. XVIII. С. 129.

⁶³ Кучкин В.А. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Вып. III. С. 127 — 128.

⁶⁴ ПСРА. Т. XVIII. С. 137.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 143.

⁶⁷ Там же. Т. VI. Вып. 2. М. 2001. С. 1; ПСРА. Т. XV. СПб. 1863. Стб. 457.

⁶⁸ Кучкин В.А. Большой московский наместник Иван Юрьевич Патрикеев // Отечественная история. 2006. № 1. С. 157.

⁶⁹ ПСРА. Т. XVIII. С. 138.

⁷⁰ Там же. Т. VI. Вып. 2. Стб. 36.

⁷¹ ДДГ. № 17. С. 46.

на ней примерно в январе — феврале 1372 г.⁷² Однако росписи потомков князя Владимира Серпуховского, помещенные в родословных книгах XVI в., утверждают, что «княже Володимеровы дети: Иван, бездетен, да Семен, а женился у новосильского князя, бездетен; а третьей Ондрей, лежит в Архангеле, а была за ним дочь Ивана Дмитриевича; а четвертой Ярослав, а понял дщерь Федора Федоровича Голтяева; а пятой Федор, бездетен, а шестой Василий, бездетен, а семой Ондрей Радонежской, а лежит у Троицы в Сергееве монастыре»⁷³. Сравнение перечней сыновей Владимира Андреевича в его завещании и в родословной росписи показывает, что роспись перечисляет Владимировичей в той же последовательности, что и завещание князя Владимира, но два последних его сына, Василий и Андрей, названы в ней в обратной последовательности. Кроме того, в росписи дополнительно указаны еще два сына Владимира Серпуховского: Андрей (первый) и Федор. Чтобы проверить степень достоверности поздней родословной росписи, необходимо привлечение дополнительных источников. Летописи свидетельствуют, что первенец Владимира Иван родился весной 1381 г.⁷⁴ Ярослав (крестильное имя Афанасий) появился на свет 18 января 1389 г.⁷⁵ Федор родился 26 января 1390 г.⁷⁶ Василий родился 9 июля 1394 г.⁷⁷ Сведений о времени появления на свет Семена и двух Андреев Владимировичей нет⁷⁸. Примерные даты рождения этих трех княжичей приходится определять, сопоставляя между собой различные данные. Во второй договорной грамоте великого князя Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем, которая была

⁷² ПСРА. Т. XVIII. С. 112 (последнее известие статьи 6879 мартовского года). Такое время женитьбы Владимира Серпуховского было определено автором этих строк. См.: Кучкин В.А. Первая духовная грамота Дмитрия Ивановича Донского. // Средневековая Русь. Вып. 2. М. 1999. С. 67. А.Б. Мазуров и А.Ю. Никандров отметили, что «дату можно еще больше сузить. Речь должна идти о промежутке между 7 (до 6 января — Крещения Господня — не венчали) и 24 января (25 января начиналась подготовительная к Великому посту мясопустная неделя)». См.: Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV в. М., 2008. С. 78. Признавая справедливость суждений А.Б. Мазурова и А.Ю. Никандрова, следует заметить, что можно уточнить и дату, предложенную ими. На пространстве 7 — 24 января 1372 г. надо вычесть 7, 9, 14, 16, 21 и 23 января, то есть все приходившиеся на среды и пятницы постные дни, когда тоже не венчали.

⁷³ РИИР. Вып. 2. С. 11.

⁷⁴ ПСРА. Т. XVIII. С. 131.

⁷⁵ Там же. С. 138.

⁷⁶ Там же. Т. XV. Вып. I. Стб. 157.

⁷⁷ Там же. Т. XVIII. С. 143.

⁷⁸ Эжземлярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси, Т. II, С. 306-307, 308 — 309.

составлена между маем 1402 г. и 20 июля 1404 г.⁷⁹, указано, что «аз, княз(ь) Володимеръ Андревич, съ своими дѣтми, со княземъ съ Иваном и с Семеном, и съ арославом, и за свои дѣти за меншии, за Ондрѣа и за Васил(ь)а, целовали есмь кр(е)сть къ своему г(о)с(поди)ну...»⁸⁰. Из грамоты следует, что к моменту ее заключения Семен был уже дееспособен, он мог сам целовать крест, а Андрей (второй) был еще маленьким, целовать креста не мог, и за него это делал его отец. В одной из договорных московских княжеских грамот конца 40-х гг. XV в. подчеркивалось, что великий князь Василий Васильевич должен к своему контрагенту целовать крест сам и «за свои дѣти», а далее пояснялось: «А исполнятся, г(о)с(поди)не, твоим дѣтем по двѣнаццати лѣт, ино, г(о)с(поди)не, тогды целоват(и) им самим по нашим докончальным грамотам и по сеи по нашеи грамотѣ»⁸¹. Поэтому можно думать, что Семену в начале XV в. было не менее 12 лет. Что касается Андрея (второго), то исходя из дат рождения его старшего брата Федора и младшего брата Василия, надо полагать, что он родился между началом 1391 г. и серединой 1393 г., судя по его недееспособности, зафиксированной в указанной выше грамоте, ближе к последней дате. Летописные свидетельства о годах рождения Ивана, первого сына Владимира Серпуховского, и Ярослава-Афанасия, согласно родословной росписи XVI в. — четвертого сына Владимира Серпуховского, показывают, что между рождениями этих сыновей князя Владимира прошло без малого 8 лет. Такой большой временной промежуток делает достоверным указание родословной росписи о появлении между 1381 и 1389 гг. в семье серпуховского князя еще двух сыновей — Семена и Андрея (первого). Исходя из дат рождения Ивана и Ярослава, а также из старшинства Семена перед Андреем (первым), временем рождения последнего будет период от весны 1383 г. до начала 1388 г., а Семена — от весны 1382 г. до начала 1387 г. Поскольку во втором договоре Василия I с Владимиром Андреевичем Серпуховским дети князя Владимира Андрей (первый) и Федор не упоминаются, становится очевидным, что, по меньшей мере, к лету 1404 г. их уже не было в живых. Эту хронологическую грань уточнили А.Б. Мазуров и А.Ю. Никандров. Они обратили внимание на «Слово о житии и учении Стефана Пермского», написанное Епифанием Премудрым, где перечисляются русские князья, бывшие современниками смерти пермского епископа Стефана Храпа.

⁷⁹ О дате грамоты см.: Кучкин В.А. К характеристике второго договора Василия I с Владимиром Серпуховским // Великий Новгород и средневековая Русь. М., 2009. С. 403.

⁸⁰ ДДГ. № 16, С. 45.

⁸¹ Там же, № 51, С. 150.

Среди этих князей названы и дети Владимира Андреевича Серпуховского. Они перечислены в «Слове» в следующем порядке и составе: кончина Стефана Пермского произошла при «Иваннѣ, Симевнѣ, Афонасии, Андрѣи, Василии»⁸². Оказывается, перечень сыновей серпуховского князя в этом литературном произведении точно такой же, что и во второй договорной грамоте 1402 — 1404 гг. Владимира Андреевича с Василием I и в составленном между январем — началом марта 1410 г. завещании серпуховского князя⁸³. В перечне не упомянуты сыновья Владимира Серпуховского Андрей (первый) и Федор. Епископ Стефан Пермский скончался 26 апреля 1396 г.⁸⁴ Отсюда А.Б. Мазуров и А.Ю. Никандров сделали естественный вывод, что Андрей (первый) и Федор Владимировичи умерли до указанной даты⁸⁵. В таком случае Андрей (первый) умер в возрасте от 8 до 13 лет и едва ли мог быть женат, как о том сообщают позднейшие родословные книги, путая его, видимо, с Андреем (вторым).

Дочери Владимира Андреевича неизвестны. Ни в летописях, ни в завещании 1410 г. Владимира Андреевича, ни в завещании начала 1434 г. его вдовы княгини Елены⁸⁶, в монашестве Евпраксии, о них нет никаких, даже косвенных, упоминаний⁸⁷. В XV в. жили и действовали только сыновья Владимира Серпуховского Иван, Семен, Ярослав-Афанасий, Андрей и Василий. Оставив на время характеристики их самих и их семей, соблюдая хронологический и генеалогический порядок, обратимся к потомкам великого князя Дмитрия Донского.

Когда умирал Дмитрий, все его сыновья оставались холостыми. Первым женился старший из них — Василий, ставший преемником отца на столе Московского великого княжения. Свадьба была сыграна 9 января 1391 г.⁸⁸ Избранницей стала Софья, дочь литовского великого князя Витовта. 30 марта 1395 г. в семье родился первенец — сын Юрий⁸⁹, который умер

⁸² Дружинин В.Г. Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897. С. 85.

⁸³ Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства. С. 232; ПСРА. Т. IV. Ч. I. Вып. 1. С. 287; Т. VI. Вып. 1. Стб. 433.

⁸⁴ ПСРА. Т. XXV. С. 226.

⁸⁵ Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства. С. 261.

⁸⁶ Такая датировка предложена в последнее время А.Б. Мазуровым. См.: Там же. С. 253.

⁸⁷ ДДГ. № 17. С. 45 — 51; № 28. С. 71 — 73.

⁸⁸ О дате см.: Кучкин В.А. К характеристике второго договора Василия I с Владимиром Серпуховским. С. 400 (с разбором других дат женитьбы Василия I, встречающихся в исторических исследованиях).

⁸⁹ ПСРА. Т. XVIII. С. 143.

Василий I
Дмитриевич.
*Миниатюра
из царского
титулярника.
XVII в.*

30 ноября 1399 г.⁹⁰ Второй сын Иван родился 15 января 1397 г.⁹¹ Третий сын Даниил появился на свет 6 декабря 1401 г., но прожил только 5 месяцев, следовательно, умер в начале мая 1402 г.⁹² Четвертый сын Семен родился 13 января 1405 г., но прожил всего 12 недель, т. е. умер 8 апреля 1405 г.⁹³ Пятый сын Василий, который стал преемником отца на великокняжеском столе, появился на свет 10 марта 1415 г.⁹⁴

Помимо сыновей, в семье Василия и Софьи рождались и дочери, о существовании которых можно узнать главным образом из скурых летописных записей об их замужествах. В 1411 г. Василий Дмитриевич обручил свою дочь Анну, еще маленькую девочку, с сыном византийского императора Мануила II Палеолога Иоанна⁹⁵, впоследствии ставшего императором Иоанном VIII Палеологом. Но надеть корону византийской императрицы Анне было не суждено. Готовясь к свадьбе, она скончалась от эпидемии чумы в Константинополе в августе 1417 г.⁹⁶ В 1418 г. Василий

⁹⁰ Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 453. Здесь в выписке Н.М. Карамзина сохранилась полная и точная дата смерти Юрия: в воскресенье 30 ноября 6907 (1399) г. О дате и дне недели см.: Черепнин Л.В. Русская хронология. М., 1944. Табл. XV.

⁹¹ ПСРА. Т. XXV. С. 227.

⁹² Приселков М.Д. Троицкая летопись. С. 455.

⁹³ Там же. С. 458.

⁹⁴ ПСРА. Т. XVIII. С. 162.

⁹⁵ Там же. С. 160.

⁹⁶ Prosopografisches Lexikon der Palaiologen Zeit. Wien, 1976. Т. I, № 1003. S. 94. Поэтому утверждение А.В. Кузьмина и Б.М. Клосса, будто Анна стала женой византийского принца, является ошибочным. См.: Герберштейн С. Записки о Московии. Т. II. М. 2008. С. 315.

Дмитриевич выдал замуж за суздальского (нижегородского) князя Александра Ивановича свою дочь Василису⁹⁷. Около того же времени другая дочь Василия Дмитриевича — Анастасия — стала женой литовского князя Александра (Олелька) Владимировича, внука литовского великого князя Ольгерда⁹⁸. Встречающееся в литературе указание на четвертую дочь Василия — Марию (или Анну-Марию) — является ошибочным⁹⁹. Сам великий князь Василий Дмитриевич скончался 27 февраля 1425 г.¹⁰⁰

Летописи сохранили известие, что второй из сыновей-наследников Дмитрия Донского Юрий женился в 1400 г. на Анастасии, дочери смоленского князя Юрия Святославича¹⁰¹. В год свадьбы Юрию было почти 26 лет. От этого брака у него родились сыновья Василий, позднее получивший прозвище Косого, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный, но точные годы их рождения неизвестны. Можно только сказать, что все они родились до 11 июля 1422 г., когда умерла их мать¹⁰². В завещании Юрия Дмитриевича, составленном в июле — августе 1432 г., только эти три сына, Василий, Дмитрий и Дмитрий Меньший (именно в такой последовательности), и названы наследниками отца¹⁰³. Никакие дочери в завещании Юрия Дмитриевича не упоминаются. Но Г.В. Семенченко удалось установить, что у Юрия Дмитриевича был еще один сын — Иван¹⁰⁴. Он являлся старшим

⁹⁷ ПСРА. Т. XVIII. С. 165.

⁹⁸ Там же. С. 166, 202.

⁹⁹ *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси. Т. I. С. 147. Поправку к тексту А.В. Экземплярского см.: *Кучкин В.А.* Большой московский наместник Иван Юрьевич Патрикеев. С. 154.

¹⁰⁰ ПСРА. Т. XVIII. С. 167; ПСРА. Т. XXV. С. 246.

¹⁰¹ *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. С. 353; ПСРА. Т. XXV. С. 229.

¹⁰² ПСРА. Т. XVIII. С. 166; ПСРА. Т. XXV. С. 245.

¹⁰³ ДДГ. № 29. С. 73 — 75. Завещание было составлено по приходе Юрия Дмитриевича из Орды домой. Он пришел оттуда вместе с великим князем Василием Васильевичем. Приезд Василия Васильевича в Москву датирован «на Петровъ день» 6940 г., то есть 29 июня 1432 г. См.: ПСРА. Т. XVIII. С. 172. Не позже августа 1432 г. великий князь Василий Васильевич отобрал Дмитров у князя Юрия (там же, последнее известие статьи сентябрьского 6940 г.), который в завещании рассматривал Дмитров как свое владение.

¹⁰⁴ *Семенченко Г.В.* Неизвестный сын Юрия Галицкого и политическая борьба на Руси в начале 30-х гг. XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XXII. Л., 1991. Заключение Г.П. Семенченко подтвердилось записью в «ростовском соборном синодике»: «Благоверному князю Ивану, скончавшемуся во мнишеском чину, князю Дмитрию Красному Юрьевичем вѣчная память» (текст дан в упрощенной транскрипции). См.: *Конев С.В.* Синодология. Ч. II: ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. Вып. 6. С. 99. Упомянут князь Иван Юрьевич и в разных вариантах завещания митрополита Фотия: «Бл(а)городному и бл(а)говѣрному кн(я)зю Ивану Юрьевичю и его брат(ь)е даю миръ и бл(а)г(о)с(ло)в(е)ніе и прощѣніе». См.: Книга глаголемая Фотиос. М., 2005. С. 350. А.Б. Мазуров и А.Ю. Никандров приняли

сыном звенигородского князя и умер в великий пост 1432 г., видимо, управляя Галичем¹⁰⁵. Его смерть и стала, судя по всему, побудительной причиной составления в 1432 г. завещания Юрия Дмитриевича, перераспределившего свои владения между оставшимися тремя сыновьями.

Сам Юрий Дмитриевич умер 5 июня 1434 г.¹⁰⁶

Третий по возрасту из наследовавших Дмитрию Донскому его сыновей — Иван — неслучайно в завещании 1389 г. своего отца был назван самым последним среди родных братьев. Он, видимо, был душевнобольным¹⁰⁷, получил в наследство совершенно мизерный удел и необычное право по собственной воле отдать его любому из братьев. Из этого видно, что своей семье Иван не имел и не мог рассчитывать на ее создание. Умер Иван 29 июля 1393 г.¹⁰⁸

Четвертый сын Донского, князь можайский и белозерский Андрей, имел семью и детей. Он женился в 21 год на Аграфене, дочери княжившего в Стародубе Северском литовского князя Александра Патрикеевича. Свадьба была сыграна 8 октября 1403 г. в Москве¹⁰⁹. От этого брака у Андрея родились сыновья Иван и Михаил, а также дочь Анастасия, ставшая первой женой тверского великого князя Бориса Александровича. О времени их рождения сведений не сохранилось. Андрей Дмитриевич умер 9 июля 1432 г.¹¹⁰

Имел семью и пятый сын Дмитрия Ивановича Петр. 16 января 1407 г. он женился на Евфросинии, дочери Полиевкта Васильевича из рода известных московских бояр Вельяминовых¹¹¹. В этой семье были дети¹¹², но потомства не осталось. Князь Петр скончался в мясопустную субботу 1427 г., которая в указанном году приходилась на 22 февраля¹¹³.

этого князя Ивана Юрьевича за князя И.Ю. Патрикеева. См.: Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства. С. 188. Но Иван Юрьевич Патрикеев был младшим сыном в семье. У него был старший, причем единственный, брат Василий, умерший в 1450 г. Если Фотий говорит о князе Иване Юрьевиче, который возглавляет свою братию, то это никак не князь Иван Патрикеев.

¹⁰⁵ ПСРА. Т. XXIV. С. 182. Великий пост в 1432 г. приходился на 17 февраля — 19 апреля.

¹⁰⁶ Там же. Т. V. СПб., 1851. С. 266.

¹⁰⁷ *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси. Т. I. С. 290 — 291

¹⁰⁸ *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. С. 442-443; ПСРА. Т. XVIII. С. 143; ПСРА. Т. XXV. С. 221.

¹⁰⁹ *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. С. 456; ПСРА. Т. XXV. С. 232.

¹¹⁰ ПСРА. Т. VI. Вып. 2. Стб. 64.

¹¹¹ *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. С. 464; ПСРА. Т. XXV. С. 236; РИИР. Вып. 2. С. 135.

¹¹² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. I. М., 1952. С. 80. № 100.

¹¹³ ПСРА. Т. V. СПб., 1851. С. 263. В других летописях смерть Петра отнесена к 1428 г., но без уточняющих хронологических указаний.

Последний сын Дмитрия Донского Константин, как и большинство его братьев, тоже был женат. О его жене Анастасии известно очень мало. Летописи отмечают только ее кончину, последовавшую в октябре 1419 г.¹¹⁴ В завещании митрополита Фотия, составленном между ноябрем 1430 г. и концом июня 1431 г., упомянуты сыновья Дмитрия Донского Андрей и Константин, которым дается благословение вместе «съ их кн(я)гинями и дѣтми»¹¹⁵. В таком случае речь должна идти о второй жене Константина и детях, возможно, от первого и второго браков. Сколько среди этих детей было мальчиков и девочек — неизвестно. А.В. Экземплярский привел свидетельство родословной росписи XVI в., помещенной в Воскресенской летописи, о наличии у Константина Дмитриевича сына Семена¹¹⁶. Такое свидетельство сохранилось и в одной из древнейших родословных книг¹¹⁷. Его надо признать верным. Но Семен Константинович умер, скорее всего, во младенчестве, поскольку после Константина род его не продолжился. Сам Константин Дмитриевич скончался 9 мая 1434 г.¹¹⁸

Другая ветвь московских князей, ведшая свое начало от удельного серпуховского князя Владимира Андреевича, в XV в. оказалась менее репродуктивной. Старший сын Владимира Иван весной 1401 г. женился на Василисе (Вассе), дочери рязанского князя Федора Ольговича¹¹⁹. Сыновья в этой семье, возможно, были, но умерли рано¹²⁰. Была также дочь Мария, упоминаемая в завещании ее бабки, княгини Елены Ольгердовны, в монастыше Евпраксии¹²¹. Когда родилась Мария Ивановна, неизвестно. Год смерти ее отца, князя Ивана, устанавливается по эпитафии XVII в. на гробнице этого князя в Архангельском соборе московского Кремля и кормовой книге того же собора. Оба источника называют дату 7 октября 1422 г.¹²²

¹¹⁴ ПСРА. Т. I. Стб. 540; *Насонов А.Н.* Летописный свод XV века (по двум спискам) С. 308.

¹¹⁵ См.: Книга глаголемая Фотиос. С. 345, 357.

¹¹⁶ *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси. Т. II. С. 141. См.: ПСРА. Т. VII. СПб., 1856. С. 238.

¹¹⁷ РИИР. Вып. 2. С. 12.

¹¹⁸ *Мазуров А.Б., Никандров А.Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства. С. 155.

¹¹⁹ *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. С. 454; ПСРА. Т. XXV. С. 231; ПСРА. Т. XXIII. СПб. 1910. С. 138; ПСРА. Т. VI. Вып. 2. Стб. 8. В двух последних летописях указано, что свадьба была сыграна зимой.

¹²⁰ Об этом см. ниже.

¹²¹ ДДГ. № 28. С. 72.

¹²² *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси. Т. II. С. 305; *Мазуров А.Б., Никандров А.Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства. С. 139.

Второй сын Владимира Серпуховского, князь Семен, тоже имел семью. В конце 1404 или в начале 1405 г. отец женил его на дочери новосильского князя Василисе¹²³. Прямых данных о детях в этой семье нет. Семен Владимирович скончался осенью 1426 г. от моровой язвы¹²⁴.

Одновременно с ним и от той же болезни умерли два родных брата Семена: Ярослав-Афанасий и Андрей (второй)¹²⁵. Ярослав был женат дважды. Первый раз он женился в Москве в начале 1408 г.¹²⁶ В летописных сообщениях о его бракосочетании нет указаний ни на имя жены, ни на ее происхождение. Но в Тверском сборнике под 6919 (1411) г. помещено известие о том, что 1 декабря в Боровске скончалась княгиня «Анна Ярославова», т. е. жена князя Ярослава. Поскольку она была «тща» (дча, дочь) князя Семена Васильевича, ее увезли в Ярославль и там похоронили в Спасском монастыре¹²⁷. Князь Семен Васильевич Новленский был третьим сыном ярославского князя Василия Васильевича. Семен владел Юхотским уделом Ярославского княжества¹²⁸. Таким образом, первой женой Ярослава-Афанасия Владимировича была Анна, дочь юхотского князя Семена Васильевича Новленского. От этого скоротечного брака у Ярослава детей не было. Ярослав женился вторично, очевидно, после 1411 г.¹²⁹ Второй его женой стала дочь знатного московского боярина Федора Федоровича Голтяя Кошкина. Косвенное указание на это содержится в летописном известии о помолвке великого князя Василия Васильевича осенью 1432 г.: «кн(я)зь велики обручал за себя кн(я)жню Марью, дщерь Ярославлю, а внуку Марьи

¹²³ ПСРА. Т. XXV. С. 233. Имя жены князя Семена приведено в завещании его матери. См.: ДДГ. № 28. С. 72.

¹²⁴ ПСРА. Т. VI. Вып. 2. Стб. 52.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же. Т. XVIII. С. 154.

¹²⁷ Там же. Т. XV. Стб. 486.

¹²⁸ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. С. 293 — 295.

¹²⁹ С. М. Каштанов полагает, что сын Ярослава Владимир мог родиться уже в конце 1411 г. См.: Каштанов С. М. К вопросу о сыновьях Боровско-Серпуховского князя Василия Ярославича // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4-6 февраля 1997 г. РГГУ. М. 1998. С. 122. Однако 6919 г. Тверского сборника еще мартовский, а не сентябрьский. Переход с мартовского года на сентябрьский начинается на Руси с самого конца 30-х гг. XV в. См.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 303. Поэтому дата смерти первой жены Ярослава Владимировича — 1 декабря 1411 г., а не 1 декабря 1410 г., как полагает С. М. Каштанов. К тому же после смерти первой жены Ярослав в течение одного года не мог вступать в новый брак. Поэтому Василий не мог появиться на свет ранее конца 1413 г., что справедливо отметили А. Б. Мазуров и А. Ю. Никандров. См.: Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства. С. 260. Примеч. 269.

Голтыевы»¹³⁰. Если Мария была дочерью Ярослава Владимировича, а другого князя Ярослава на Руси в первой трети XV в. не существовало, и если Мария была внучкой Марии Голтыевой, то это значит, что Ярослав был женат на дочери Голтыевой, по имени нам неизвестной. Между тем, в работах даже самых крупных и авторитетных историков утверждается, что Мария Голтыева и была женой Ярослава-Афанасия Владимировича, и все действия Марии Голтыевой приписываются жене Ярослава-Афанасия. Однако ни в документальных, ни в летописных источниках Мария Голтыева не упоминается с княжеским титулом, что для жены князя было совершенно недопустимо. В одной из грамот 1447 г. Голтыева названа вполне определенно: «Марьину Федоровы жены Федорович(а) казны»¹³¹. В другой грамоте принадлежность той же казны выражена иначе: «казну... М(а)рьину Голтыевы»¹³². Свидетельство еще одной грамоты XV в. проясняет действительный статус Марии Голтыевой: «А что wt(е)дь наш, князь великии, поволит своєї боарынё М(а)ріе Федѡровё Федѡрович(а) Голтыевё дати тобё свои села...»¹³³, то есть Мария Голтыева была не серпуховской княгиней, а московской боярыней. От брака с дочерью Ф.Ф. Голтыя Кошкина и Марии Голтыевой Ярослав имел дочерей Елену, вышедшую замуж за двоюродного брата великого князя Василия Темного князя Михаила Андреевича Верейского и Белозерского, и Марию, ставшую женой Василия Васильевича Темного, а также сына Василия. Изучая биографию Ярослава-Афанасия Владимировича, А.Б. Мазуров и А.Ю. Никандров нашли, что на дочери Марии Голтыевой (у авторов это сама Мария Голтыева) Ярослав должен был жениться в 1413 или в 1414 г. Елена как старшая из его детей могла появиться на свет уже в 1414 г., самое позднее — в начале 1419 г., Василий — между 1416 и 1419 гг., а Мария — в конце 1420-го — начале 1421 г.¹³⁴ Хотя в указанные расчетные даты можно внести некоторые поправки, например, Василий едва ли мог родиться в 1416 г., поскольку он не упоминается как взрослый князь в договоре московских князей от 11 марта 1428 г., в целом предложенная А.Б. Мазуровым и А.Ю. Никандровым датировка событий во

¹³⁰ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 64.

¹³¹ ДДГ. № 48. С. 148.

¹³² Там же. № 46. С. 141.

¹³³ Там же. № 69. С. 226. Поэтому описание и выводы относительно передачи вдовой князя Ярослава-Афанасия сел князю Борису Волоцкому, сделанные А.Б. Мазуровым и А.Ю. Никандровым, не приносят никакой пользы, поскольку приписаны другому лицу. См.: Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства. С. 173, 250, 260.

¹³⁴ Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства. С. 149 — 150.

второй семье князя Ярослава представляется приемлемой. Из нее можно исходить, делая примерные возрастные расчеты.

Андрей (второй), или Андрей Радонежский был женат. Его женой стала неизвестная по имени дочь крупного московского боярина Ивана Дмитриевича Всеволожского¹³⁵. От этого брака родилась дочь, имя которой в источниках не упоминается. После смерти отца эта дочь своим дедом И.Д. Всеволожским была выдана замуж за Василия (Косого), сына звенигородско-галичского князя Юрия Дмитриевича.

Последний из сыновей Владимира Серпуховского Василий был женат на Ульяне, упоминаемой в завещании ее свекрови княгини Елены (Евпраксии) Ольгердовны. Когда была сыграна свадьба и из какой семьи происходила княгиня Ульяна, источники не отмечают. Брак Василия с Ульяной был бездетным. Умер Василий от морового поветрия в 1427 г.¹³⁶

В договоре великого князя Василия Васильевича и двух его дядей Андрея и Константина Дмитриевичей с звенигородским и галичским князем Юрием Дмитриевичем, заключенном 11 марта 1428 г., упоминаются «втчины княжихъ Володимеровыхъ вндрёевича внучат»¹³⁷. Это подтверждает тот факт, что к указанному времени все сыновья Владимира Серпуховского ушли из жизни. Однако оставались внуки Владимира Андреевича, т. е. сыновья были у братьев Ярослава Владимировича, а не только у него одного, о чем в других источниках не сообщается. Все эти сыновья-внучата были малолетними, поскольку договор 1428 г. между их старшими родственниками гарантировал им сохранность их владений, сами за себя они постоять еще были не в состоянии. Но в завещании 1434 г. вдовы Владимира Серпуховского монахини Евпраксии единственным мужским представителем начатой ею особой ветви московских князей выступает Василий Ярославич.

Этот князь имел две семьи. Первую его жену звали Василисой¹³⁸. Кто она была по происхождению — неизвестно. Если в 1434 г. Василий был еще холост, что следует из завещания его бабки, то в первой половине 40-х гг. XV в. он уже имел жену и нескольких детей. Летопись сообщает, что в феврале 1446 г. после ослепления мужа своей сестры Василия II Василий

¹³⁵ Из приведенной ранее выдержки из родословной книги о роде Владимира Серпуховского видно, что эта дочь ошибочно была объявлена женой первого Андрея Владимировича.

¹³⁶ ПСРА. Т. XVIII. С. 169; ПСРА. Т. XXV. С. 247.

¹³⁷ ДДГ. № 24. С. 64, 66.

¹³⁸ См.: Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства. С. 262.

Ярославич бежал в Литву «со княгинею и з дѣтми»¹³⁹. Следовательно, он женился не позднее начала 40-х гг. XV в. Судя по третьему договору Василия Ярославича с великим князем Василием II, ко времени составления этого соглашения серпуховский князь овдовел. Об этом свидетельствует следующая статья договора: «А *шт(ь)иметь, г(осподи)не, мене бог, брата твоего молодшего, кн(я)зя Васил(ь)а арославич(а), и тобѣ, г(осподи)не, и твоимъ дѣтем под моею княинею, кою ми бог дасть княиню, и под моим сыном, кн(я)зем Иваном, и под моими детми, кое ми бог дасть, моего оудѣла, трети московские, и всег(о) моего оудѣла, и Суходола с Красным селом, что ми ся еси, г(осподи)не, штступил въ вудѣл и въ вотчину, и того ти, г(осподи)не, всего под ними блюсти, и боронити, и печаловатися, а не вбидѣти, ни въступатися»¹⁴⁰. Из приведенного текста видно, что Василий Ярославич имел, очевидно, от первого брака сына Ивана, которого намечал в свои преемники, и собирался завести другую семью, какую ему «бог дасть». На противне этого договора, составленного от имени великого князя Василия Васильевича, другим почерком сделана приписка: «А кнагини моеи въ великом кнаженъи сел не держати»¹⁴¹. Это свидетельствует о том, что вскоре после составления текста третьего договора со своим зятем Василий Ярославич женился. В его четвертом договоре с великим князем Василием Васильевичем, заключенном после лета 1454 г., серпуховский князь обязывался «так же *ми, г(осподи)не, ни сел не держати, ни моеи княини. ни моим дѣтѣм в твоеи вотчинѣ, въ великом княжении»*¹⁴². Приписка на экземпляре третьего договора была превращена в самостоятельную статью в четвертом договоре и тематически расширена, в ней появилось указание на детей Василия Ярославича, очевидно, от второй жены.*

Однако установить даже примерное время второй женитьбы Василия Ярославича оказывается делом весьма непростым. Л.В. Черепнин, например, считал, что перед заключением третьего и четвертого договоров серпуховского и великого князей Василий Ярославич оставался вдовцом¹⁴³. Всё зависит от датировки третьего соглашения серпуховского князя с великим князем. В свое время Л.В. Черепнин отметил, что в этом договоре как владение великого князя Василия II упомянут Галич. Галич перешел к великому князю от Шемяки после разгрома последнего под этим городом

¹³⁹ ПСРА. Т. XXIII. С., 153.

¹⁴⁰ ДДГ. № 56. С. 173.

¹⁴¹ Там же. С. 171 и примеч. 1.

¹⁴² ДДГ. № 58. С. 185.

¹⁴³ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV — XV веков. С. 152.

27 января 1450 г.¹⁴⁴ Отсюда Л.В. Черепнин делал вывод, что договор составлен в 1450 г.¹⁴⁵ Однако дата 27 января 1450 г. свидетельствует лишь о том, что третий договор двух Василиев не мог быть составлен раньше названного времени. Для отнесения его именно к 1450 г. нужны дополнительные доказательства, которых в работе Л.В. Черепнина нет. В.Д. Назаров предложил датировать договор летом 1453 г. — началом 1454 г., исходя из того, что зафиксированный в договоре переход Дмитровского княжества от серпуховского князя к великому означал урезание владений удельного князя, а это Василий II мог сделать, только расправившись с главным своим политическим противником — Дмитрием Шемякой, отравленным летом 1453 г.¹⁴⁶ Соображения В.Д. Назарова любопытны, но недостаточно обоснованы. Текст третьего договора Василия Ярославича с великим князем имеет одну особенность, отличающую его от предшествовавшего договора тех же князей. В третьем договоре подчеркивается политическая роль будущего Ивана III, который последовательно титулуется великим князем и назван единственным наследником верховной власти своего отца: «А *вм(ъ)* имет бог(ъ) мене, великоз(о) кн(я)зя, и тобѣ, брате, имѣти с(ы)на моез(о), великоз(о) кн(я)зя Ивана, в мое мѣсто»¹⁴⁷. Эта возросшая роль Ивана после января 1450 г. связана с его женитьбой на Марии, дочери союзника Василия II тверского великого князя Бориса Александровича. Их свадьба была сыграна 4 июня 1452 г.¹⁴⁸ 1452 годом и следует датировать третий договор Василия Серпуховского и великого князя Василия II. В таком случае второй брак Василия Ярославича можно относить к середине — второй половине 1452 г., что позволяет снять предположения С.М. Каштанова о существовании третьего брака этого князя¹⁴⁹.

От второй жены Василий имел сыновей Ивана, Андрея и Василия¹⁵⁰. Судьба всех их оказалась печальной. 10 июля 1456 г. князь Василий Ярославич по приказу своего зятя Василия II был неожиданно схвачен в Москве и отправлен под арест в Углич. Великий князь хотел арестовать и всю семью шурина, но были захвачены только его маленькие дети от второго брака. Старший сын Василия Ярославича Иван и мачеха Ивана сумели убежать в

¹⁴⁴ ПСРА. Т. XVIII. С. 205.

¹⁴⁵ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV — XV веков. Ч. I. С. 151 — 152.

¹⁴⁶ Назаров В.Д. Дмитровский удел в конце XIV — середине XV в. // Историческая география России. XII — начало XX в. М., 1975. С. 57 — 58.

¹⁴⁷ ДДГ. № 56. С. 170.

¹⁴⁸ ПСРА. Т. XVIII. С. 208; ПСРА. Т. XXV. С. 272 — 273 (4 июля); ПСРА. Т. XV. Стб. 495.

¹⁴⁹ Каштанов С.М. К вопросу о сыновьях Боровско-Серпуховского князя Василия Ярославича. С. 124 — 125.

¹⁵⁰ РИИР. Вып. 2. С. 12.

Литву¹⁵¹. Владения серпуховского князя были присоединены к владениям великого князя. Три младших сына Василия Ярославича разделили судьбу отца и умерли в «вызыманьи»¹⁵². Сам Василий Ярославич скончался «в железех» в заточении на Вологде 18 февраля 1483 г.¹⁵³. Так закончила свое существование на Руси боковая линия московских Рюриковичей — серпуховских князей¹⁵⁴.

По-разному складывались в XV в. судьбы внуков Дмитрия Донского. Один из них, второй по времени рождения сын великого князя Василия I Иван, вступил в брак почти в 20-летнем возрасте. 31 января 1417 г. в Москве «князь великий Василей Дмитриевич жени сына своего князя Иоана у князя Ивана у Пронского»¹⁵⁵. Но через полгода, в июле 1417 г., молодой муж умер, так и не оставив потомства¹⁵⁶.

Сменивший в 1425 г. на великокняжеском столе своего отца Василий Васильевич, во второй половине своей жизни прозванный Темным, потому что был ослеплен в 1446 г., а от генеалогов и историков получивший номер два среди московских великих князей Василиев, женился 8 февраля 1433 г. на своей четвероюродной сестре, совсем еще юной Марии Ярославне¹⁵⁷. В этом браке у Василия Васильевича родилось несколько детей. В своем завещании, составленном между началом декабря 1461 г. и концом февраля 1462 г.¹⁵⁸, Василий Темный назвал пятерых своих сыновей-наследников: старейшего Ивана, Юрия, Андрея, Бориса и Андрея Меньшего¹⁵⁹. В родословных книгах, восходящих к официальному Государеву родословцу 1555 г., указаны 6 сыновей Василия II: «Юрье — мал, умре, Иван, Юрье — бездетен, Андрей, Борис, Андрей Меньшей — без[детен]»¹⁶⁰. В родословных

¹⁵¹ ПСРА. Т. XVIII. С. 212; ПСРА. Т. XXV. С. 275.

¹⁵² РИИР. Вып. 2. С. 77.

¹⁵³ Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства. С. 182 — 183; ПСРА. Т. VI. Вып. 2. Стб. 317 (в начале 1483 г.); ПСРА. Т. XII. СПб., 1901. С. 214.

¹⁵⁴ В Литовском великом княжестве потомство Ивана Васильевича Серпуховского просуществовало до середины 50-х гг. XVI в. См.: Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства. С. 263.

¹⁵⁵ ПСРА. Т. XV. Стб. 487.

¹⁵⁶ Там же. Т. XXV. С. 243.

¹⁵⁷ Там же. Т. XVIII. С. 172; ПСРА. Т. XXV. С. 250; ПСРА. Т. VI. Вып. 2. Стб. 65 (дата свадьбы — 7 февраля).

¹⁵⁸ Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства. С. 180.

¹⁵⁹ ДДГ. № 61. С. 194 — 195.

¹⁶⁰ Памятники истории русского служилого сословия. / Сост. А.В. Антонов. М., 2011. С. 19.

Василий Васильевич
Темный.
Миниатюра
из царского
титularyника.
XVII в.

книгах другой редакции перечислены 7 Васильевичей: «князь Юрьи, князь великий Иванъ, князь Юрьи, князь Семень, князь Андрей, князь Борисъ, Андрей Меньшой»¹⁶¹. Именно эти данные приведены А.В. Экземплярским в его работе о князьях Северной Руси: Василий II оставил после себя сыновей «Юрия старшего, Ивана, Юрия младшего, Андрея старшего, Семена, Бориса, Андрея младшего»¹⁶². Однако в родословных росписях, помещенных в различных московских великокняжеских сводах конца XV в., названы не 6, не 7, а 8 сыновей великого князя Василия Васильевича: «Юрьи, Иванъ, Юрьи, Андреи, Симеонъ, Борисъ, Андреи, Дмитрией»¹⁶³. В статье «Отъ летописца вкратцѣ, князи русїи», предваряющей вместе с рядом других статей летописный свод 1518 г., также указаны 8 сыновей Василия II, но в несколько ином порядке: «Иванъ, Юрии, Юрьи, Андреи, Семень, Борисъ, Андрѣи, Дмитрии»¹⁶⁴. На первое место среди сыновей Василия Васильевича в данной статье поставлен Иван III, который был хорошо известен книжникам XVI в. как государь всея Руси, а потому и превращен ими в старшего сына своего отца. Как можно будет убедиться ниже, старшим сыном Василия Васильевича Иван III стал не сразу. Важным

¹⁶¹ Родословная книга // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. X. Отд. II. М., 1850. С. 219.

¹⁶² Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси. Т. I. С. 187.

¹⁶³ ПСРА. Т. XVIII. С. 24; ПСРА. Т. XXIV. С. 227; ПСРА. Т. XXVII. М.; Л., 1962. С. 298, 367; ПСРА. Т. XXVIII. М.; Л., 1963. С. 141.

¹⁶⁴ ПСРА. Т. XXIII. С. 167. Текст заимствован из рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 188, по которой в 1963 г. в ПСРА, т. XXVIII был издан свод 1518 г. (Уваровская летопись).

является то, что в статье «Отъ лѣтописца вкратцѣ, князи русѣи» перечислены те же 8 сыновей Василия II, что и в более ранних летописных сводах конца XV в. Одинаковые в численном отношении показания разных летописных памятников заставляют признать названную цифру достоверной и считать неточными исследовательские указания А.В. Экземплярского на существование 7 сыновей Василия Темного.

Что же сообщают летописи о рождении детей у Василия Васильевича? Они свидетельствуют, что в семье этого великого князя осенью 1437 г. родился сын Юрий¹⁶⁵, 22 января 1440 г. — сын Иван¹⁶⁶, 22 января 1441 г. — Юрий¹⁶⁷, 13 августа 1446 г. — Андрей (большой)¹⁶⁸, 1 сентября 1447 г. — Семен¹⁶⁹, 21 июля 1449 г. — Борис¹⁷⁰, 8 августа 1452 г. — Андрей (меньшой)¹⁷¹, 30 сентября 1454 г. — Дмитрий¹⁷². В отношении всех 8 сыновей Василия II эти данные подтверждают показания родословных росписей в летописных сводах конца XV в. Летописные известия о рождении мальчиков в семье Василия Васильевича содержат те же имена и указывают на ту же последовательность появления на свет восьмерых маленьких Васильевичей, что и родословные росписи. Отсутствие имен Юрия (старшего), Семена (Симеона) и Дмитрия Васильевичей в завете Василия II свидетельствует о том, что к моменту его составления их уже не было в живых, они умерли детьми. В отношении первенца Василия Васильевича и Марии Ярославны Юрия это прямо подтверждает летопись, сообщающая, что в самом начале 1441 г. «преставися князь Юрьи болшии»¹⁷³, которому было 3 с небольшим года. С этого времени старшим сыном Василия Васильевича становится Иван. О ранних смертях Семена и Дмитрия имеется косвенное указание. В январе 1456 г. в Москву из Смоленска прибыла большая церковная делегация, которая стала просить великого князя Василия вернуть Смоленску очень почитавшуюся икону Смоленской божьей матери, которую в свое время привез в Москву смоленский князь Юрий Святославич. Василий Васильевич решил, что просьба справедлива.

¹⁶⁵ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 188.

¹⁶⁶ Там же. Т. XVIII. С. 190.

¹⁶⁷ Там же. Т. XVIII. С. 192.

¹⁶⁸ Там же. Т. XVIII. С. 201.

¹⁶⁹ Там же. Т. V. СПб., 1851. С. 269, под 6955 г. Судя по рождению других сыновей Василия II, год 6955 должен быть мартовским.

¹⁷⁰ Там же. Т. XXXIX. М., 1994. С. 146.

¹⁷¹ Там же. Т. XVIII. С. 208.

¹⁷² Там же. Т. XXXIX. С. 147.

¹⁷³ Там же. Т. XVIII. С. 192.

На прощание с иконой пришла вся великокняжеская семья: сам Василий, его жена Марья Ярославна «и сынове ихъ, великии князь Иоаннъ и князь Юрьи, и Андреи, и Борисъ, и Андреи меншии, принесенъ на рукахъ, еще дѣтескъ велми...»¹⁷⁴. Семен и Дмитрий здесь не упомянуты. Следовательно, они скончались до 1456 г.

Помимо сыновей у Василия II была и дочь. Ее звали Анна. В январе 1464 г. она вышла замуж за великого князя рязанского Василия Ивановича¹⁷⁵. Василий II Темный умер в субботу 27 марта 1462 г.¹⁷⁶

Печать Василия Васильевича Темного.

Двоюродные братья Василия II, дети его дядей звенигородско-галичского князя Юрия Дмитриевича и можайско-белозерского князя Андрея Дмитриевича, также оставили потомство.

Как говорилось выше, старший (по завещанию отца) сын Юрия Василий был женат на дочери радонежского князя Андрея Владимировича. Поскольку невесту выдавал замуж не ее отец, а дед по материнской линии боярин И.Д. Всеволожский, очевидно, что свадьба между четвероюродными братом и сестрой была сыграна после осени 1426 г., когда умер Андрей Радонежский. С другой стороны, появление Василия Юрьевича на свадьбе великого князя Василия II 8 февраля 1433 г. в золотом поясе, который подарил ему на его бракосочетание И.Д. Всеволожский, тесть Андрея Радонежского, свидетельствует о том, что к началу 1433 г. Василий Юрьевич был уже женат¹⁷⁷. После громкого скандала из-за пояса на свадьбе великого князя Василий Юрьевич повел борьбу против Василия II и даже сам один месяц побывал великим князем.

¹⁷⁴ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 209.

¹⁷⁵ Там же. С. 158.

¹⁷⁶ Там же. С. 215.

¹⁷⁷ Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси. Т. II. С. 281.

В середине марта 1436 г. Василий Юрьевич был разбит в сражении с Василием Васильевичем в Ростовской земле, захвачен в плен и отвезен в Москву, где 21 мая его лишили зрения¹⁷⁸. Видимо, в заключении Василий Косой и скончался в 1448 г.¹⁷⁹ Его не освободил из-под ареста даже его родной брат Дмитрий Шемяка, ставший в 1446 г. великим князем всея Руси. Детей Василий Юрьевич после себя не оставил.

Второй сын Юрия Дмитриевича Дмитрий Шемяка также имел семью. Это следует из известий летописи Авраамки (точнее, новгородского владычного свода 1468 г.) о пребывании Шемяки и его семьи в Новгороде Великом в 1449 — 1456 гг. Задолго до этого летописи сообщили о намерении Дмитрия Шемяки жениться на дочери князя Дмитрия Заозерского. Зимой 1435/36 г. Шемяка приехал в Москву звать великого князя на свою свадьбу в Углич. Но двоюродный брат взял жениха под стражу¹⁸⁰. Однако через несколько месяцев великий князь освободил Шемяку из заключения¹⁸¹. Вполне возможно, что вскоре после этого Шемяка и сыграл свадьбу со своей невестой. В таком случае его женой стала дочь ярославского князя Дмитрия Васильевича, владевшего Заозерьем, областью в бассейне реки Кубены и близ озера Кубенского¹⁸². Жену Дмитрия Шемяки звали Софьей¹⁸³. В этом браке у него родились сын Иван и дочь Мария, которая в 1452 г. вышла замуж за литовского князя Александра Васильевича Черторыйского¹⁸⁴. Когда появились на свет дети Шемяки, точно неизвестно, но судя по времени замужества Марии — в конце 30-х гг. XV в. Мария прожила недолгую жизнь. Она скончалась в середине февраля 1456 г.¹⁸⁵ Сам Дмитрий Шемяка умер 17 июля 1453 г. в своей резиденции на Городище под Новгородом Великом от отравы, подсыпанной в его еду агентом Василия Темного¹⁸⁶. Его сын Иван весной 1454 г. покинул Новгород и уехал в Литву¹⁸⁷. Вдова Шемяки Софья продолжала жить в Новгороде, но и она во время похода Василия

¹⁷⁸ ПСРА. Т. XVIII. С. 176; ПСРА. Т. XXXVII. Л., 1982. С. 86.

¹⁷⁹ Там же. Т. XVIII. С. 204; ПСРА. Т. XXXIX. С. 146 (здесь Василий Косой назван «благоверным», вероятно потому, что умер в заточении).

¹⁸⁰ Там же. Т. XXXIX. С. 145.

¹⁸¹ Там же. Т. XVIII. С. 176.

¹⁸² Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси. С. 295 — 296.

¹⁸³ ПСРА. Т. XVI. СПб. 1889. Стб., 193, 196.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же. Стб. 196.

¹⁸⁶ Там же. Стб. 193; ПСРА. Т. XXIII. С. 155; ПСРА. Т. XXXIX. С. 147.

¹⁸⁷ Там же. Т. XVI. Стб. 193.

II против новгородцев в 1456 г. оставила город и бежала в Литву к своему сыну¹⁸⁸. Род Шемяки продолжился в Литве¹⁸⁹.

Третий сын Юрия Дмитриевича Дмитрий Меньший, или Красный семьи не имел. Он умер после долгой и мучительной болезни 22 сентября 1440 г.¹⁹⁰

До второй половины XV в. дожили оба сына Можайского и белозерского князя Андрея Дмитриевича Иван и Михаил.

Иван Андреевич был женат на дочери князя Федора Воротынского, но как звали эту дочь и когда была сыграна свадьба — неизвестно. В этом браке у князя Ивана родились два сына — Андрей и Семен. О времени их рождения данных нет. Иван Можайский участвовал в поимке и ослеплении своего двоюродного брата великого князя Василия Васильевича. Понятно, что оба князя смотреть не могли друг на друга, один — из-за ненависти, другой — из-за потери зрения. В 1454 г. Василий Темный, воспользовавшись моментом, послал на Можайск войска против Ивана Андреевича. Узнав об этом, Иван вместе с женой и сыновьями бежал в Литву¹⁹¹. Там он и скончался после 1463 г.¹⁹² Его сыновья получили от польского короля в кормление Стародуб Северский¹⁹³, которым в свое время владел их прадед по женской линии князь Александр Патрикеевич.

Михаил Андреевич Верейский и Белозерский, как отмечалось выше, был женат на своей четвероюродной сестре Елене, дочери серпуховского князя Ярослава Владимировича. В этом браке у него были сыновья Василий, Иван и дочь Анастасия, ставшая женой князя Осипа Андреевича Дорогобужского, представителя тверского княжеского дома. О времени рождения детей верейско-белозерского князя прямых сведений нет. Умер Михаил Андреевич в первой половине апреля 1486 г.¹⁹⁴

Таким образом, к началу 60-х гг. XV в. в Московском великом княжестве сохранялись всего две семьи московских Рюриковичей: семья великого

¹⁸⁸ ПСРА. Т. XVI. Стб. 196.

¹⁸⁹ Родословные книги отмечают, что в Литве у князя Ивана Дмитриевича были сыновья Семен, Владимир, Иван и Василий Шемячич. См.: РИИР. Вып. 2. С. 77. Самый младший из них Василий в апреле 1500 г. из-за гонений на православных в Литовском государстве вернулся на родину, но в 1523 г. был арестован и в 1529 г. скончался в заключении. См.: ПСРА. Т. VI. Вып. 2. Стб. 362; ПСРА. Т. VIII. СПб. 1859. С. 270; ПСРА. Т. III. СПб. 1841. С. 199.

¹⁹⁰ ПСРА. Т. XVIII. С. 190.

¹⁹¹ Там же. С. 208 — 209.

¹⁹² Там же. Т. XVI. Стб. 214.

¹⁹³ *Экземплярский* А.В. Великие и удельные князья Северной Руси. Т. II. С. 327.

¹⁹⁴ Там же. Т. VIII. С. 217.

князя Василия Темного и семья его двоюродного брата Михаила Андреевича Верейского и Белозерского.

Из оставшихся после смерти великого князя Василия Васильевича пятерых его сыновей трое имели семьи. Будущий Иван III в 1447 г., семи лет от роду, был обручен своим отцом с Марией, дочерью великого князя Тверского Бориса Александровича. Брак преследовал сугубо политические цели. Тверской князь, еще в 1446 г. бывший союзником Дмитрия Шемяки и противником Василия II, круто изменил свою позицию и в 1447 г. помог войсками Василию II против Шемяки. Возникшую дружбу необходимо было скрепить родственными узами, и московский, и тверской князья стали сватами. Свадьба их детей состоялась только через 5 лет, 4 июня 1452 г.¹⁹⁵, когда юному мужу исполнилось 12 лет и 4 месяца. В этом браке у Ивана III 15 февраля 1458 г. родился сын Иван¹⁹⁶. Через 15 лет после замужества, 22 апреля 1467 г., ставшая великой княгиней всея Руси Мария Борисовна скончалась¹⁹⁷. Второй женой Ивана III стала византийская принцесса Софья (Зоя) Палеолог, дочь морейского деспота Фомы, брата последнего византийского императора Константина XII Палеолога. Свадьба была сыграна 12 ноября 1472 г., сразу по прибытии Софьи из Рима в Москву¹⁹⁸. Греческая деспина родила много детей своему мужу. Известное нам их число было бы скромнее, если бы летописцы не стали отмечать появления на свет дочерей великого князя. Первым ребенком в семье Ивана III и Софьи Палеолог была дочь Елена, родившаяся 18 апреля 1474 г.¹⁹⁹ 28 мая 1475 г. родилась дочь Феодосия²⁰⁰. 19 мая 1476 г. — дочь Елена (вторая)²⁰¹, 25 марта 1479 г. — сын Василий²⁰², 23 марта 1480 г. — Юрий²⁰³, 6 октября 1481 г. — Дмитрий²⁰⁴, в феврале 1483 г. — Евдокия²⁰⁵, 8 апреля 1484 г. — Елена (третья)²⁰⁶, 13 февраля 1485 г. — Иван²⁰⁷, 29 мая 1486 г. — Феодосия (вторая)²⁰⁸, 21 марта 1487 г. —

¹⁹⁵ ПСРА. Т. XVIII. С. 208; ПСРА. Т. XXV. С. 272—273 (4 июля); ПСРА. Т. XV. Стб. 495.

¹⁹⁶ Там же. Т. XVIII. С. 212.

¹⁹⁷ Там же. С. 217.

¹⁹⁸ Там же. Т. XXV. С. 299.

¹⁹⁹ Там же. Т. XXXIX. С. 159.

²⁰⁰ Там же. Т. XXV. С. 303.

²⁰¹ Там же. С. 308 (в воскресенье, что для 1476 г. правильно).

²⁰² Там же. С. 323.

²⁰³ Там же. С. 326.

²⁰⁴ Там же. С. 329.

²⁰⁵ Там же. С. 330.

²⁰⁶ Там же. Т. XXXIX. С. 163.

²⁰⁷ Там же. Т. VI. Вып. 2. Стб. 320.

²⁰⁸ Там же. Т. XXVIII. С. 153.

Иван III Васильевич.
Гравюра
из «Космографии»
А. Теве. 1575 г.

Семен²⁰⁹, 5 августа 1490 г. — Андрей²¹⁰. Всего в семье Ивана III и Софьи Палеолог родилось 6 дочерей и 6 сыновей²¹¹. В своем завещании, составленном в декабре 1503 г.²¹², Иван III называет своими наследниками пятерых сыновей: Василия, Юрия, Дмитрия, Семена и Андрея²¹³. Следовательно, один сын умер в детстве. Им был Иван, судя по времени его рождения, недоношенный ребенок.

Что касается дочерей Ивана III и Софьи, то известно, что 15 февраля 1495 г. замуж за литовского великого князя Александра Казимировича (Ягеллончика) вышла Елена²¹⁴, 13 февраля 1500 г. Феодосия стала женой

²⁰⁹ ПСРА. Т. XXV. С. 331.

²¹⁰ Там же. Т. XXXIX. С. 165.

²¹¹ А.В. Экземплярский во второй семье Ивана III называет 5 сыновей (согласно завещанию Ивана III) и 4 дочерей: Елену, Феодосию, Елену и Евдокию. См.: *Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси. Т. I. С. 277.* В перечне сыновей Ивана III, помещенном в Симеоновской летописи, указаны обычные 6 человек, но среди них не назван Иван, зато упомянут Борис. Последний помещен между Семеном и Андреем. См.: ПСРА. Т. XVIII. С. 24. С марта 1487 г. по начало августа 1490 г. Софья Палеолог вполне могла родить еще одного сына. Но поскольку в точности и полноте перечня Симеоновской летописи приходится сомневаться, до обнаружения других данных о Борисе вопрос о его существовании приходится оставить открытым.

²¹² *Капитанов С.М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. М., 1967. С. 202.*

²¹³ ДДГ. № 89. С. 353.

²¹⁴ ПСРА. Т. XXVIII. С. 160; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским государством. Т. I. 1487 — 1533 // Сборник Русского исторического общества. Т. 35. 2-ое изд. СПб., 1892. С. 186. Елена умерла насильственной смертью в Польше 26 февраля 1513 г. См.: ПСРА. Т. XXIV. С. 217.

князя Василия Даниловича Холмского²¹⁵, а 23 января 1506 г. была сыграна свадьба Евдокии с казанским царевичем Кудайкулом (в крещении — Петром)²¹⁶. Какая по счету Елена и какая Феодосия обрели мужей, сказать затруднительно, поскольку источники прямо на это не указывают²¹⁷. Дело проясняется при обращении к материалам дипломатических переговоров 1492 — 1495 гг. между Москвой и Вильной о женитьбе великого князя Александра Литовского на дочери Ивана III. Инициатором заключения брака выступила литовская сторона, преследуя прежде всего ясные политические цели — приостановку перманентных военных столкновений с Русским государством, кончавшихся захватом литовских земель. Первоначально во второй половине 1492 г. в литовских обращениях к московскому правительству имени дочери Ивана III, на которой хотел бы жениться 31-летний литовский великий князь, даже не называлось, говорилось только о сватовстве в принципе²¹⁸. Из материалов переговоров в Москве в январе — феврале 1494 г. следует, что литовские послы, добиваясь аудиенции у Софьи Палеолог, хотели узнать, «быти ли дочеремъ у великие княгини»²¹⁹. Интерес посланцев Александра Литовского к дочерям Ивана III понятен. Они хотели оценить достоинства всех могущих пойти под венец дочерей московского великого князя и выбрать из них наилучшую. Но с московской стороны последовал отказ: «дочеремъ не быти». Прием у Софьи Палеолог 28 января 1494 г. прошел без присутствия ее дочерей²²⁰. Однако 5 февраля 1494 г. большой московский наместник князь Иван Юрьевич Патрикеев объявил литовским послам, что «а дасть богъ у нашия государыни завтра будете у

²¹⁵ ПСРА. Т. XXVIII. С. 332. Феодосия, по-видимому, носила и второе имя — Софья. Во всяком случае, в разряде свадьбы дочери Ивана III с князем Василием Даниловичем Холмским от 13 февраля 1500 г. эта Ивановна названа Софьей. См.: Древняя российская вивлиофика. Ч. XIII. М., 1790. С. 1, 2.

²¹⁶ ПСРА. Т. XXVIII. С. 339. Согласно тому же летописному своду 1518 г., Евдокия умерла в 1513 г. «во вторник на Федоровъ недѣле» (Там же. С. 347). Пасха в 1513 г. отмечалась 27 марта. Вторник Федоровой недели (первой недели поста) приходился тогда на 8 февраля. Однако Типографская летопись приводит иную дату кончины Евдокии — 9 февраля 1513 г. См.: ПСРА. Т. XXIV. С. 217. Предпочтение следует отдать свидетельству свода 1518 г.

²¹⁷ В комментариях к вышедшим в 2008 г. «Запискам о Московии» Сигизмунда Герберштейна уверенно указывается, что женой литовского великого князя, а затем и польского короля Александра Казимировича стала в 1495 г. старшая дочь Ивана III Елена, но приводится дата рождения не Елены первой, а Елены второй. См.: *Герберштейн С. Записки о Московии. Т. II. С. 322 — 323*. Эти разногласия не позволяют понять, какая же из Елен стала великой княгиней Литовской.

²¹⁸ Сборник Русского исторического общества. Т. 35. 2-ое изд. С. 70, 71, 74.

²¹⁹ Там же. С. 117.

²²⁰ Там же.

великие княгини, да тут и княжну видите²²¹. Речь шла уже не о дочерях, а об одной единственной дочери Ивана III и Софьи Палеолог, которая московской стороной предлагалась в жены Александру Литовскому. Когда 6 февраля послы посетили великую княгиню Софью, то рядом с нею они впервые увидели и великую княжну. То была Елена Ивановна. Княжна доверенным лицам литовского великого князя, видимо, понравилась, поскольку в тот же день в Москве было оформлено заочное обручение Елены и Александра²²².

Приемы послов из Литвы, переговоры о браке Елены с Александром, переписка о семейном союзе, о свадьбе Елены и ее проживании в Вильне проходили с участием или с упоминанием ее ближайших родственников. Помимо отца и матери это были ее братья Василий, Юрий и Дмитрий, племянник Дмитрий-внук²²³ и сестры Феодосия и Евдокия²²⁴. Поскольку братья Елены и ее племянник упоминаются в рассматриваемых документах в строгой возрастной последовательности, то очевидно, что и перечисление сестер Елены следует тому же принципу. В таком случае речь должна идти только о Феодосии старшей, родившейся 28 мая 1475 г. Евдокия была моложе именно этой Феодосии, но старше Феодосии второй, появившейся на свет 29 мая 1486 г. В средние века на Руси следовали обычаю, согласно которому младшие дочери не могли играть свадьбы до замужества их старшей сестры. В свое время Дмитрию, будущему Донскому, приглянулась Евдокия, дочь нижегородского великого князя Дмитрия-Фомы Константиновича, но у нее была незамужняя старшая сестра Мария. Брак Донского оказался возможным потому, что на Марии женился Николай (Микула) Васильевич Вельяминов, сын воспитателя Донского московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова²²⁵, причем свадьба Микулы игралась в одно время со свадьбой Дмитрия Донского. Поскольку Феодосия (первая) родилась ранее своих сестер Елены второй и Елены третьей, женой великого князя Александра Казимировича Литовского могла быть только Елена первая. Таким образом, дочери Ивана III выходили замуж в неполный 21 год, неполные 25 лет и неполные 23 года. Замужество на третьем десятке лет жизни было новым явлением в матримониальных отношениях московских Рюриковн, хотя Елена стала объектом сватовства в обычные для предшествовавших времен 14 лет. В 1488 г. Николай Поппель, посол в Москву императора

²²¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 35. 2-ое изд. С. 123 — 124.

²²² Там же. С. 124.

²²³ Там же. С. 72, 108, 112, 138, 188, 194.

²²⁴ Там же. С. 189, 194, 207, 239, 253, 254.

²²⁵ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1965. С. 215.

Священной Римской империи Фридриха III, спрашивал Ивана III: «Хочет ли твоя милость твою девку дати за князя Маркграба, который его сестры сын есть?»²²⁶. Речь шла о маркграфе Баденском Альбрехте, племяннике Фридриха III, и старшей дочери Ивана III. Но породнение московских Рюриковичей с Габсбургами не состоялось, и Елена просидела «в девках» еще 7 лет, пока не стала женой Александра Ягеллончика.

Если предлагаемое определение жен Александра Казимировича и Василия Даниловича верно, то надо полагать, что дочери Ивана III Елена и Феодосия вторые, а также Елена третья умерли в раннем возрасте²²⁷, судя по московско-литовским дипломатическим документам — до 1494 г. Кроме дат рождения о них никаких других сведений нет.

Их мать Софья Палеолог умерла в пятницу 7 апреля 1503 г. в 9 часу дня²²⁸. Иван III пережил жену более чем на 2 с половиной года. Он скончался 27 октября 1505 г.²²⁹

²²⁶ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб. 1851. Стб., 6.

²²⁷ Дочерям Ивана III Еленам и Феодосиям, а также сыновьям Иванам посвящена специальная статья А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского. Авторы приходят к выводу, «что, скорее всего, в действительности двух полных комплектов Феодосий и Елен не существовало». См.: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Иваны, Елены и Феодосии в семье Ивана III // Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X — XVI вв. С. 401. Такой вывод сделан без составления перечня всех детей Ивана III и Софьи Палеолог, без оценки межродовых промежутков в семье этой пары и без анализа хронографических показаний, иногда вплоть до часов, летописных записей о рождении дочерей и сыновей у Ивана III. Исследователей интересует только имянаречение, и повторение или даже утроение одного имени в семье первого великого князя всея Руси их повергает в шок, заставляя утверждать о различных ошибках источников. Однако никаких несоответствий в показаниях источников обнаружить не удается. Их свидетельства корректны. Из них и надо исходить, характеризуя две семьи Ивана III и имена его сыновей и дочерей в этих семьях. Относительно смерти Елены (второй) косвенное свидетельство имеется в сочинении итальянского купца и дипломата Амброджо Контарини «Путешествие в Персию». Побывав в Москве с 26 сентября 1476 г. по 21 января 1477 г., Контарини записал, что у московского великого князя Ивана III есть «сын от первой жены, но он в немилости у отца, так как нехорошо ведет себя с деспиною; кроме того, у него есть две дочери; говорят, что деспина беременна». См.: Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 228, 229. Во второй половине 1476 г. у Ивана III должно было быть не две, а три дочери. Но поскольку устанавливается, что выжили две старшие дочери Ивана III, делается очевидным, что родившаяся 19 мая 1476 г. Елена (вторая) умерла вскоре после своего появления на свет. Если слухи о беременности Софьи Палеолог, переданные Контарини, правильны, то надо признать, что эта беременность привела или к выкидышу, или к рождению ребенка, который вскоре скончался.

²²⁸ ПСРА. Т. XXXIX. С. 175; Т. XXVI. М.; А., 1959. С. 296. В Софийской II летописи и своде 1518 г. смерть Софьи Палеолог ошибочно датирована пятницей 17 апреля 1503 г. См.: ПСРА. Т. VI. Вып. 2. Стб. 369; ПСРА. Т. XXVIII. С. 336. Пасха в 1503 г. была 16 апреля.

²²⁹ Там же. Т. XXXIX. С. 177; ПСРА. Т. VI. Вып. 2. Стб. 374. Иван III скончался в ночь с понедельника на вторник. 27 октября в 1505 г. было понедельником.

Второй сын Василия II Юрий Дмитрировский семьи не имел. Он умер 12 сентября 1472 г.²³⁰

Третий сын Андрей Васильевич Большой Угличский женился 27 мая 1469 г. Его женой стала Елена, дочь князя Мезецкого²³¹. От этого брака у Андрея родились сыновья Иван и Дмитрий, а также дочери. Сколько их было и как их звали — неизвестно. Неизвестны также годы рождения почти всех детей князя Андрея Угличского. Исключение составляет Дмитрий. Летописец, сказав о его смерти в 1544 г., отметил, что князю было 60 лет²³². В таком случае Дмитрий должен был родиться в 1484 г. Однако летописи сохранили известие о смерти княгини Елены, жены Андрея Васильевича, 2 апреля 1483 г.²³³ Поскольку о втором браке отца Дмитрия Андрея Угличского сведений нет, надо полагать, что Дмитрий родился самое позднее 2 апреля 1483 г. Судьба Андрея Угличского и его сыновей сложилась трагически. 20 сентября 1491 г. сам Андрей был арестован родным братом Иваном III и посажен в темницу на казенном дворе великого князя в московском Кремле²³⁴. Пробыв более 2 лет в заточении, Андрей Большой скончался 6 ноября 1493 г.²³⁵ Его сыновья Иван и Дмитрий были арестованы будущим правдолюбцем Вассианом Патрикеевым в Угличе почти одновременно с отцом и до конца своих дней находились в заключении на особом дворе в г. Переяславле²³⁶. Им не позволяли жениться, они постоянно носили очень тяжелые по весу железные оковы. Иван умер 19 мая 1523 г. и был похоронен в вологодском Спасо-Прилуцком монастыре. Дмитрий надолго пережил брата. В декабре 1540 г. с него разрешено было снять железные оковы²³⁷, в которых он пробыл без малого 50 лет²³⁸. Он, как уже говорилось, умер в Переяславле в 1544 г. После смерти его похоронили в Спасо-Прилуцком монастыре рядом с братом Иваном²³⁹.

Четвертый сын Василия II Борис Волоцкий также имел семью. Он женился 9 мая 1471 г. на Ульяне, дочери князя Михаила Дмитриевича

²³⁰ ПСРА. Т. XXV. С. 298.

²³¹ Там же. С. 283.

²³² Яковлева О.И. Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. Вып. II. М., 1955. С. 52.

²³³ ПСРА. Т. XII. С. 214.

²³⁴ Там же. Т. XXV. С. 333.

²³⁵ Там же. Т. XXXIX. С. 168; ПСРА. Т. XXVIII. С. 159.

²³⁶ Там же. Т. XXV. С. 333.

²³⁷ Там же. Т. XIII. Первая половина. СПб., 1904. С. 135.

²³⁸ Там же. Т. XXXIV. М., 1978. С. 26. Здесь же сообщается, что Дмитрий был арестован, когда ему было 7 лет. Следовательно, он родился в 1484 г.

²³⁹ Там же. Т. XXXIV. С. 180.

Холмского²⁴⁰, представителя тверских Рюриковичей. От этого брака Борис имел сыновей Федора, Ивана и не менее дочерей²⁴¹. Федор родился между 1472 и 1477 гг., поскольку он один упоминается в завещании своего отца, составленном в 1477 году²⁴². Иван родился между 1477 и 1494 гг. Сам князь Борис скончался 26 мая 1494 г.²⁴³

Пятый сын Василия II вологодский князь Андрей Меньшой семьи не имел. Он умер 5 июня 1481 г.²⁴⁴

Как отмечалось выше, у двоюродного брата Василия II, князя верейского и белозерского Михаила Андреевича, было трое детей. Дочь Анастасия была старше своих братьев. Когда она выходила замуж за князя Осипа Дорогобужского, свадебные подарки ей делал один брат Василий, без жены²⁴⁵. Очевидно, что в год замужества сестры он был еще молод и холост. Однако уже в 1468 г. Василий возглавил рать своего отца²⁴⁶. Очевидно, он родился не позднее середины 50-х гг. XV в. Василий был женат на племяннице Софьи Палеолог Марии²⁴⁷. Поскольку у Софьи было два родных брата — Андрей и Мануил²⁴⁸, речь должна идти о дочери одного из них. Так как Москву посещал только Андрей Палеолог, то Мария должна была быть его дочерью. Андрей приезжал в Москву дважды: весной 1480 г. и зимой 1489/90 г.²⁴⁹ Судя по последующим событиям, первый приезд и был связан со свадьбой дочери. Иными словами, бракосочетание Василия Михайловича Верейского имело место в 1480 г. В 1484 г. обнаружилось, что Софья одарила своего брата и свою племянницу драгоценностями из великокняжеской казны, которые ранее принадлежали Марии Борисовне, покойной первой жене Ивана III. Разгневанный великий князь послал своих людей к Василию Верейскому, чтобы отобрать у него подарки. Подарки взяли, но не все. Тогда Иван III решил арестовать Василия и его жену. Но верейский князь со своей княгиней сумели убежать в Литву²⁵⁰,

²⁴⁰ ПСРА. Т. VI. Вып. 2. Стб. 169 (весна 1471 г.).

²⁴¹ ДДГ. № 71. С. 250, 251 («А что мои дочери...»); № 87. С. 349.

²⁴² Там же. № 71. С. 249, 250.

²⁴³ ПСРА. Т. XV. Стб. 501. В других летописных сводах кончина Бориса Волоцкого отнесена к концу мая 1494 г. без указания дня. См.: ПСРА. Т. XXVII. С. 366; ПСРА. Т. VI. Вып. 2. Стб. 341.

²⁴⁴ Там же. Т. XVIII. С. 269; ПСРА. Т. VI. Вып. 2. Стб. 312.

²⁴⁵ ДДГ. № 80. С. 312.

²⁴⁶ ПСРА. Т. XXV. С. 280.

²⁴⁷ Там же. Т. VI. Вып. 2. Стб. 318; ДДГ. № 80. С. 305 (имя жены сына Василия).

²⁴⁸ Пирлинг О. Россия и папский престол. М. 1912. С. 155.

²⁴⁹ ПСРА. Т. XVIII. С. 267, 272-273.

²⁵⁰ Там же. Т. VI. Вып. 2. Стб. 318.

прихватив с собой и часть бывшей великокняжеской казны²⁵¹. При описании бегства летопись ничего не говорит о детях Василия и Марии. Очевидно, у молодой семьи их тогда не было.

Второй сын Михаила Андреевича Иван обладал некоторыми волостями в Белозерском княжестве, но, видимо, жил при отце, не имея своей семьи. Родословные книги говорят о том, что он был бездетен²⁵². Иван скончался до 1486 г., когда умер его отец²⁵³.

Два сына Ивана III обзавелись семьями при жизни своего родителя. Его сын от первого брака с тверитянкой Иван, уже в 1471 г. носивший титул «великого князя»²⁵⁴, женился на Елене, дочери валашского воеводы (молдавского господаря) Стефана VII Храброго. Свадьба в присутствии многочисленных валашских и русских гостей была сыграна 12 января 1483 г.²⁵⁵ А 10 октября того же 1483 г. в семье родился сын Дмитрий²⁵⁶, позже прозванный Дмитрием-внуком. Иван Иванович был человеком нездоровым, он страдал подагрой. Для его лечения был приглашен врач из Венеции. Магистр Леон прибыл в Москву в начале 1490 г. Медиком он оказался никудышным. Его пациент, первенец Ивана III 32-летний Иван Иванович Молодой скончался от лечения 7 марта 1490 г. С незадачливым лекарем поступили по средневековому просто: ему отрубили голову.

В 1497 г. Иван III решил сделать своим наследником на троне Дмитрия-внука. 4 февраля 1498 г. в Успенском соборе московского Кремля произошла торжественная коронация Дмитрия. Но вскоре планы Ивана III кардинальным образом поменялись. Дмитрий-внук был отстранен от власти, а в 1502 г. вообще взят под стражу²⁵⁷. 14 февраля 1509 г. уже после кончины своего деда он умер «в нужди и в тюрьме»²⁵⁸ в московском Кремле.

Наследником самоуправного государя всея Руси был объявлен его старший сын от второго брака Василий. В год смерти отца Василию было 26 лет, но женат он не был. Иван III женил его примерно за 50 дней до собственной смерти, подыскав супругу не из княжеской, а из боярской

²⁵¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 35. 2-ое изд. С. 211 — 212.

²⁵² РИИР. Вып. 2. С. 12.

²⁵³ ДДГ. № 80. С. 302.

²⁵⁴ Капитанов С.М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. С. 33. Примеч. 54. Ивану тогда было 12 или 13 лет.

²⁵⁵ ПСРА. Т. XVIII. С. 270; ПСРА. Т. VI. Вып. 2. Стб. 317; ПСРА. Т. XXVI. С. 275.

²⁵⁶ Там же. Т. XVIII. С. 270.

²⁵⁷ Капитанов С.М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. С. 88 — 101.

²⁵⁸ ПСРА. Т. XXVIII. С. 343; ПСРА. Т. VI. Вып. 2. Стб. 386.

семьи. Женой Василия 4 сентября 1505 г. по выбору отца стала Соломония (Соломонида), дочь Юрия Константиновича Сабурова²⁵⁹.

Относительно старшего сына брата Ивана III Бориса Волоцкого Федора составитель биографий князей Северо-Восточной Руси А.В. Экземплярский писал, что он обрел семью только в 1504 г.²⁶⁰ Получается, что Федор Борисович, родившийся между 1472 и 1477 гг., женился довольно поздно, примерно в 30-летнем возрасте. Однако в завещании матери Федора, вдовой княгини Ульяны, упомянута ее невестка, жена сына Федора: «Да благословяю сноху свою Федорову жону М(а)рью...»²⁶¹. Поскольку это завещание написано до ноября 1503 г., когда мать Федора скончалась²⁶², становится очевидным, что Федор имел семью до 1503 г. Когда он впервые вступил в брак и какого происхождения была Мария, источники не говорят. Княгиня Ульяна упомянула в своем завещании жену сына, но никаких ее детей — своих внуков или внучек — она не назвала. Очевидно, брак Федора с Марией был бесплодным. Видимо, поэтому в 1504 г. после смерти матери Федор женился еще раз²⁶³. Неизвестно не только происхождение второй жены этого волоцкого князя, но даже ее имя. И во втором браке дети не рождались. В 1506 г. Федор составил завещание, где написал: «и дасть б(о)гъ, оу моеи кн(я)г(и)ни с(ы)нь или доч(ь) будет»²⁶⁴, явно свидетельствуя о том, что детей у него нет. Умер Федор Волоцкий в мае 1513 г.²⁶⁵, так и не оставив потомства.

На свадьбе Федора в 1504 г. присутствовал его младший брат Иван. Он был холостяком. Его мать в своем завещании 1503 г. очень надеялась на изменения к лучшему в жизни сына: «А дасть б(о)гъ, с(ы)нь мои Иван женитца...»²⁶⁶ Надеждам не суждено было сбыться. После свадьбы брата Иван разболелся и скоропостижно скончался²⁶⁷.

В итоге к концу правления Ивана III в Русском государстве по сути дела осталась единственная семья московских Рюриковичей — вторая

²⁵⁹ ПСРА. Т. VI. Вып. 2. Стб. 373: «Кн(я)зь велики Иванъ Васильевич всея Руси жениль с(ы)на своего великого князя Василья Ивановичя всея Руси, взял за неж(о) доч(ь) Юрья Костянтинович(а) Сабурова именем Соломанию». Свадьба была сыграна в четверг, 4 сентября 1505 г. и было четвергом.

²⁶⁰ Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси. Т. II. С. 360 — 361.

²⁶¹ ДДГ. № 87. С. 349.

²⁶² ПСРА. Т. XXXIX. С. 176; ПСРА. Т. VI. Вып. 2. Стб. 370; ПСРА. Т. XXVIII. С. 337.

²⁶³ Там же. Т. XXXIX. С. 176; ПСРА. Т. VI. Вып. 2. Стб. 371; ПСРА. Т. XXVIII. С. 337.

²⁶⁴ ДДГ. № 98. С. 409.

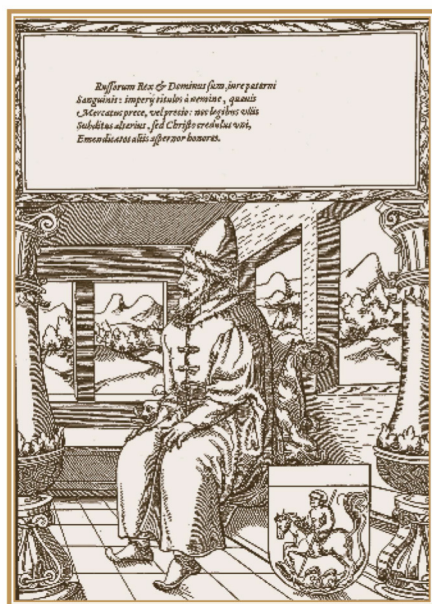
²⁶⁵ ПСРА. Т. VI. Вып. 2. Стб. 396; ПСРА. Т. XXVIII. С. 347.

²⁶⁶ ДДГ. № 87. С. 349.

²⁶⁷ ПСРА. Т. XXXIX. С. 176; ПСРА. Т. VI. Вып. 2. Стб. 371; ПСРА. Т. XXVIII. С. 337.

семья самого Ивана Васильевича. Представитель первой семьи великого князя сидел в тюрьме в московском Кремле, представители семей других князей московского дома или вымерли, или доживали бездетные дни, или укрывались в Литве. Дальнейшая жизнь сыновей Ивана III теперь во многом зависела от их взаимоотношений между собой.

Старший из них, преемник отца на великокняжеском столе Василий III в браке с Соломонией Сабуровой детей не имел. Это грозило переходом верховной власти к одному из братьев Василия, готовых в любой момент начать борьбу за эту власть. Поэтому великий князь решился на разрыв

Василий III.
Иллюстрация
из книги Сигизмунда
Герберштейна
«Записки о Московии».
XVI в.

соломонийских уз с Соломонией. Сабурову убедили постричься в монахини, что по церковным нормам позволяло Василию расторгнуть брак и жениться во второй раз. Всё так и произошло. В ноябре 1525 г. Василий III постриг Соломонию, которой было около 35 лет, в московском женском монастыре Рождества Богородицы «за пушечными избами»²⁶⁸, а затем отправил в суздальский Покровский женский монастырь, обвинив ее в бесплодии, и уже 21 января 1526 г. сыграл свадьбу с Еленой, дочерью перешедшего на московскую службу литовского князя Василия Львовича Глинского²⁶⁹. В этом браке у него родились сыновья Иван (25 августа 1530 г.²⁷⁰, будущий Иван Грозный) и Юрий (30 октября 1532 г.²⁷¹). Василий III скончался в

²⁶⁸ Там же. Т. XIII. Первая половина. С. 45; ПСРА. Т. XXVI. С. 313.

²⁶⁹ Там же. Т. XIII. Первая половина. С. 45.

²⁷⁰ Там же. Т. VIII. С. 273.

²⁷¹ Там же. С. 280 — 281.

среду 3 декабря 1533 г.²⁷² Елена Глинская умерла в ночь со вторника на среду 2 апреля 1538 г.²⁷³

В правление Василия III ушли из жизни два его брата: калужский князь Семен и угличский князь Дмитрий Жилка. Сначала скончался третий брат Василия III Семен. Это произошло 26 июня 1518 г.²⁷⁴ Семьи и детей у Семена не было.

Второй брат Василия III Дмитрий, прозванный Жилкой, умер 14 февраля 1521 г.²⁷⁵ Как и Семен, он был бессемейным и бездетным.

Второй сын Ивана III, дмитровский князь Юрий сразу после смерти старшего брата Василия III сделал предложение боярину последнего князю Андрею Шуйскому перейти к нему на службу. Это было расценено как покушение на верховную власть в стране, и 11 декабря 1533 г. Юрий Дмитровский был арестован²⁷⁶. «В изымании» он и умер 3 августа 1536 г., просидев в кремлевской тюрьме, в которой закончил свои дни Дмитрий-внук, более двух с половиной лет²⁷⁷. Жены у Юрия не было, и детей он не оставил.

Самый младший брат Василия III Андрей Старицкий получил от великого князя разрешение жениться только в 1533 г., когда ему было более 42 лет. В январе 1533 г. князь Андрей бил челом старшему брату, чтобы тот ему «освободилъ женитись». Последовало великокняжеское решение: «нашимъ жалованьемъ велель богъ тебѣ жениться, поняти княжну Ефросинью»²⁷⁸. 2 февраля 1533 г., в год своей смерти, Василий III «женилъ брата своего князя Андрѣа Ивановича, взявъ за него княжну Ефросинию, дочь князя Андрѣа Хаванского»²⁷⁹. Князья Хованские были Гедиминовичами, с XV в. служившими московским правителям. 9 июля 1535 г. Евфросиния родила князю Андрею сына Владимира²⁸⁰. В начале мая 1537 г. Андрей Старицкий сделал попытку поднять мятеж против маленького Ивана IV и его опекунши-матери, но 1 июня 1537 г. был арестован вместе с женой и сыном²⁸¹. В декабре 1537 г.

²⁷² ПСРА. Т. VIII. С. 285.

²⁷³ Там же. Т. XXXIV. С. 26. 2 апреля в 1538 г. было вторником.

²⁷⁴ Там же. Т. VIII. С. 263. Летописное указание на субботу, как день смерти князя Семена, правильно. 26 июня 1518 г. было субботой.

²⁷⁵ Там же. С. 269.

²⁷⁶ Там же. С. 286.

²⁷⁷ Там же. С. 292. Указание летописи, что кончина Юрия Дмитровского прилась на четверг, правильно.

²⁷⁸ Древняя российская вивлиофика. Ч. XIII. С. 19, 25.

²⁷⁹ Там же. С. 282

²⁸⁰ ПСРА. Т. XXXIV. С. 25.

²⁸¹ Там же; ПСРА. Т. VIII. С. 293-294.

Елена Глинская.
Изображение XIX в.

князь Андрей Старицкий скончался в тюрьме²⁸². В новгородском летописании сохранилось известие, что великая княгиня Елена Глинская и митрополит Даниил «положили на него (князя Андрея. — В. К.) великую тягость и умориша его смертию»²⁸³. После кончины Андрея его вдова и малолетний сын продолжали пребывать в заточении на кремлевском дворе боярина Берсеня Беклемишева, специально огражденном высоким и глухим забором от внешнего мира²⁸⁴. Только в декабре 1540 г. они были выпущены на свободу²⁸⁵. В итоге к 40-м гг. XVI в. осталось всего три московских князя-Рюриковича: десятилетний Иван IV, его родной брат 8-летний Юрий и их двоюродный брат Владимир Андреевич Старицкий, которому было 5 лет.

Принявший 16 января 1547 г. титул царя²⁸⁶, Иван IV пережил своих братьев. Поэтому для большей целостности и последовательности изложения целесообразнее охарактеризовать сначала судьбы младших родственников Ивана IV, а затем его самого.

Князь Юрий Васильевич, который по отзыву его современника князя Андрея Курбского «быль безъ ума и безъ памяти и безсловесень, тако же аки дивъ якои родился»²⁸⁷, обзавелся семьей в раннем возрасте. 18 сентября

²⁸² Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 227; ПСРА. Т. XXXIV. С. 25 — 26.

²⁸³ ПСРА. Т. III. СПб., 1841. С. 200.

²⁸⁴ Там же. Т. XXXIV. С. 25 — 26.

²⁸⁵ Там же. Т. XIII. Первая половина. С. 135. Событие датировано вторником. По контексту речь идет о вторнике после 18 декабря 1540 г. Вторниками тогда были 21 и 28 декабря. В Постниковском летописце освобождение Евфросинии Старицкой и ее 5-летнего сына Владимира датировано 20 декабря 1540 г. См.: ПСРА. Т. XXXIV. С. 26.

²⁸⁶ Там же. Т. XIII. Первая половина. С. 150.

²⁸⁷ Сочинения князя Курбского. Т. I // Русская историческая библиотека. Т. XXXI. СПб., 1914. Стб. 291; Ерусалимский Ю.К. Сборник Курбского. Т. II. М., 2009. С. 198 и вар. 4.

1547 г. царь Иван IV «приговорил брата своего князя Юрья Васильевича женити»²⁸⁸. А в четверг 3 ноября 1547 г. Иван IV «пожаловал брата своего князя Юрия Василюевича, жениль, взяль за него княжну Улианю, дщерь княже Дмитрееву Палецкого»²⁸⁹, Рюриковну из рода князей Стародубских (Стародуба на Клязьме). Юрию тогда не исполнилось и 15 лет. Ульяна понравилась ему при просмотре невест. В феврале 1559 г. в семье Юрия родился сын Василий²⁹⁰. Ребенок прожил около года. Он умер 20 февраля 1560 г.²⁹¹ Других детей в семье Юрия Васильевича источники не называют. Сам князь Юрий скончался 14 ноября 1563 г. в возрасте 31 года²⁹². После смерти мужа княгиня Ульяна 30 апреля 1564 г. постриглась в монахини в московском Новодевичьем монастыре, приняв имя Александры²⁹³.

Старицкий князь Владимир Андреевич, в детстве вместе с матерью несколько лет отсидевший в тюрьме, в 1541 г. был восстановлен в своих наследственных правах, ему были возвращены владения его отца, но все придворное и военное окружение маленького княжича было заменено на людей великого князя²⁹⁴. 1 сентября 1549 г. царь Иван IV приговорил «женить брата своего князь Володимера Андреевича»²⁹⁵, которому к тому времени исполнилось 14 лет. Царское решение тогда не было исполнено только потому, что вскоре Иван IV отправился походом на Казань. Однако весной 1550 г. приготовления по вступлению в брак Владимира Старицкого возобновились. 24 мая в воскресный день состоялся смотр девиц и выбор невесты, а 31 мая 1550 г. была сыграна свадьба Владимира Старицкого с Авдотьей (Евдокией), дочерью Александра Михайловича Нагого. Такие данные содержатся в разряде первой свадьбы Владимира Старицкого²⁹⁶. Но в 1550 г. 24 мая было не воскресеньем, а субботой. Поэтому в точности сведений разрядной росписи приходится сомневаться. Пискаревский летописец утверждает, что Иван IV 18 мая 1550 г. «в неделю 6 по пасце» «пожаловал брата своего князя Володимера Андреевича женил, взял за него дщерь Александрову Нагово Евдокею»²⁹⁷. В 1550 г. 18 мая действительно

²⁸⁸ Древняя российская вивлиофика. Ч. XIII. С. 36.

²⁸⁹ Там же. С. 154. Князь Дмитрий Палецкий был сыном Федора Палецкого. См.: ПСРА. Т. XIII. Вторая половина. СПб., 1906. С. 317.

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Там же. С. 325.

²⁹² Там же. С. 372.

²⁹³ Там же. С. 382 — 383; ДДГ. № 104. С. 441, 443.

²⁹⁴ ПСРА. Т. XXXIV. С. 179.

²⁹⁵ Древняя российская вивлиофика. Ч. XIII. С. 46.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ ПСРА. Т. XXXIV. С. 185.

Иван Грозный.
Парсуна.
Конец XVI —
начало XVII в.

было шестым воскресным днем после пасхи. Разноречивые свидетельства источников можно примирить разве тем, что относить свадьбу старицкого князя с Евдокией Нагой к маю 1550 г. Это был первый брак Владимира Андреевича. По-видимому, он был бездетным. 28 апреля 1555 г. Владимир Андреевич женился во второй раз. Летописец записал, что в тот воскресный день «женилъ царь и великий государь Иванъ Васильевичъ брата своего князя Владимира Андрѣевича, взявъ за него дщерь княжъ Романову Одоевского Евдокию»²⁹⁸. Иные хронологические данные содержатся в разрядной росписи второй свадьбы Владимира Старицкого. В ней утверждается, что князь женился на дочери князя Романа Ивановича Одоевского Авдотье во вторую неделю после пасхи, 22 апреля 1558 г.²⁹⁹ Но в 1558 г. 22 апреля приходилось не на воскресенье, а на пятницу, когда в такой постный день недели свадеб вообще не играли. Поэтому приходится отмечать очередную неточность в разрядной росписи и предпочитать свидетельства летописи³⁰⁰. Во втором браке у Владимира в ночь с 21 на 22 апреля 1560 г. родилась дочь Евдокия³⁰¹. После нее родились сын Василий и дочь Мария. Точные даты рождения последних двух детей Владимира Старицкого неизвестны, но это

²⁹⁸ ПСРА. Т. XXI. Часть вторая. СПб., 1914. С. 558. 28 апреля в 1555 г. было воскресеньем.

²⁹⁹ Древняя российская вивлиофика. Ч. XIII. С. 80.

³⁰⁰ Другие списки разряда свадьбы Владимира Старицкого и Евдокии (Авдотьи) Романовны Одоевской датируют свадьбу 1555 г. М.Е. Бычкова полагает, что свадьба была сыграна в понедельник 22 апреля 1555 г. См.: Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 117, 119, 121. Однако выбор для бракосочетания понедельника вызывает сомнения.

³⁰¹ ПСРА. Т. XIII. Вторая половина. С. 325 — 326.

произошло не ранее 1561 г. и не позднее 1568 г. В 1569 г. Иван IV разгневался на Владимира Старицкого за то, что, по объяснению одной из летописей, вокруг него стали спланиваться люди, недовольные опричниной царя³⁰². По приказу Ивана IV Владимир, его жена и старшая дочь были отравлены. По словам летописи, сыну Владимира Василию и его младшей дочери жизни сохранили³⁰³. Последнее летописное свидетельство подтверждает сам Иван IV. В своем завещании, составленном, по мнению С.Б. Веселовского, в начале июня — 6 августа 1572 г.³⁰⁴, царь упомянул о будущем наделении владениями детей Владимира Старицкого: «а князь Володимерова сына, князя Василья, и дочери, посмотри по настоящему времени, как будет пригоже»³⁰⁵.

Жизнь Ивана IV по сравнению с жизнями его ближайших родственников была более продолжительной, а в личном отношении — гораздо более пестрой и сумбурной, чем его родного и двоюродного братьев. Женился Иван IV рано, когда ему не исполнилось еще и 17 лет. 3 февраля 1547 г. он сыграл свадьбу с Анастасией, которую выбрал при просмотре кандидаток в царские жены. Анастасия была дочерью боярина Романа Юрьевича Захарьина³⁰⁶, представлявшего московский боярский род Кошкиных, в XV в. уже вступающий в родственные отношения с московскими Рюриковичами. От этого брака у Ивана IV 10 августа 1549 г. родилась дочь Анна³⁰⁷, которая умерла в возрасте «году без дватцати ден и без единого»³⁰⁸, т. е. во второй половине июля 1550 г. 17 марта 1551 г. на свет появилась другая царская дочь — Мария³⁰⁹. Позднее крещение Марии — в пятницу седьмой недели по пасхе (для 1551 г. это 15 мая), почти через два месяца после рождения³¹⁰ — свидетельствует о том, что девочка родилась болезненной. Между 1 сентября 1551 г. и 31 августа 1552 г. Иван IV дал вкладом по Марии 200 рублей Троице-Сергиеву монастырю³¹¹.

³⁰² ПСРА. Т. XXXIV. С. 190.

³⁰³ Там же. С. 191; *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 197.

³⁰⁴ *Веселовский С.Б.* Духовное завещание царя Ивана 1572 г. // *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 306.

³⁰⁵ ДДГ. № 104. С. 442.

³⁰⁶ ПСРА. Т. XXXIV. С. 28 — 29, 181 (здесь указано, что Иван IV женился в четверг; 3 февраля в 1547 г. было четвергом). Дата и день недели указаны в разряде этой свадьбы. См.: *Древняя российская вивлиофика*. Ч. XIII. С. 29.

³⁰⁷ ПСРА. Т. XIII. Первая половина. С. 158. Анна родилась в ночь с субботы на воскресенье. 10 августа в 1549 г. было субботой.

³⁰⁸ ПСРА. Т. XXXIV. С. 185.

³⁰⁹ Там же. Т. XIII. Первая половина. С. 161. Мария родилась в ночь со вторника на среду. 17 марта в 1551 г. было вторником.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 27.

Очевидно, Мария прожила несколько месяцев. Первый сын Ивана IV Дмитрий родился в октябре 1552 г.³¹² Но уже в июне 1553 г. он умер во время путешествия Ивана IV в Кирилло-Белозерский монастырь³¹³. При посадке на реке Шексне в ладью кормилица, несшая царевича на руках, уронила его в воду, и он захлебнулся³¹⁴. Странное желание молодого царя ехать в далекий северный монастырь обязательно с полугодовым наследником окончилось трагически. Но 28 марта 1554 г. в семье Ивана IV и Анастасии родился другой сын — Иван³¹⁵. 26 февраля 1556 г. в царской семье родилась дочь Евдокия³¹⁶, однако прожила она 2 года и 3 с половиной месяца, скончавшись в середине июня 1558 г.³¹⁷ Примерно за год до этого, в понедельник 31 мая 1557 г. на свет появился царевич Федор³¹⁸. 7 августа 1560 г. первая жена Ивана IV Анастасия Романовна, потерявшая за время своего замужества четырех детей из шести, скончалась³¹⁹.

Через год, 21 августа 1561 г., Иван IV сыграл свадьбу с дочерью кабардинского («изъ пятигорскихъ черкасъ») князя Темрюка Айдаровича Кученей, принявшей при крещении имя Марии³²⁰. Южанка родила 20 (21?) марта 1563 г. царю сына Василия³²¹, но 4 мая того же 1563 г. Василий умер³²². О других детях Ивана IV от Марии Темрюковны сведений нет. Хотя Р.Г. Скрынников считает, что Мария умерла 9 сентября 1569 г.³²³, вклад Ивана IV на ее поминание сделан 8 сентября 1569 г.³²⁴ Смерть второй русской царицы последовала, скорее всего, от отравы. Но при этом враги Ивана IV обвиняли его в отравлении жены («опоил царицу Марью Черкаскову»)³²⁵,

³¹² ПСРА. Т. XXXIV. С. 189.

³¹³ Там же. Т. XIII. Первая половина. С. 232.

³¹⁴ Там же. Т. XXXIV. С. 229. Этот эпизод довольно подробно описан А. Курбским, но без приведенных деталей. См.: *Курбский А.* История о великом князе Московском. Стб. 207 — 218.

³¹⁵ *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 196.

³¹⁶ ПСРА. Т. XIII. Первая половина. С. 265.

³¹⁷ Там же. С. 299 — 300.

³¹⁸ Там же. С. 283. 31 мая в 1557 г. было понедельником.

³¹⁹ Там же. Т. XIII. Вторая половина. С. 328.

³²⁰ Там же. С. 333. Летопись правильно указывает, что свадьба состоялась в четверг.

³²¹ Там же. С. 365.

³²² Соборное определение о четвертом браке царя Иоанна Васильевича от 29 апреля 1572 года // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией имп. Академии наук (далее — ААЭ). Т. I. СПб., 1836. № 284. С. 329.

³²³ *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 355.

³²⁴ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 27.

³²⁵ ПСРА. Т. XXXIV. С. 191.

а Иван IV приписывал такое злодеяние своим противникам («вражиимъ злокозньствомъ отравлена бысть»)³²⁶.

28 октября 1571 г. царь женился на Марфе Васильевне Собакиной, представительнице известного боярского рода Нагих-Собакиных, но дочери скромного дворянина Василия Степановича Большого Собакина, правда, после замужества дочери пожалованного в бояре³²⁷. Третий брак царя Ивана оказался скоротечным. По словам одного из кратких русских летописцев XVI — начала XVII в., царица Марфа «с полгоду жива не была и преставися»³²⁸. Такая эмоциональная ремарка, естественно, не может восприниматься как точное указание на продолжительность замужества Марфы Собакиной, но делается ясным, что оно было очень коротким. В соборном определении о разрешении четвертого брака царю Иоанну Васильевичу, составленном 29 апреля 1572 г., указывалось, что царь долго не женился после смерти Марии Темрюковны, а затем «избра себѣ невѣсту, дщерь Василия Собакина, именемъ Марфу», но «толико быша за ним царица Марфа двѣ недѣли и преставися»³²⁹. Указание на 2 недели пребывания в замужестве Марфы Собакиной в официальном документе заслуживает гораздо большего доверия, чем летописное «с полгоду жива не была». И действительно, Марфа скончалась 11 ноября 1571 г.³³⁰, на 13-й день после свадьбы. Столь недолгая семейная жизнь Марфы означала, что детей у Ивана IV в третьем браке не было.

После того как весной 1572 г. Иван IV получил от русского церковного синклита разрешение вступить в четвертый брак, его женой стала Анна Алексеевна Колтовская, дочь совсем незнатного сына боярского Алексея Игнатьевича Колтовского. Свадьба была сыграна в начале мая 1572 г., всего через полгода после смерти предыдущей жены царя³³¹. Именно Анну Колтовскую называет в своем завещании 1572 г. Иван IV. Из текста завещания следует, что в то время в четвертой семье Ивана IV детей еще не было, но Анна, видимо, ждала ребенка («А бог даст мне сына с женою моею Анною», «А бог даст мне с женою своею Анною дочь»)³³². Неизвестно, родился ли ребенок у царицы Анны или случился выкидыш, но позднейшие

³²⁶ ААЭ. Т. I. № 284. С. 329.

³²⁷ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 300.

³²⁸ Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 229.

³²⁹ ААЭ. Т. I. № 284. С. 329.

³³⁰ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 435.

³³¹ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 304; Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 457. Но далее Р.Г. Скрынников утверждает, что свадьба была сыграна в апреле 1572 г. См.: Там же. С. 471. Последнее вряд ли было возможно, поскольку разрешение духовенства на четвертый брак Ивана IV последовало 29 апреля 1572 г.

³³² ДДГ. № 104. С. 443.

источники никаких детей у А.А. Колтовской не упоминают. Это немудрено и потому, что уже в сентябре 1572 г. молодожены развелись³³³. Царица была отправлена в монастырь. В марте 1573 г. она умерла³³⁴.

Осенью (сентябрь — октябрь) 1574 г.³³⁵ или в начале 1575 г.³³⁶ Иван IV вступил в пятый брак. Очередной его избранницей стала Анна Григорьевна Васильчикова, дочь скромного каширского сына боярского Григория Андреевича Васильчикова из рода давно служивших московским князьям Толстых-Дурново. И этот брак оказался скоротечным. Уже в 1575 г. последовал развод, и вторая царица Анна также была пострижена в монахини. Скончалась Анна Васильчикова в конце 1576 г. — самом начале 1577 г.³³⁷ 12 января 1577 г. Иван IV сделал крупный вклад — 300 рублей — в Троице-Сергиев монастырь на помин ее души³³⁸.

В трудах многих историков и генеалогов встречается утверждение, что следующей женой Ивана IV стала некая новгородская вдова Василиса Мелентьева. В летописных перечнях жен Ивана IV это имя отсутствует³³⁹. Нет и разряда такой свадьбы. Похоже, что при условии достоверности упоминаний о Василисе Мелентьевой речь может идти только о внебрачной связи Ивана IV³⁴⁰.

Несколько лет после разрыва с Анной Васильчиковой Иван IV оставался неженатым, но 6 сентября 1580 г. он сыграл свадьбу с Марией Федоровной Нагой, дочерью окольного Федора Федоровича Нагого. 19 октября 1582 г. в шестой по счету семье Ивана IV родился сын Дмитрий³⁴¹. Отцу не суждено было видеть взросление сына. Первый русский царь скончался 18 марта 1584 г.³⁴²

Однако еще при правлении грозного царя из жизни ушли некоторые представители X, а если считать от Рюрика, чему давно следовали русские генеалоги, XXI, последнего, поколения московских Рюриковичей.

Ранее говорилось, что умертвив в 1569 г. Владимира Старицкого, его жену и старшую дочь, царь Иван сохранил жизни младшим детям

³³³ Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 8.

³³⁴ Там же. С. 246. Примеч. 6.

³³⁵ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 471.

³³⁶ Зимин А.А. В канун грозных потрясений. С. 14. По приведенным А.А. Зиминим данным, свадьба должна была состояться между 9 и 29 января 1575 г.

³³⁷ Там же. С. 23.

³³⁸ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 121.

³³⁹ ПСРА. Т. XXXIV. С. 194, 229 с.

³⁴⁰ Зимин А.А. В канун грозных потрясений. С. 85 — 86.

³⁴¹ ПСРА. Т. XXXIV. С. 194.

³⁴² Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 200.

двоюродного брата, его сыну Василию и дочери Марии. Получали ли они корм на прожитие или сохранили какие-то родительские владения, с доходов на которые можно было существовать, сказать трудно. Как бы там ни было, в 1573 г. Иван IV пожаловал подростшему Василию Владимировичу «отца его город Дмитров»³⁴³. Вероятно, такое пожалование было связано с тем, что по воле Ивана IV Василий должен был жениться. Во всяком случае, в росписи свадьбы сестры Василия Марии, сыгранной в апреле 1573 г. в Новгороде Великом, указывалось, что в отцово место «быти у княжны брату ея Василью Володимировичу, а в материно Васильевой княгинё Володимировича Марьё»³⁴⁴. Это свидетельствует о том, что к весне 1573 г. Василий Старицкий был женат. Происхождение жены Василия Марьи неизвестно. Через несколько месяцев после замужества сестры Василий Владимирович умер³⁴⁵. Он скончался до 18 октября 1573 г., когда фаворит Ивана IV дьяк В.Я. Щелкалов дал по нем вклад в 70 рублей в Троице-Сергиев монастырь³⁴⁶. В летописи сохранился рассказ о том, как Иван IV заставил Василия жениться на княжне Мезецкой. Свадьба была сыграна в столице опричнины — Александровой слободе и прошла «с великим срамом и с поруганием». Невесту выгнали из слободы в одной сорочке, она ходила по деревням, но все страшились ее приютить, и она умерла от холода и истощения. А Василия Владимировича опричники просто убили³⁴⁷. Рассказ противоречит сведениям о последнем старицком князе, приведенным ранее. Их можно примирить, полагая, что женитьба Василия Владимировича на княжне Мезецкой была второй в его биографии. И это больше походит на истину. Видимо, сохранив на первых порах жизнь маленькому двоюродному племяннику, бесноватый царь затем просто надругался над ним, заставив рано жениться, затем развестись и тут же играть новую свадьбу со смертельными исходами.

Младшая дочь Владимира Старицкого Мария, совсем маленькая девочка, была выдана замуж за брата датского короля Фредерика II 33-летнего одноглазого герцога Магнуса, правившего в захваченной русскими войсками Ливонии. «К венчанию, — сообщает летопись, — ее несли на руках»³⁴⁸. Свадьба, как уже говорилось, была сыграна в апреле 1573 г. в Новгороде.

³⁴³ Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 229.

³⁴⁴ Древняя российская вивлиофика. Ч. XIII. С. 97.

³⁴⁵ Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 229. Смерть Владимира отнесена к 7082 г. (1 сентября 1573 г. — 31 августа 1574 г.).

³⁴⁶ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 161.

³⁴⁷ ПСРА. Т. XXXIV. С. 191.

³⁴⁸ Там же.

Позднее Мария вместе с мужем покинула Россию, жила за границей, в 1581 г., через 8 лет после замужества, родила Магнусу дочь Евдокию, но после смерти мужа и несладкой вдовьей жизни в 1586 г. вернулась на родину³⁴⁹. Дочь Марии приняла православие и умерла маленькой девочкой в марте 1589 г. Ее похоронили в Троице-Сергиевом монастыре³⁵⁰. Сама Мария кончила жизнь монахиней Успенского Богородицкого Подсосенского монастыря близ Сергиева посада, приняв при пострижении имя Марфы³⁵¹. Она умерла, по-видимому, в июле 1614 г.³⁵²

Своего второго сына от Анастасии Романовны царевича Ивана Иван IV метил в свои преемники. Об этом красноречиво свидетельствует завещание 1572 г. Ивана Грозного. До 16 лет царевич Иван вместе с братом Федором жили в царском дворце, но после смерти Анастасии Иван IV построил в Кремле особое здание для своих старших сыновей³⁵³. Однако самостоятельной жизни у них не получилось. Представить себе переменчивый в личных отношениях жизненный путь старшего из братьев Ивана позволяет летописная запись о его семьях: «а был женат тремя браки: 1 — Евдокея Богданова дочь Юрьевича Сабурова, пострижена в Покровском монастыре, во иноцех Александра; 2 — царица Феодосия Михайлова дочь Соловова с Резани, пострижена на Белеозере, во иноцех Парасковия; 3 — царица Елена Иванова дочь Васильевича Шереметева, после царевича пострижена в Новом монастыре, во иноцех Леонида...»³⁵⁴. Первый раз отец женил старшего сына 4 ноября 1571 г. на Домне-Евдокии, дочери Богдана-Феофана Юрьевича Вислоухого-Сабурова³⁵⁵. Царевич Иван стал главой семьи в 17 с половиной лет, а не в неполные 15, как

³⁴⁹ Ульфельдт Я. Путешествие в Россию. М., 2002. С. 445.

³⁵⁰ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 30.

³⁵¹ ПСРА. Т. XXXIV. С. 191; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 30. Об этом монастыре см.: Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. III. СПб., 1897. С. 198. № 2182.

³⁵² Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 30.

³⁵³ ПСРА. Т. XIII. Вторая половина. 328 — 329.

³⁵⁴ Там же. Т. XXXIV. С. 228. Судя по надгробной надписи, Леонида умерла в 1596 г. См.: Трубникова О.А. История некрополя Новодевичьего монастыря (30-е гг. XVI — 30-е гг. XX в.) // Московский некрополь. История. Археология. Искусство. Охрана. М., 1991. С. 109, 122.

³⁵⁵ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 232, 299; Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 435; Зимин А.А. В канун грозных потрясений. С. 91 (у А.А. Зимина дата 4 ноября 1571 г. почему-то не время замужества Е.Б. Сабуровой, а время ее пострижения в Покровский монастырь). Видимо, на этой ошибке зиждется утверждение А.А. Севастьяновой, что в том же 1571 г. Евдокия Сабурова была пострижена в монахини. См.: Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 180. Примеч. 58.

его родной и двоюродный дяди. Можно было сразу ждать прибавления в молодом семействе. Но этого не произошло. Брак оказался бесплодным, и Домна-Евдокия Сабурова нашла пристанище в суздальском Покровском женском монастыре, как ранее и другая Сабурова — Соломония.

Следующей женой царевича Ивана стала Пелагея-Феодосия, дочь рязанского сына боярского Михаила Тимофеевича Петрова-Солового. Возможно, брак был заключен в 1575 г., поскольку в тот год Иван IV обратил свое внимание на эту фамилию, пожаловав родному дяде Феодосии И.Т. Соловому новгородское поместье казненного 2 августа 1575 г. боярина В.И. Умно-Кольчева³⁵⁶. В таком случае расторжение первого брака царевича Ивана надо относить примерно к тому же году. Но и второй брак наследника Ивана IV оказался бездетным. В конце 1579-го — начале 1580 г. последовал развод, и Феодосия приняла постриг под именем Параскевы в одном из монастырей на Белоозере³⁵⁷.

Свою третью свадьбу царевич Иван сыграл с Еленой Шереметевой³⁵⁸. Она была дочерью боярина Ивана Васильевича Меньшого Шереметева. А.А. Зимин полагает, что третья женитьба царевича Ивана состоялась осенью 1580 г., после бракосочетания Ивана IV с Марией Нагой, поскольку на этом бракосочетании царевич Иван присутствовал без жены, а Пауль Одерборн писал в 1585 г. об одновременных женитьбах царя Ивана и царевича Ивана³⁵⁹.

Столь частая смена жен у наследника Ивана IV (за 9 лет он сыграл три свадьбы) объясняется достаточно прозаично. По свидетельству современников, царь Иван не только женил старшего сына, но и разводил его, объявляя невесток бесплодными и в то же время добиваясь их благосклонности и расположения³⁶⁰.

³⁵⁶ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 426. О времени казни В.И. Умно-Кольчева см.: Зимин А.А. В канун грозных потрясений. С. 23; Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 479.

³⁵⁷ Яковлева О.И. К истории возвышения Бориса Годунова // Ученые записки Научно-исследовательского института Чувашской АССР. 1970. № 52. С. 278. С.Б. Веселовский датировал этот брак временем «около 1578 г.». См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 300. Примеч. 15. А.А. Зимин считал, что Феодосия была пострижена после 12 ноября 1579 г., но на том основании, что под указанной датой последний раз упоминается отец Феодосии. См.: Зимин А.А. В канун грозных потрясений. С. 91. Местом пострижения Феодосии стал, вероятно, Горицкий Воскресенский женский монастырь, находившийся неподалеку от Кирилло-Белозерского монастыря. О нем см.: Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 88.

³⁵⁸ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 300. Примеч. 15.

³⁵⁹ Зимин А.А. В канун грозных потрясений. С. 91, 87, 265. Примеч. 35.

³⁶⁰ Эти свидетельства собраны и проанализированы С.Б. Веселовским в очерке «Смерть царевича Ивана Ивановича». См.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 337 — 340.

Внутрисемейный конфликт царя со старшим сыном и привел к гибели царевича Ивана Ивановича, заступившегося за свою третью жену. Русские летописи рассказывают об ударе царем сына «осном», то есть острым наконечником трости (посоха), по телу или в ногу³⁶¹. Иностранцы говорят об ударе посохом в голову, «почти в висок»³⁶². Именно такой момент запечатлен на известной картине И.Е. Репина. Но куда бы ни пришелся удар (или удары) посохом, царевич сильно пострадал от отца. В свое время Н.П. Лихачев путем тонкого анализа выяснил, что ссора произошла 9 ноября 1581 г. Получивший ранение 27-летний Иван Иванович проболел 10 дней и скончался 19 ноября 1581 г.³⁶³, так и не оставив после себя потомства.

Летописи сообщают, что в 1584 г., когда Ивана IV сменил на царском престоле его сын Федор, последний выделил своему единокровному брату полуторогавалому Дмитрию для проживания Углич и отправил его с матерью Марией Нагой из Москвы туда, а других Нагих арестовал и разослал по городам³⁶⁴. Царевич Дмитрий рос в Угличе, но когда достиг возраста 8 с половиной лет (в таком возрасте Иван III уже был обручен с Марией Тверской, а Иван IV по совету приближенных принимал важные политические решения), жизнь его внезапно оборвалась. Она закончилась смертельным ранением Дмитрия, случившимся по неосторожности, как говорят одни источники, или по злой воле Бориса Годунова, шурина царя Федора Ивановича, опасавшегося появления соперника у своего зятя, как говорят другие свидетельства. Так или иначе, но 15 мая 1591 г. царевича Дмитрия не стало³⁶⁵.

Наследовавший Ивану IV его сын Федор до трагической гибели брата царевича Ивана Ивановича никогда не рассматривался отцом как будущий правитель Русского государства. Федор был тихим и слабоумным, а по отзывам некоторых иностранцев, и вовсе не адекватным человеком. Тем не менее около 1576 г. Иван IV женил Федора. Его женой стала дочь Федора Ивановича Кривого Годунова и родная сестра Б.Ф. Годунова Ирина³⁶⁶,

³⁶¹ Псковские летописи. Вып. II. М., 1955. С. 263; ПСРА. Т. XXXI. С. 142; Яковлева О.И. Пискаревский летописец. С. 148. О значении слова «оснь» см.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб. 1895. Стб., 732.

³⁶² Так свидетельствует Антонио Поссевино. См.: Зимин А.А. В канун грозных потрясений. С. 90 — 91

³⁶³ Лихачев Н.П. Дело о приезде в Москву Антония Поссевино. М., 1903. С. 60, 56 — 57; Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 200.

³⁶⁴ ПСРА. Т. XXXIV. С. 195, 229.

³⁶⁵ Там же. Т. XXXIV. С. 196.

³⁶⁶ Зимин А.А. В канун грозных потрясений. С. 17, 43; Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 489 — 490.

с которой Федор скромно жил во время правления своего отца. Детей в этом браке не было, но Иван IV не разрушил семьи младшего сына. Когда Федор стал царем, то Ирина в 1592 г. родила ему дочь Феодосию³⁶⁷. Однако девочка прожила только год. В 1593 г. она умерла³⁶⁸. Больше детей у Федора с Ириной не появлялось. Царь Федор Иванович умер в ночь с 6 на 7 января 1598 г.³⁶⁹ С ним ушла в небытие просуществовавшая почти три с половиной столетия династия московских Рюриковичей.

* * *

Приведенные генеалогические данные, касающиеся московских князей, царей и царевичей, живших во второй половине XIII — конце XVI в., уточняющие годы их жизни, даты вступления в брак, число браков, время рождения и количество появившихся на свет детей, позволяют сделать ряд наблюдений общего характера. Прежде всего, очевидно, что полнота состава княжеских семей определяется с большим трудом и в ряде случаев приблизительно. До последней четверти XV в. источники крайне редко фиксируют рождение у московских князей дочерей. И дело тут не в том, что девочки появлялись в княжеских семьях реже мальчиков, а в том, что девочкам уделялось гораздо меньше внимания, причем внимания во всем: фиксации их появления на свет, заботе о здоровье, воспитании, выдаче замуж. Если, например, с XVI в. в Русском государстве стали устраиваться смотрины невест, могущих стать женами московских Рюриковичей, то о подобных смотринах женихов для Рюриковичей не было и речи. Судя по некоторым приведенным выше фактам, детская смертность княжон превышала детскую смертность княжичей. Так, в семье Ивана III из 6 дочерей выжили 3, а из 6 сыновей — 5. В первой семье Ивана IV все 3 родившиеся девочки умерли в детском возрасте, а из 3 сыновей умер 1, да и тот случайно. Можно думать, что в средние века по этим причинам русских княжон было меньше, чем княжичей, а потому в домонгольское время князь-муж платил за жену вено, а не княжна-жена приносила мужу приданое³⁷⁰. Таким образом, в распоряжении исследователей имеются, как правило, заведомо неполные данные о семьях московских Рюриковичей. И тем не менее определенные статистические подсчеты оказываются вполне возможны, а полученные результаты могут быть использованы для характеристики реальных процессов, шедших в семьях московских правителей.

³⁶⁷ ПСРА. Т. XXXI. С. 145.

³⁶⁸ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 28.

³⁶⁹ ПСРА. Т. XXXIV. С. 198; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 28.

³⁷⁰ Линниченко И. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст. Ч. I. Русь и Польша до конца XII века. Киев, 1884. С. 37 — 38 и примеч. 1 на с. 38.

Федор I Иоаннович.
 Миниатюра
 из царского
 титулярника.
 XVII в.

Прежде всего, остановимся на некоторых хронологическо-возрастных показателях. Династия московских Рюриковичей просуществовала с момента образования Московского княжества в 1263 г. и до кончины второго по счету русского царя Федора Ивановича в 1598 г., всего 335 лет. За это время сменилось 10 поколений московских Даниловичей, не считая представительницы 11-го поколения — дочери царя Федора Феодосии, умершей в младенчестве. Средняя продолжительность жизни одного поколения московских князей (так называемая длина поколения) составляла 33,5 года. За столетие, следовательно, сменялось 3 поколения. Изучение истории родов русского боярства в те же века дает примерно то же соотношение: 6 — 7 поколений за 200 с лишним лет³⁷¹. Если будет выяснено, что и у представителей других, более низких по своему социальному и материальному положению слоев русского средневекового общества поколения сменялись через 30 с небольшим лет, то станет очевидным, что в русском средневековье продолжительность жизни не зависела напрямую от имущественного состояния живущих.

Самую короткую жизнь из московских князей прожил сын Симеона Гордого от первого брака Константин, который родился, был крещен, получил имя и в тот же день умер. Самую долгую жизнь — Иван III, проживший 65 лет и немногим более 9 месяцев.

Представление о продолжительности жизни всех взрослых московских Рюриковичей и о возрасте их вступления в брак можно получить из

³⁷¹ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 19.

помещаемого ниже поколенного списка московских князей и царей. В этом списке римские цифры обозначают номера колен (первое колено начинается с первого московского князя Даниила Александровича), рядом в скобках римскими цифрами указываются номера колен от Рюрика, как принято в русских генеалогических исследованиях, посвященных князьям средневековой Руси. Выделенные жирным шрифтом имена — имена московских великих князей и царей, простым шрифтом набраны имена удельных князей. Заключенные в круглые скобки цифры указывают на возраст, в котором князь впервые вступил в брак, а цифры без скобок — продолжительность княжеской жизни. Цифры устанавливаются вычитанием года рождения из даты первой свадьбы и из даты смерти того или иного лица. Хотя такие цифры получаются округленными (с точностью до года), но ими можно оперировать при различных расчетах и сравнениях. Если продолжительность жизни князя может быть определена только какими-то хронологическими рамками, то в расчет принимается как начальный, так и конечный год периода, но полученная сумма делится надвое. При желании брачный возраст и продолжительность жизни можно уточнить до дней: данные, позволяющие это сделать, в работе приведены. Звездочками обозначаются примерные цифры брачного возраста и продолжительности жизни.

I (XII). **Даниил** — (17 — 18*) 42.

II (XIII). **Юрий** — (17*) 45*. **Иван Калита** — 56*.

III (XIV). **Симеон Гордый** — (17) 36. **Иван** — (16) 33. Андрей Серпуховский — (18) 26.

IV (XV). **Дмитрий Донской** — (15) 39. Владимир Серпуховский — (19) 57.

V (XVI). **Василий I** — (20) 54. Юрий — (26) 60; Андрей — (21) 50; Петр — (22) 42; Константин — 43. Серпуховские князья: Иван — (20) 41; Семен — (17 — 22) 39 — 44; Ярослав — (19) 37; Андрей — 38-43; Василий — 33.

VI (XVII). **Василий II Темный** — (18) 47. Иван Васильевич — (20) 20; Василий Серпуховский — минимум 64 (последние 27 лет в заключении).

VII (XVIII). **Иван III** — (12) 65. Юрий — холост, 31; Андрей Большой — (23) 47; Борис Волоцкий — (22) 45; Андрей Меньший — холост, 29.

VIII (XIX). **Василий III** — (26) 54. Иван Иванович Молодой — (25) 32; Юрий Иванович Дмитровский — холост, 56; Дмитрий Иванович Жилка Угличский — холост, 40; Семен Иванович Калужский — холост, 31; Андрей Иванович Старицкий — (42) 46.

IX (XX). **Иван IV** — (17) 54; Дмитрий-внук — холост, 26; Юрий Васильевич — (15) 31; Владимир Андреевич Старицкий — (15) 34.

X (XXI). **Федор** — (19*) 41; царевич Иван Иванович — (17) 27; Василий Владимирович Старицкий — (12*) 13*.

Согласно этим данным средняя продолжительность княжеской жизни в коленах I — IV (XIII — начало XV в.) составляла 41,75 года. В коленах V — VIII (последняя треть XIV — первая треть XVI в.) средний возраст достигал 43,5 лет, превысив предыдущий показатель на 1,75 года. Поэтому имеющееся в научной литературе указание на среднюю продолжительность жизни князей в Руси XIV — XV вв. (35 — 40 лет) оказывается неверным³⁷². В коленах IX — X (30-е гг. XVI — конец XVI в.) князья и цари жили в среднем 32,3 года. Резкое уменьшение сроков жизни в последних двух коленах московских Рюриковичей объясняется репрессиями Ивана Грозного на фоне общей деградации рода.

По поколениям менялся и возраст князей, впервые вступавших в брак. Для колен I — IV он составлял в среднем и с учетом вероятных возрастов брачующихся князей 17,25 лет. Для колен V — VIII эта цифра меняется на 22,18 года, т. е. примерно на 5 лет оказывается выше, чем в предшествующие времена. Но если исключить факт очень ранней (в 12 лет) женитьбы Ивана III и факт очень поздней (42 года) женитьбы Андрея Старицкого, обусловленных очевидными политическими причинами, то среднестатистическая цифра сократится до 21,5 года. И все-таки эта цифра оказывается много выше принимаемой некоторыми историками цифры в 15 лет, которая по их представлениям определяла в XV в. возраст женитьбы московских княжичей³⁷³. Увеличение брачного возраста означает, что к ранним бракам сыновей в московских княжеских семьях XV в. уже не стремились, и такое поведение явно связано с тенденцией, как в этом можно будет убедиться ниже, уменьшения рождаемости детей. В коленах IX — X средний возраст впервые вступавших в брак князей резко снижается, составляя всего 15,8 лет. Это снижение также определялось действиями Ивана IV по формированию семей своих ближайших родственников.

Что касается брачного возраста невест и продолжительности жизни княгинь, то они определяются гораздо хуже из-за отсутствия данных о времени рождения женщин в княжеских семьях. Такие данные есть только относительно младшей дочери Дмитрия Донского Анны и дочерей Ивана III. Это позволяет установить их брачный возраст: Анна

³⁷² Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства. С. 245.

³⁷³ Капитанов С.М. К вопросу о сыновьях Боровско-Серпуховского князя Василия Ярославича. С. 123.

Дмитриевна — 18 лет, Елена Ивановна — 20 лет, Феодосия-Софья Ивановна — 24 года, Евдокия Ивановна — 22 года. За более раннее время известны единичные случаи, дающие возможность выяснить возраст невест. Так, вышедшая замуж в 1349 г. дочь Симеона Гордого Василиса не могла родиться ранее 1335 г. Следовательно, в год свадьбы ей было самое большое 14 лет. Дочь Ивана Ивановича Красного от первого брака вышла замуж за литовского князя в 1356 г. Родиться она могла или в 1342, или в 1343 г. Женой она стала в 13 — 14 лет. Мария, дочь Дмитрия Шемяки, была выдана замуж в 1452 г. Судя по времени женитьбы ее отца, она родилась не ранее 1437 г. Очевидно, в год замужества ей было не более 15 лет. Умерла Мария в 19 лет.

Но нередко были случаи, когда жены переживали мужей. Так, третья жена Симеона Гордого, тверянка Мария Александровна, пережила мужа на 46 лет (умерла 27 марта 1399 г.)³⁷⁴; Евдокия Дмитриевна, жена Дмитрия Донского, — на 18 лет (умерла 7 июня 1407 г.)³⁷⁵; Елена Ольгердовна, жена Владимира Серпуховского, — на 27 лет (умерла в августе 1437 г.)³⁷⁶; Софья Витовтовна, жена Василия I, — на 28 лет (умерла 15 июня 1453 г.)³⁷⁷; Мария Ярославна, жена Василия II Темного — на 23 года (умерла 4 июля 1485 г.)³⁷⁸ Прожила Мария, по рождению московская княжна, не менее 64 лет. Мария Нагая, последняя жена Ивана IV, пережила мужа на 32 года³⁷⁹.

11 князей — потомков Даниила Московского — умерли холостяками, к которым можно отнести и сыновей Даниила — Александра и Бориса. Другие Даниловичи создавали семьи. Всего с XIII в. по конец XVI в. московские князья заключили 60 браков. Дважды в брак вступали 5 великих князей (Юрий и Иван Даниловичи, Иван Красный, Иван III и Василий III) и 6 удельных (Константин Угличский, Ярослав Малоярославецкий и Хотунский, Василий Серпуховский, Федор Волоцкий, Владимир Старицкий, Василий Старицкий). 1 великий князь (Симеон Гордый) и 1 царевич (Иван Иванович) женились трижды. 1 царь (Иван IV) играл свадьбы шесть раз. Поэтому число семей, рассмотренных в работе, превышает число вступавших в брак князей.

³⁷⁴ Приселков М.Д. Троицкая летопись. С. 449.

³⁷⁵ Там же. С. 465.

³⁷⁶ Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства. С. 156.

³⁷⁷ ПСРА. Т. XVIII. С. 208. В Московском своде конца XV в. приведена ошибочная дата смерти Софьи Витовтовны — 5 июля 1453 г. См.: ПСРА. Т. XXV. С. 273.

³⁷⁸ Там же. Т. XVIII. С. 271.

³⁷⁹ По Марии Нагой в Троице-Сергиев монастырь был дан вклад 100 рублей 24 октября 1616 г., по-видимому, в год ее смерти. См.: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 30.

Из 60 браков 16 были бесплодными. Это второй брак Юрия Даниловича, второй брак Симеона Гордого, первый брак Ярослава Владимировича, брак старшего сына Василия I Ивана, первый брак Василия III, две бесплодные семьи Федора Волоцкого, три бесплодные семьи Ивана IV, три бесплодные семьи царевича Ивана Ивановича, две бесплодные семьи Василия Владимировича Старицкого. Причисляем сюда и брак Василия Михайловича Верейского, хотя в Литве у него от Марии Палеолог могли быть дети³⁸⁰. Бесплодие объясняется разными причинами: неспособности супруга или супруги к зачатию, ранней смертью супруга или супруги, ранним разводом супружеской пары. Последнее ярко проявлялось среди московских Рюриковичей во времена правления Ивана IV.

В остальных 44 семьях московских князей было рождено 137 детей. Это число складывается как из прямых указаний источников, так и из данных косвенных, свидетельствующих о существовании в тех или иных княжеских семьях «дѣтей», «дочереи» или «внучат». При этом косвенные данные сведены в данной работе к минимальным цифровым показателям. Если речь идет о детях в одной семье, то их число принимается за 2. Если говорится о детях в нескольких семьях, то предполагается, что в каждой семье было по 1 ребенку.

Из появившихся на свет 137 московских княжичей и княжон в младенческом, детском и отроческом возрасте (до вступления в брак, т. е. примерно до 16 лет) умер 51 ребенок. В результате этого 14 княжеских семей оказались бездетными. Особенно большой урон дому московских Рюриковичей нанесли «черная смерть» 1353 г. и ее рецидивы, а также моровое поветрие 1426 — 1428 гг., почти выкосившее род серпуховских князей. В целом, величина детской смертности у московских Рюриковичей равнялась 37,2% общего числа рожденных детей. Это, конечно, высокий показатель, свидетельствующий о слабом применении медицинских знаний и навыков в московском княжеском доме.

Детей, достигших зрелости, способных вести самостоятельную жизнь, оказывается 86 человек. Такое число приходится на 30 семей московских великих и удельных князей, а также царя Ивана IV³⁸¹. В среднем на такую семью приходилось по 2,87 ребенка, т. е. княжеская семья состояла примерно из 4 — 5 человек: супружеская пара и 2 — 3 ребенка. Полученный

³⁸⁰ Впрочем, судя по документам 1495 г., у Василия Михайловича Верейского и в Литве к указанному времени сыновей еще не было. См.: Сборник Русского исторического общества. Т. 35. 2-ое изд. С. 211 — 212.

³⁸¹ Из 44 семей московских Рюриковичей следует вычесть 14 семей, ставших бездетными.

средний показатель соответствует среднему показателю численности семьи различных социальных групп в Западной Европе в XV в.³⁸² Но если учитывать все семейные княжеские пары, в том числе бесплодные и бездетные, то соответствующий коэффициент понизится вдвое — 1,43 ребенка на семью (86:60), свидетельствуя о том, что численность московских Рюриковичей медленно, но неуклонно уменьшалась.

Впрочем, важны не только обобщенные, но и дифференцированные показатели. Взяв за критерий количество выросших детей, мы получаем следующую картину состава 30 московских княжеских семей: 1 ребенок — 11 семей, 2 ребенка — 5 семей, 3 ребенка — 7 семей, 4 ребенка (условно; речь идет о семье Андрея Угличского, число дочерей которого точно не определяется) — 1 семья, 5 детей — 1 семья (Владимира Серпуховского), 6 детей — 3 семьи (Даниила Александровича, Ивана Калиты с княгиней Еленой, Василия II), 8 детей — 1 семья (Ивана III), 9 детей — 1 семья (Дмитрия Донского). Оказывается, наиболее многочисленной группой являются семьи, воспитавшие по 1 ребенку (11 семей из 30). Подавляющее же большинство княжеских семей (23 из 30) доводило до зрелости от 1 до 3 детей. Самые многочисленные семьи были только у великих князей. Удельные князья, хотя и жили столь же долго, что и князья великие, явно уступали им по числу взрослых сыновей и дочерей. Судя по всему, это было результатом сознательного ограничения рождаемости в семьях удельных князей, что позволяло им меньше дробить свои владения, поддерживать их целостность и, благодаря этому, сохранять независимость. Великие же князья стремились к росту своих семей, так как нуждались в прямых наследниках — преемниках верховной власти и имели гораздо больше возможностей по сравнению с удельными князьями материально обеспечить будущее своих младших сыновей.

Рассмотрение генеалогии московских Рюриковичей дает редкую возможность отследить и оценить происхождение их жен. В 13 браках из 60 происхождение княгинь неизвестно. В истории же остальных 47 браков ясно обнаруживается четкая граница. Это начало XVI в., когда московские по происхождению правители всея Руси начинают жениться на дочерях своих подданных. Ничего подобного до этого не наблюдалось.

В коленах I — IV, несмотря на высокий процент неизвестности происхождения целого ряда жен московских князей (5 из 11), можно сказать, что женились князья первых четырех колен исключительно на

³⁸² Демография западноевропейского Средневековья в современной зарубежной историографии. М., 1984. С. 212, 220, 226, 232, 245.

дочерях суверенных правителей. Очевидно, заключение таких браков диктовалось прежде всего соображениями политического характера, укреплением союзов с нужными княжествами. В XV в. с V колена положение меняется. Московские князья начинают жениться на дочерях удельных князей и даже на боярышнях (младшие в семьях князья: Петр Дмитриевич Дмитровский — на Вельяминовой; Ярослав Владимирович Малоярославецкий и Хотунский — на Голтыевой; его брат Андрей Радонежский — на Всеволожской). Однако московские

Карта Москвы.

Иллюстрация из книги Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии». XVI в.

великие князья до начала XVI в. боярышень в жены никогда не брали. Первым это сделал великий князь Василий III, жену которому, как отмечалось выше, подобрал его отец Иван III, причем из семьи не самых родовитых и богатых московских бояр. Поскольку все последующие браки московских Рюриковичей заключались после осмотра и выбора невест из многочисленных кандидаток, надо полагать, что такое новшество было введено на закате жизни Иваном III, чем и объясняется появление у Василия III жены не самого высокого ранга. И действительно, С. Герберштейн, писавший много позже первой женитьбы Василия III, сообщает, что по совету приехавшего на службу к Ивану III грека Юрия Траханиота Малого «были собраны дочери бояр, числом тысяча пятьсот, чтобы государь мог выбрать из них ту, которую пожелает»³⁸³. Давая

³⁸³ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 141.

такой совет, Юрий Траханиот основывался на обычае смотрин, который практиковался византийскими императорами до X в.³⁸⁴

Общая характеристика брачных союзов московских Рюриковичей должна быть дополнена подробной картиной того, с кем и в какие времена роднились Даниил Александрович и его потомки.

Отсутствовавшая в XIII — XIV вв. и редкая в XV в. (три случая) практика женитьбы московских Рюриковичей на дочерях служившей им нетитулованной знати, в XVI в. получает большое распространение. Из 18 браков, заключенных представителями последних VIII — X колен московских Рюриковичей, 11 браков было заключено с представительницами нетитулованной знати.

Однако данная цифра значительно уступает цифре 33 (соотношение 29,8%:70,2%), которая характеризует число браков Даниловичей с титулованными особами. В число таких особ входили жены московских князей как иноземного, так и русского происхождения. 6 браков было заключено с литовскими княжнами, причисляя сюда брак Василия III с княжной Глинской и брак Андрея Старицкого с княжной Хованской. 2 брака было заключено с боковой ветвью византийских Палеологов. По 1 браку было заключено с Ордой, Валахией (Молдавией) и Черкесией (Кабардой). Всего с иноземками (в двух случаях — Елена Глинская и Евфросиния Хованская — такое определение условно) было заключено 11 браков. При этом необходимо отметить, что браки с представительницами Востока (первый из них с Кончакой-Агафьей вообще продлился всего несколько месяцев) потомства не оставили и никаких последствий для развития династии московских князей как таковой не имели. Все приезжавшие в Москву иностранные княжны различных вероисповеданий должны были креститься в православную веру и взять православное имя. Брачные связи с литовскими князьями у московских Рюриковичей были более многочисленными, чем это показывает цифра женившихся на литовских княжках Даниловичей. Замуж за литовских князей вышло не менее 7 московских княжон, то есть несколько больше, чем литовских княжон за московских князей. На протяжении XIV — XVI вв. Литовское государство было самым сильным европейским соседом Московского княжества, а затем Русского государства, и понятно, что с ним поддерживались постоянные отношения, в том числе и матримониальные.

Наибольшее число браков — 22 — было заключено московскими Рюриковичами с русскими княжнами. С представительницами тверского

³⁸⁴ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 343.

княжеского дома было заключено 3 брака, с мезецкими княжнами — 2, серпуховскими — 2, смоленскими — 2, ярославскими — 2. По 1 браку — с брянской, воротынской, Галича Мерского, нижегородской, новосильской, одоевской, палецкой, пронской, радонежской, ростовской и рязанской княжнами. При этом 3 брака было заключено с московскими по происхождению княжнами (четвероюродные братья женились на четверюродных сестрах, что церковью разрешалось, но имело условное обоснование), 9 браков было заключено с Рюриковнами из других княжеств Северо-Восточной Руси, а 10 — с представительницами прилежавших к ним княжеств Смоленского, Рязанского, Одоевского, других расположенных по Оке верховских княжеств, а также княжества Брянского. Порождение московских Рюриковичей с другими Рюриковичами, особенно из северо-восточных княжеств, с которыми у них был общий предок — Всеволод Большое Гнездо, представляло собой бракосочетания в одной родственной группе. А это приводило к биологической деградации потомства. Дети рождались и быстро умирали, как это было в семье Василия I. Или росли слабыми и хилыми. Был болен и умер в 15 лет сын Дмитрия Донского Иван. Показательна летописная заметка о присутствии в 1456 г. на церемонии отпуща в Смоленск иконы богородицы сына Василия II Андрея Меньшого, который был «принесенъ на рукахъ, еще дѣтескъ велми». Андрей действительно был «дѣтескъ», но не «велми». Ему было 3 с половиной года. В XII в. над княжичами такого и даже младшего возраста уже совершали обряд постригов и сажали на коня, обозначая начало мужского военного воспитания³⁸⁵. В 1378 г. перед гробом митрополита Алексея стоял маленький княжич Юрий Дмитриевич, которому было 3 года и чуть меньше 3 месяцев³⁸⁶. А в середине XV в. более взрослого сына Василия II продолжали носить на руках. В дальнейшем Андрей Васильевич Меньший вырос, стал князем вологодским, но не женился и умер в возрасте неполных 29 лет. Племянник этого Андрея последний волоцкий князь Федор Борисович, несмотря на два брака, так и не сумел стать отцом. Василий III в первом браке с Соломонией Сабуровой тоже не смог добиться рождения сына. Его обвинения в бесплодии жены кажутся искусственными, виноват был скорее он, а не она. Ведь со второй женой Еленой Глинской у него также были большие проблемы с отцовством. Об этом подробно рассказывает Андрей Курбский, описывая, как Василий III искал знахарей-«чаровников»

³⁸⁵ ПСРА. Т. I. Стб. 408, 409. О датах см.: *Бержков Н.Г.* Хронология русского летописания. С. 83, 84. Речь идет о постригах старшего сына Всеволода Большое Гнездо Юрия, родившегося 26 ноября 1188 г. и посаженного на коня 28 июля 1191 г. в возрасте 2 лет и 8 месяцев.

³⁸⁶ ПСРА. Т. XVIII. С. 121.

даже среди финнов, корел и лопарей, «да помогут ему ко плодотворению»³⁸⁷. Бездетными были четвертый и пятый браки Ивана IV. Не смог стать отцом и царевич Иван Иванович, хотя у него было три жены. Как известно, браки между родственниками приводят к гемофилии — несвертываемости крови. Василий III, царевичи Иван Иванович и Дмитрий Угличский умерли от ран. Не свидетельствует ли это о том, что спасти их не удалось и потому, что они страдали гемофилией?

Физиологические отклонения сопровождалась умственными. Это отмечается уже в V колена московских Рюриковичей. В VII и VIII коленах наблюдается увеличение князей-холостяков (6 из общей цифры 11), что резко контрастирует с предшествующими и последующими временами. Отмечая смерть братьев Василия III — Семена и Дмитрия Жилки, Н.М. Карамзин писал, что «Василий, кажется, не позволял им жениться, пока не имел детей, чтобы отнять у них всякую мысль о наследовании престола»³⁸⁸. Такое политическое объяснение холостяцкой жизни второго и третьего братьев великого князя вполне возможно, тем более, что и два других брата Василия III при его жизни оставались холостыми (младший Андрей женился только в год смерти Василия III). Но не связан ли запрет жениться с отклонениями в психике этих князей? Во всяком случае, в поведении Ивана IV, его брата Юрия, царевича Дмитрия Угличского и царя Федора такие отклонения явно обнаруживаются. В свое время С.Б. Веселовский привел выписку из сочинения Даниила Принца из Бухова, направленного в 1575 г. императором Максимилианом II послом к Ивану Грозному. Имперский посол так описал первого русского царя: «Он так склонен к гневу, что, находясь в нем, испускает пену, словно конь, и приходит как бы в безумие; в таком состоянии он бесится также и на встречных»³⁸⁹. А вот описание поведения Ивана IV, составленное монахом Троице-Сергиева монастыря 14 месяцев спустя после гибели царевича Ивана Ивановича: царь «призвал к себе келаря старца Еустафия да старца Варсунофия Якимова, да туто и духовник его стоял близко архимарит Феодосей — только трое их. И учал государь царь рыдати и плакати, и молити о том келарю старцу Еустафию и старцу Варсунофию Якимову втайне, а архимарита Ионы туто не призвал, чтоб его сыну государю царевичу Ивану учинили в особ поминати... И о том поминание о царевиче Иванне

³⁸⁷ Сочинения князя Курбского. Т. I. Стб. 290 — 291; *Ерусалимский Ю.К.* Сборник Курбского. Т. II. С. 196 — 197.

³⁸⁸ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Изд. И. Энейрлинга. Кн. II. Т. VII. СПб., 1842. Стб. 97.

³⁸⁹ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 49.

плакал и рыдал, и умолял царь и государь, шесть поклонов в землю челом положил со слезами и рыданием»³⁹⁰. Явная неуравновешенность поведения царя Ивана из этих описаний видна совершенно очевидно. Последний сын Грозного царевич Дмитрий Угличский страдал хронической нервной болезнью — «падучей» (эпилепсией). Она наблюдалась у него чуть ли не с младенчества³⁹¹. Поэтому кажется неслучайным, что с V колена начинаются бракосочетания московских Рюриковичей, сначала младших, не с другими Рюриковичами, а с нетитулованной знатью. А с VIII колена наступает время браков уже и великих князей с представительницами такой знати. Существовавшая долгие времена родственная группа Рюриковичей, внутри которой создавались княжеские семьи, распадается. Но было уже поздно. Московские Рюриковичи изживают себя.

³⁹⁰ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 29. Архимандрит Иона — настоятель Троице-Сергиева монастыря.

³⁹¹ Белоусов П.В., Столярова Л.В. Еще раз о гибели царевича Дмитрия Угличского // Мининские чтения. Нижний Новгород, 2010. С. 16. Авторы отмечают признаки хронических нервных болезней не только у Дмитрия Угличского, но и у его братьев — царевича Ивана и царя Федора, а также у их отца Ивана IV (Там же. С. 13-15). К ним надо, по-видимому, добавить и брата Ивана IV Юрия. Эпилептические припадки, которые, по мнению П.В. Белоусова и Л.В. Столяровой, и привели 15 мая 1591 г. к гибели царевича Дмитрия, могли усугубляться потерей несвертываемой крови в результате ранения Дмитрием ножичком себя в шею.

Ключевые слова:

московские князья и цари, генеалогия, связи с разными ветвями Рюриковичей, демография.

Vladimir A. Kuchkin

MOSCOW RURIKIDS**Genealogy and Demography**

The article is devoted to the genealogy of the Moscow Rurikids and provides a demographic assessment of the development of this branch of Russian governors. Reader view demographic processes throughout Russian lands during the 13th to the 16th centuries. The Moscow Rurik dynasty existed for 335 years, from the formation of the Moscow principality in 1263 to the death of Tsar Fyodor I in 1598, producing generations of governors of Moscow. The average age of the family members from the first to fourth generation, 13th to early 15th centuries, was 41.75 years; fifth to the eighth generation, which was the end of the 14th to the first part of the 16th century, 43.5 years; the ninth to the 10th generations, from the thirtieth year of the 16th century to the end of the 16th century, Dukes and Tsars lived an average of 32.3 years. Dukes entered marriage in the first to fourth generations at 17.25 years; in the fifth through eighth generations, at 22.18 years; in the ninth to tenth generations, the average age decreased to 15.8 years. In the 14th to the first half of the 15th century, brides married at 13 — 15 years old, later at 14 — 23 years. Eleven Dukes died bachelors, the others established families. From the 13th century to the end of the 16th century, the Moscow Dukes consummated sixty marriages of which sixteen marriages proved infertile. In the remaining forty-four families, 137 children were born. Fifty-one children of these died in childhood, a mortality 37.2%. The Dukes' families consisted of a married couple and 2-3 children, which corresponded to the average for

families of different social groups in Western Europe in the 15th century. Of the sixty married women, the origins were known for forty-seven. They were twenty-two from the Rurik dynasty, eleven foreign titleholders and fourteen untitled. The relationship with women from the Rurik dynasty led to the physical and intellectual degradation of future generations. Spasmodic attempts in the 16th century to remedy the situation such as marriages with representatives of untitled nobility were not successful. The Moscow Rurikids became obsolete.

 Кучкин Владимир Андреевич

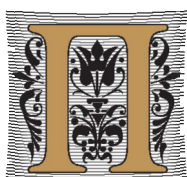
доктор исторических наук, руководитель Центра по истории Древней Руси Института российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН)

И.В. Курукин, Х. Коседжик

ПОИСК «ДОСТОЙНОЙ САТИСФАКЦИИ»:

Персидский поход Петра I и посольство Нишли Мехмеда-аги
в Россию в 1722 — 1723 гг.

Первого декабря 1722 г. в пограничную российскую крепость на Дону Новый Транжамент въехало турецкое посольство во главе с капыджи-баши¹ Нишли Мехмедом-агой и представителем великого везира Османом-агой. Султан Ахмед III и его министры были обеспокоены активностью северного соседа в Иране, где восстания подданных и вторжение афганцев привели к крушению династии Сефевидов; последний шах Султан-Хусейн в октябре сдал столицу и корону завоевателю Махмуду.

В это же время на Каспий явился Петр I во главе своих армии и флота. 27 июля 1722 г. русские войска высадились в Аграханском заливе. Короткий поход по территории приморского Дагестана завершился через месяц в Дербенте. Петр рассчитывал соединиться с грузинским войском царя Вахтанга VI² и армянским ополчением и двигаться на Баку. Однако русская

¹ Капыджи-баши, капычи-баши (глава привратников) — титул дворцового служащего, исполняющего ответственные поручения.

² Вахтанг VI (1675 — 1737) — наместник (1703 — 1711) и царь (1719 — 1724) Картли (Восточной Грузии); создал относительно боеспособное войско и свод законов («Уложение царя Вахтанга»), некоторые законы сохранили силу и после присоединения к России. В 1709 г. по его инициативе в Тбилиси была основана первая грузинская типо-

флотилия потерпела крушение, и армия лишилась провианта. Массовый падеж лошадей привел в расстройство конницу; среди солдат росло число больных. Эти обстоятельства заставили командование отказаться от продолжения похода. Оставив гарнизоны в Дербенте и новой крепости Святого Креста на реке Сулак, основные силы армии возвратились в Астрахань.

Не слишком удачный поход не обескуражил императора. Он стремился установить протекторат над Грузией и Арменией и «повернуть» на Россию проходивший через Иран и Турцию караванный путь шелковой торговли. Однако вступившая в период упадка, но еще могущественная Османская империя оставалась главной силой в Закавказье. После неудачного Прутского похода 1711 г. Петр I больше не желал рисковать. Принимая в мае 1722 г. перед отъездом в поход турецкого посланника Мустафу-агу, царь заверял его в желании сохранить заключенный в Стамбуле в 1720 г. договор о «вечном мире». Государь объяснял: он отправляется на юг только для того, чтобы «укротить» восставших подданных шаха, которые в 1721 г. перебили в Шемахе русских купцов и разграбили их товары³. Петр знал, что ширванские повстанцы во главе с «мужиком простым», энергичным и предприимчивым Хаджи Даудом (или Дауд-беком) обратились к турецкому султану с просьбой о принятии их под свою «протекцию». Помнил император и о том, что в октябре 1721 г. великий везир Дамад Ибрагим-паша Невшехирли предложил российскому посланнику Алексею Дашкову подумать о заключении оборонительного и наступательного союза. Петр отправился в поход, наказав резиденту в Стамбуле Ивану Неплюеву: если турки спросят о возможных российских «присовокуплениях» в Иране, можно предложить им «объявить свои намерения» на этот счет, чтобы в дальнейшем действовать «с общего согласия»⁴.

Появление в Дагестане русской армии во главе с Петром I дало османским властям повод к подозрениям. 21 сентября Неплюев был приглашен на аудиенцию к везиру и реис-эфенди⁵. Они предложили резиденту искать через турецкую «медиацию» «сатисфакции» за погром купцов в Шемахе. Дамад Ибрагим-паша посетовал на воинственный дух российского императора: «Государь ваш сорок лет государствования своего всегда в войне препровождает и дабы де хотя малое время возымел покой на своем

графия, в которой вместе с церковными книгами печатались учебники и поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» с комментариями самого царя.

³ См.: Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 89. Оп. 89/1. 1722. № 14. Л. 243 — 243 об.

⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1722. № 14. Л. 8 об. 9 об.

⁵ Реис-эфенди — начальник канцелярии великого везира; в его ведении находились внешние сношения Османской империи.

престоле». Высокие собеседники указали резиденту на «обиды», чинимые русскими турецким подданным, но в итоге объявили, что желают мира и отправляют в Россию посольство для получения объяснений. За 40 червонных Неплюев узнал от придворного «друга» о состоявшемся 19 сентября совете, на котором было решено не посылать против русских крымского хана⁶. Но резидент сообщил в Коллегию иностранных дел и о сделанных ему «секретно» предупреждениях: занятие русскими Шемахи турки еще смогут допустить, но дальнейших «прогрессов» и попыток привести Грузию «под свою державу» не позволят ни в каком случае⁷.

В октябре Неплюев передал: пятидесятитысячная турецкая армия должна вторгнуться в «персицкую Жоржию» (Восточную Грузию), поскольку ее жители «забунтовали» и делали набеги на «лязгов» (лезгин. — И. К., Х. К.); таким образом, турки использовали тот же повод для вторжения, что и Петр I. Посольство от «лязгов», добавляя дипломат, уже явилось в Стамбул и «подавает себя» в турецкое подданство. Прибывший к Неплюеву переводчик по секрету рассказал: туркам известно, что царь к «жоржианам» писал, «дабы они поддались под протекцию к нему», и везир имеет в том «немалое подозрение»⁸.

В последний день уходящего 1722 г. из Стамбула выехал еще один турецкий посланник — капыджи-баши Мехмед-ага. Он вез крымскому хану соболью шубу, саблю и указ о признании его владельцем «над всеми догистанскими землями и князьями»; Мехмед-ага должен был доставить предводителю лезгин Хаджи Дауду грамоту о принятии его «в протекцию к Порте» и передать наказ: выбить русский гарнизон из Дербента и «приобщать оружием к своим владениям» другие персидские земли⁹. Реляция с этим известием была получена в Москве 12 февраля 1723 г.

В этой ситуации многое в русско-турецких отношениях зависело от исхода посольства Нишли Мехмеда-аги в Москву. У нас есть возможность сопоставить российскую документацию об этой миссии в Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ¹⁰ с малоизвестным донесением (сефарет-наме) турецкого дипломата, хранящимся в Рукописном отделе Музея дворца Топкапы в Стамбуле¹¹.

⁶ См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1722. № 14. Л. 28, 30 об. — 32 об.

⁷ См.: Там же. Л. 12, 26; Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. М., 1993. Кн. 9. С. 382 — 383.

⁸ См.: Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 9. Отд. II. № 59. Л. 719 — 719 об., 721 — 722.

⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. № 5. Ч. 1. Л. 11 — 16 об.

¹⁰ Бытность в Москве турецкого посланника капичи баши Нишли Мегмет аги и с ним везирского Осман аги (АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. № 12).

¹¹ *Unat F. R. Kapıcıbaşı Nişli Mehmet Ağa'nın Moskova Sefâretnâmesi // Tarih Vesikaları Dergisi. 1942. Sayı 10. S. 284 — 299; 1943. Sayı 11. S. 352 — 371; Sayı 12. S. 462 — 472.* В данной рабо-

Султан Ахмед III.

Большой везир Дамас Ибрагим-паша.

Нишли Мехмед-ага, начинавший службу в дворцовой страже, был не новичком в дипломатии: везир аттестовал его Неплюеву как «человека доброго состояния», который служил «при цесарском дворе лет с пять и европейским делам заобычен». Но и для него путешествие оказалось нелегким. Командант крымской крепости Еникале Омер-паша пугал его опасностями приграничья. Однако путь до русской границы по зимней степи оказался спокойным, а в казачьем городке Маныхах посланника встретил плац-майор Засецкий со своей командой.

Охрана миссии была обеспечена, но посланник жаловался на то, что вместо необходимых продуктов ее членам через переводчика предлагали деньги. Царь не скупился — 1 января 1723 г. распорядился из ассигнованных полутора тысяч рублей каждый день отпускать посольству 20 — 25 рублей, которые турецкие дипломаты в итоге приняли¹². Однако проблема была не в недостатке содержания, а в невозможности на пустынной окраине обеспечить турок привычным для них провиантом. Нишли Мехмед-ага писал, что он и его спутники не знали, где и что могут купить.

Уже побывавший в России служитель дивана (государственного совета) Хасан Чавуш упрекал посланника: «Мы в прошлом году отправились в путь с большим запасом всего необходимого и, несмотря на это, пережили

те ссылки делаются на текст сефарет-наме из приложения к неопубликованной диссертации, защищенной в 2005 г. в университете Газиосманпаша: *Mertayak A. Nişli Mehmed Ağa'nın Rusya Sefâreti ve Sefâretnâmesi (1722 — 1723)*. Tokat, 2005. См. также: *Зайцев И. В.* Турки-османы в Москве XVIII в. // Восточный архив. 2004. № 11 — 12. С. 40 — 45.

¹² См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. № 12. Л. 1.

много трудностей. У вас нет ни кастрюли, ни сковородки, да и повара у вас нет. Кто же наготовит столько еды для такого огромного количества народа? Много бед вы потерпите. Вот из наших людей двое умерли, так мы для них даже савана не могли найти», — и Нишли Мехмед-ага вынужден был в итоге признать его правоту¹³. Впрочем, согласно российским документам, повара в свите посла все же имелись¹⁴, но они могли оказаться не на высоте в походных условиях при скудости продовольствия.

Посланник был недоволен и приставленным к нему переводчиком. Ему казалось, что русские сопровождающие ведут их длинным путем, отчего бесполезно тратится время. Посольство выехало из Транжамента 6 декабря 1722 г., а его торжественная встреча в старой столице состоялась 26 января 1723-го. На 660 верстах пути (через Батаев, Раздоры, Калитву, Валуйки, Усерд, Воронеж, Елец, Ефремов, Дедилов, Тулу, Серпухов) было сделано 40 остановок; на иных посольский «поезд» задерживался по два дня. Однако специальных распоряжений о замедлении движения не поступало; задержки можно объяснить поисками лошадей для восьмидесяти подвод дипломатов и их конвоя. Петр I распорядился только о том, чтоб турецких «гостей» не везли через новую крепость на Дону Тавров с адмиралтейской верфью.

В Москве срочно приводили в порядок отведенную турецким дипломатам резиденцию — «каменные палаты» отписного двора умершего под следствием изобретателя гербовой бумаги и архангельского вице-губернатора Алексея Курбатова — там оказались «печи худы и окончины побиты», четыре деревянных «покоя» сдавались внаем, а в «палатах» находился какой-то багаж генерал-майора Юсупова. Помещения были срочно «очищены», а постояльцы и вещи «сосланы» по предписанию Коллегии иностранных дел в Полицеймейстерскую канцелярию. После ремонта появилась обстановка (столы и стулья, кровать «с завеском», шандалы, рогожи на полах), были заготовлены дрова; приготовления обошлись казне в 113 рублей 21 алтын.

26 января (6 февраля) 1723 г. состоялась встреча турецкого посольства «у Калужских ворот у Житного двора». Нишли Мехмеда-агу ожидали «государева» карета, рота драгун и 20 гвардейцев «в дорогом платье на добрых лошадех». В карете вместе с послом ехал бывший российский резидент в

¹³ *Mertayak* A. Op.cit. S. 18.

¹⁴ В деле Коллегии иностранных дел о приеме турецкого посольства в его составе перечислены сын Нишли Мехмеда-аги, его секретарь, дворецкий, старший денщик («баш чегодар»), ключник («килержи-баш»), «кафеджи-баш» и «тютюнджи-баш», ведавшие соответственно приготовлением кофе и курительными принадлежностями; восемь пажей, десять денщиков-«чегодаров», три повара, кучер и «татарин» с двумя слугами. Представителя везира Осман-агу сопровождали восемь человек (см.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. № 12. Л. 111).

Стамбуле Алексей Иванович Дашков; другим «приставом» был назначен царедворец Василий Блеклый, в свое время побывавший в Турции вместе с П.А. Толстым.

Первый визит к канцлеру Г.И. Головкину состоялся 30 января: высокий гость передал президенту Коллегии иностранных дел «везирской лист», и они «пили кофе и имели розговор». 2 февраля была официальная аудиенция в Столовой палате Кремлевского дворца в присутствии знатных «персон» и дипломатического корпуса. Посланника с музыкой и барабанным боем встретил батальон Бутырского полка; на парадной лестнице и крыльце стояли преображенские гренадеры с ружьями «на караул».

Нишли Мехмед-ага описал свою встречу с Петром I: «...мы подошли к дверям в большую залу. Пол в зале был покрыт ветхим, с прорехами, ковром. В углу комнаты стоял трехступенчатый четырехугольный помост высотой в четыре зире (локтя. — И. К., Х. К.). На правой стороне помоста стоял какой-то предмет, напоминающий сундук, с пятью ячейками, а на левой стороне — большая скамья, покрытая позолотой. В другом углу комнаты также находилась большая, покрытая позолотой скамья; по обе стороны помоста до самой двери стояли в ряд министры. Сам же царь восседал на троне на возвышении. Когда я вошел с письмом султана в руках, он поднялся, взял шляпу, которую держал под мышкой; направился к предмету, похожему на сундук, и остановился рядом с ним. Мой сын, держа в руках послание от падишаха, прошел вправо и поприветствовал царя. Я же осторожно развернул ткань, достал послание падишаха и приложился к нему губами, как было заведено, затем положил его на ткань, подошел к возвышению и поднялся по ступеням. Я приблизился к царю, приложил послание к губам, затем ко лбу и после вручил его. Царь, переговариваясь с главным министром (в тексте *başvekil*; очевидно, имеется в виду канцлер Головкин. — И. К., Х. К.), подошел ко мне. Письмо было ему вручено. Он принял его в руки и положил на сундук. Я сошел с помоста и, отступив на шаг, остановился. Посол Дашков сделал знак рукой: “Отойдите еще на шаг”, — но я не шелохнулся. “Хорошо, хорошо”, — вмешался царь», которого не смутило нарушение протокола.

После вручения *nâme-i-hümâiûn* (султанской грамоты) Нишли Мехмед-ага произнес речь (текст он предварительно передал российским дипломатам), закончив ее словами: «Да будет угодно Богу, чтобы до Османского государства дошли известия о том, что вы, преданный друг, согласно добрым намерениям нашего могущественного и великого повелителя, совершаете действия, направленные на укрепление и продолжение вечного и нерушимого мира, и слова ваши это подтверждают. Да ниспошлет Всевышний вашему величеству долгие годы счастливой жизни!»

Затем Нишли Мехмет-ага вручил письмо великого везира со словами: «Это письмо от нашего могущественного, милосердного и милостивого господина». Царь махнул рукой в сторону главного министра. Я передал ему письмо; он, в свою очередь, положил его на сундук. Царь попросил главного министра передать: «Мы прочитаем письмо падишаха и назначим человека для его обсуждения». Затем мы вышли, сели в экипажи, ожидающие возле лестницы, и вернулись в наш особняк. Мы дали на чай кучеру, всадникам, капитану и солдатам. Спустя два часа явился человек от царя со словами: «Его величество в знак симпатии прислал вам подарки и угощение. Примите их». Мы ответили: «Да ниспошлет ему Аллах изобилие! Мы с радостью примем дары его величества», — и щедро одарили посланца царя¹⁵.

Посланник перечислил царское «угощение»: «бык, теленок, три индейки, пять уток, десять кур, шесть голубей, три барана, десять окк (Окка — мера веса, 1,283 киллограмма. — И. К., Х. К.) молока, шесть окк соли, три окки сахара, 13 окк риса, 13 окк винограда, три окки чая, 11 окк лука, пять окк чеснока, 80 буханок хлеба, три окки конфет, 50 окк яблок, пять окк рыбы, окка лимонов». Документация Коллегии иностранных дел дает возможность представить уровень московских цен на закупаемые для дипломатической миссии продукты: кофе стоил 70 копеек за фунт, чай — от 1 рубля 60 копеек до 2,5 рубля, сахар — 30 копеек; бык продавался за шесть рублей, теленок — за 80 копеек; индейка — 20 копеек, утка — 12 копеек, курица — семь копеек.

Посланник, как и полагалось дипломату великой державы, крайне щепетильно относился к соблюдению чести своего государя: посчитал, сколько пушечных залпов было дано по случаю его прибытия и отъезда, отправился в гости к Дашкову только после получения его личного приглашения, обратил внимание на то, как много москвичей было на улицах, по которым он проезжал. Как человек военный, он по пути интересовался устройством оружейного завода в Туле и состоянием крепостей — и указал, что на всем пути «не встречал ни одной крепости, которую надо было бы осаждать войсками».

5 (16) февраля начались переговоры. Посланник зачитал «письмо» везира, где говорилось, что во время похода в Дагестан русские войска находились «близ мест, которые в подданстве у высочайшей Порты», а ее подданные, черкесы и кабардинцы, «в сумнении и страху обретались». Главная же претензия состояла в том, что во время похода в Дагестан «некоторый казак Иван называемой Хромой, имея под командою своею донских казаков и калмык подданных ваших, встретя подданных нашего славного империя купцов кефенских, карасуцких и теманских нам принадлежащих, которые

¹⁵ *Mertayak* A. Op. cit. S. 95 — 98.

имея пятьдесят четыре воза своих товаров ценою на двести мешков¹⁶ и больше, ехали для купечества в стороны кумуцкие за реку Кубань... нападши на них, пограбил все их товары и вещи и, кроме того, что там на бою многих людей до смерти побил, но и живых взятых без остатка всех порубил»¹⁷.

Речь шла о событиях заключительного этапа Персидского похода. Отступая из-под Дербента, Петр 24 сентября 1722 г. направил «для поиску и разорения мятежников» карательную экспедицию из только что пришедших четырех тысяч калмыков во главе с Бату-тайши, внуком хана Аюки, и тысячи донцов под командой атамана Ивана Матвеевича Краснощекова; последний был лично известен царю и награжден в 1721 г. серебряным ковшом за действия в Финляндии¹⁸.

Из реляции о действиях казаков и калмыков следует, что с 26 по 30 сентября Краснощеков (турки называли лихого атамана Топал Юван — хромой Иван) громил владения непокорного утамышского владельца Махмуда. Согласно походному журналу Петра I за 1722 г., «помянутые казаки и калмыки от Сулаку пришли к Буйнакам и от тех мест вступили в неприятельские места, и были в неприятельских местечках и деревнях, кои прежде сего разоряли, а неприятели паки их строением снабдили, и оные все разорили без остатку и к тому еще 4 приселка, которые в прежнем были не разорены, потому ж все разорили. Неприятельских людей побито с 500 человек и более, а заподлинно объявить не можно для того, что действо чинилось в скорости да в разных местах. В полон взяли с 350 человек. Скота рогатого взято около 7000 да с 4000 овец. И потом помянутые донские казаки и калмыки, сентября 30 числа, возвратились к Аграханскому заливу счастливо... всяких вещей и драгоценностей казакам досталось»¹⁹. В этом походе донцы успели ограбить не к месту оказавшихся на их пути купцов

¹⁶ Мешок, кошелек («кесе») — денежная сумма. Известный европейцам «румельский кошелек» («кесе-и-руми») равнялся 500 курушей или 40 тысячам мелких серебряных монет (акче). Левок — турецкая серебряная монета («аслани куруш»), выпускавшаяся по образцу голландского левендаальдера («львиного талера») с изображенным на реверсе львом, стоящим на задних лапах. В описываемое время три левка примерно равнялись двум рублям.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. № 12. Л. 151 — 156. Те же претензии содержались и в грамоте везира (см.: Там же. Л. 157 — 161).

¹⁸ См.: *Богаевский А.* Бригадир Иван Матвеевич Краснощеков // Сборник областного войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1902. Вып. 3. С. 4 — 8.

¹⁹ Походный журнал 1722 г. СПб., 1855. С. 15, 82 — 85. Отправленное царю донесение гвардии майора М.А. Матюшкина, датированное 1 октября, подтверждает указанное выше количество угнанного скота, но «ясырю» насчитывает только «сто с полчетверта» человек (см.: Бумаги императора Петра I. Собраны академиком А.Ф. Бычковым. СПб., 1873. С. 498; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 59. Л. 28—28 об.).

из Кафы (нынешней Феодосии в Крыму), что и вызвало осложнение русско-турецких отношений.

Казачий налет являлся лишь поводом для дипломатического демарша. В Москве факт грабежа сразу признали (рескрипт Неплюеву от 3 февраля 1723 г. предписывал говорить, что турки напали на Краснощекова первыми и убили девять казаков, а те в ответ положили не 200 человек, а только 73²⁰); и на переговорах с Нишли Мехмедом-агой споров на эту тему не было. Проблема была в другом: турецкий посланник заявил, что русские уже получили «сатисфакцию» за погром в Шемахе, а теперь лезгины находятся «в подданстве высокой Порты», и потому Петр I должен «от них руку отнять»²¹. Ему возражали: о царском походе Стамбул был заранее предупрежден через Неплюева и посланника Мустафу-агу; к собственно турецким владениям и народам, «которые в подданстве турецком», русские войска не приближались, а «фалшивые реляции» сочиняют крымские татары, которые сами совершают набеги на соседей. Судя по российской версии переговоров, капыджи-баши остался «доволен» итогом этой встречи.

Следующая «конференция» состоялась 8 (19) февраля. Русская сторона (в числе переговорщиков находились опытные дипломаты князь Г.Ф. Долгоруков и П.А. Толстой) взяла инициативу в свои руки: посланнику предъявили претензии по поводу действий кубанского сераскира (командующего) Бахты-Гирея, возглавившего летом 1717 г. поход кубанской орды, турецких, черкесских, азовских отрядов и казаков-некрасовцев на пограничные русские земли. Татары разорили окрестности Царицына, Пензы, Симбирска, Саратова, Инсара, Петровска и Ломова и угнали в плен больше двадцати тысяч человек. В следующем году тот же Бахты-Гирей с десяти тысячным войском безуспешно осаждал донскую столицу Черкасск. Нишли Мехмед-ага от неприятной беседы уклонился («о сем упоминать не надобно»), сославшись на отсутствие указа. Кубанский «дели-султан» (бешеный, шальной султан) Бахты-Гирей и без того был головной болью Стамбула и Бахчисарая, поскольку действовал самовольно²². В итоге стороны признали, что в приграничных ссорах ни казакам, ни татарам «во всем верить не надобно».

Далее российские представители вновь изложили свои аргументы: в подвластные Порте земли русские «никогда не хаживали»; войск в походе

²⁰ См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. № 2. Л. 1 — 3 об.

²¹ Там же. № 12. Л. 182 об.

²² См.: Грибовский В.В., Сень Д.В. Бахты-Гирей: фронтирные элиты в противодействии стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII в. // http://www.ukrterra.com.ua/developments/east/bahty-girey3.htm#_ednref122.

было «гораздо малое число», а его причины турецкому правительству разъяснены заранее; «бунтовщики», против которых поход был предпринят, являются не турецкими, а персидскими подданными. Нишли Мехмед-ага попытался возразить, что горцы-«лязги» жили «сами собою» и теперь находятся у султана «в протекции по единоверию», но тут же получил встречный вопрос: а что если русские начнут принимать в подданство закавказских единоверцев по тому же принципу?²³

Затем посланник повелел своему сыну выйти из комнаты и объявил российской стороне, что пославший его великий везир (Нишли Мехмед-ага

Князь Григорий Федорович Долгоруков.
Портрет XVIII в.

Граф Петр Андреевич Толстой.
Портрет работы Т. Гонцфрида. 1710-е гг.

назвал себя «креатурой везирской» и не упускал случая подчеркнуть значение своего покровителя²⁴) просил напомнить о заключении союза («алианса») между двумя державами, «через которой другим областям мог быть страх». Однако полномочий «трактовать» эту тему посланник не имел — он только намекнул, что если с российской стороны поступит предложение, «то Порте приятно будет и в тот алианс вступить»²⁵. На этом второй раунд переговоров был завершён.

²³ См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. № 12. Л. 199 — 201 об.

²⁴ Нишли Мехмед-ага рассказывал: «..[везир] каждый день кладет рядом со мной по 4 — 5 золотых. Заслуженным ветеранам, слугам, солдатам и бедным... Османского государства раздает в большом количестве... те кто служит ему, с одного только сигнала готовы будут спрыгнуть в море. Действительно, до настоящего момента у Османского государства еще никогда не было такого помощника» (Цит. по: *Mertayak A. Op. cit. S. 116 — 117*)

²⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. № 12. Л. 202 об. — 203.

Третья встреча состоялась 12 (23) февраля. Российские уполномоченные начали ее с ответа на султанскую грамоту и высказанные турецкой стороной претензии. Они заявили, что Иван Хромой арестован и по делу о грабеже купцов «розыск чинится». Но в главном вопросе уступок не последовало. Посланнику заявили, что «лезги», обитающие «за горами», царя не интересуют, от дагестанцев же, живущих на побережье Каспийского моря, ему «руку отнять не возможно»: тамошние «владельцы» (тарковский шамхал, кайтагский уцмий и «бунтовщик» — утамишский султан²⁶) издавна находятся «под владением его императорского величества», а крымский хан посылал к шамхалу Адиль-Гирею письмо с предложением помощи против русских и «неприличными экспрессиями» в адрес России. Посланнику были предъявлены помянутый ханский «лист» и письма жителей Дербента и Баку «со удовольствием и покорным благодарением» за защиту от «разбойников» и изъявлением «повиновения и покорности такому справедливому императору»²⁷. Копии писем жителей Дербента и Баку и «реестр» нападений «подданных Порты» на российские владения в 1713 — 1719 гг. были отправлены Неплюеву в Стамбул для предъявления туркам²⁸. Нишли Мехмед-ага вынужден был признать, что «хан оное не хорошо учинил», и прекратил споры — «капычи баша так оное оставил»²⁹. В заключение «конференции» посланнику еще раз напомнили, что император «никоим образом допустить не может, чтоб при Каспийском море иная какая новая (то есть помимо России и Ирана. — И. К., Х. К.) держава была».

На этом переговоры были закончены. 22 февраля (5 марта) состоялась отпуская аудиенция, на которой посланнику была вручена грамота к сул-

²⁶ До конца XVIII в. Дагестан оставался раздробленным на мелкие государственные образования: Тарковское шамхальство, Кайтагское уцмийство, Табасаранское майсумство, владения кадия Табасарана, Дербентское, Аварское, Казикумхское, Мехтулинское ханства и более шестидесяти аварских, даргинских, лезгинских мелких объединений — союзов сельских обществ. Дагестанские владетели отправляли посольства к русским царям, а те выдавали им жалованные грамоты как своим подданным. Одновременно эти же правители получали подарки от шахов и выставляли по их требованиям конные отряды — таким образом, находились в «опчем холопстве», то есть одновременно признавали себя вассалами Москвы и Исфахана.

²⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. № 12. Л. 274 об. — 275 об.

²⁸ См.: Там же. № 2. Л. 20 — 22, 32 — 40. На самом деле бакинцы, в отличие от дербентцев, желания отдаться под российскую «протекцию» не проявили, а бакинские власти отказались принять русский гарнизон (см.: Алиев Ф. М. Письмо бакинцев Петру I в 1722 г. // Доклады Академии наук Азербайджанской ССР. Баку, 1964. Т. 20. № 7. С. 57 — 58); Он же. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1975. С. 47 — 49, 62; Походный журнал 1722 г. С. 13, 76).

²⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. № 12. Л. 268 об. — 269.

тану: «И да сочтет Всевышний угодным, чтобы я доставил в целости и сохранности Ваше послание в Османскую империю», — заверил он в ответ. Г.И. Головкин попросил Нишли Мехмеда-агу: «Передайте привет от его императорского величества могущественному падишаху. И также передайте, что мы крайне ценим вечный мир между нашими странами»³⁰.

В Москве желали, чтобы у посланника остались максимально благоприятные впечатления от визита. Главный пристав Алексей Дашков сообщил Нишли Мехмеду-аге, что при дворе им «были довольны»³¹. На «конференции» царские министры не скупились на комплименты посланнику как «годному и умному человеку». Петр I указал дать посольству «на отпуск» мехов («соболей добрых») на тысячу рублей, а 16 и 23 февраля 1723 г. распорядился доставить в Коллегию иностранных дел две тысячи золотых для особой «секретной» дачи Нишли Мехмеду-аге, о которой тот в своем отчете деликатно умолчал³². Посольству выдавали огромные «кормовые деньги» — 1085 рублей на месяц.

На официальной аудиенции император молчал, но не упустил возможность пообщаться с посланником 23 февраля (6 марта) на банкете у генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Нишли Мехмед-ага рассказывал: «Внезапно дверь распахнулась, и вошел царь. Внимательно оглядев нас, он подошел к нам. Мы хором сказали: “Добро пожаловать, для нас большая радость, что вы почтили нас своим приходом. Угощение следует за угощением, дай вам Бог долгих и счастливых лет жизни!” Тем временем царю поднесли ячменную воду (очевидно, пиво. — И. К., Х. К.), он поднял бокал: “За ваше здравие, за вас”, — и осушил его. Мы поблагодарили: “Дай Бог здоровья, пусть жизнь ваша будет радостной”. Его величество спросил про Османа-агу: “Кто он?” Главный министр ответил: “Это помощник главы янычар”. Затем царь спросил про моего сына, и я сказал: “Это мой сын”. Царь, распрямившись, направился в комнату напротив. Министры последовали за ним. Мы остались ждать, сидя за столом. По прошествии какого-то времени из комнаты вышел посол Толстой и пригласил меня пройти с ним: “Прошу вас, царь желает вас видеть”. На маленьком столе в углу комнаты была разложена карта, и царь, положив руку на нее, ждал. Главный министр и другие министры стояли перед ним.

Я прижал руку к груди: “Доброго вам вечера, ваше величество, добро пожаловать”. “И вам добро пожаловать, — сказал царь. — Понравился ли вам

³⁰ Цит. по: *Mertayak A. Op. cit. S. 113 — 114.*

³¹ *Ibid. S. 24.*

³² См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. № 384. Л. 63; АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. № 12. Л. 330, 335.

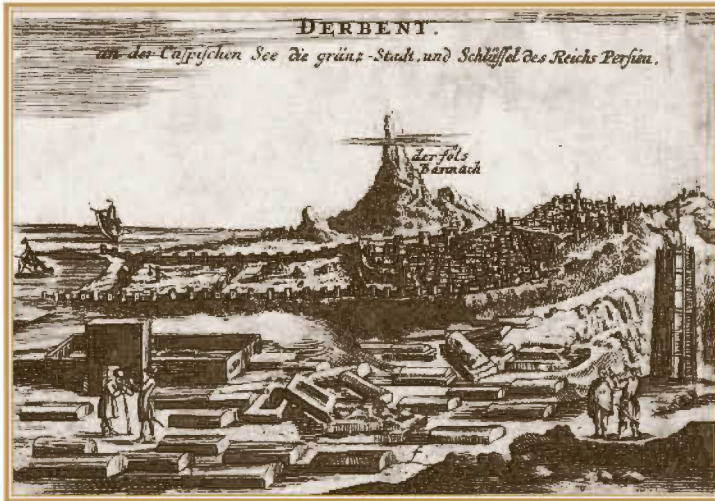

обед?» Я ответил, что встреча с его величеством доставила мне удовольствие в тысячу раз большее, да снизойдет на его величество Божье благословение. «Мы очень рады, что милостивый падишах отправил послом именно вас; вы умный человек, и если вы точно выполнили все поручения, непременно снищете славу», — заверил царь. Затем «его величество промолвил: «Вы знаете содержание послания вашего милостивого султана, поняли мои ответы так, как мои министры рассказали вам, и увидели, какое значение мы придаем дружбе». Приложив руку к груди, он продолжил: «Вечный мир я буду хранить, как свое сердце, и того же жду от милосердного султана. Почему он верит лживым, вероломным словам? Вы — один из его помощников, и должны передать мои слова как есть, честно». Я ответил: «С тех пор как я прибыл сюда, я вижу открытое выражение дружбы, а ваш сегодняшний визит подтверждает, что ваши дружеские чувства искренни и идут от всего сердца. Когда я с помощью Аллаха предстану перед султаном, несомненно, все сомнения рассеются, и дружба между нами станет крепче»».

В беседе Петр не раз повторял, что связанные с Кавказом спорные вопросы должны решаться на переговорах, и заверял, что его действия основаны на справедливых аргументах. Касаясь поднятого Нишли Мехмедом-агой вопроса о перспективе заключения османско-русского союза, он спросил, слышал ли сам посланник это предложение из уст везира, и получил ответ: «Будучи особым слугой и поверенным нашего почтеннейшего милостивого господина... позвольте сообщить то, что я слышал своими ушами и что я до этого уже рассказал премьер-министру». Посланник заверил Петра, что российский резидент в Стамбуле сможет уточнить эту информацию через придворных, ведающих государственными делами. Был затронут также вопрос о взаимном возмещении ущерба, нанесенного русским в результате татарского набега 1717 г. и подданным султана действиями казаков; Петр обещал строго наказать «Ивана Хромого».

Император пытался убедить султанского посланника в искренности своих намерений и желал показать, что Россия не связана обязательствами ни с одной из европейских держав: «Если вы не поверите нам, полагая, что мы лжем, не спрашивайте у австрийцев или англичан о нашей с ними дружбе, спрашивайте у представителей других государств... В знак нашей приязни хочу сказать вам одну вещь: эта дружба для переговоров. Французский король прежде был мал, сейчас ему исполнилось 15 лет, он стал править и женился на испанской принцессе³³, теперь они породнились и боятся Ав-

³³ Юный Людовик XV (1715 — 1774) был помолвлен в 1721 г. с испанской инфантой Марианной Викторией; она прибыла в Париж, но в 1725 г. испанский брак был отменен, и король женился на польке Марии Лещинской.

Дербент.
Немецкая гравюра. XVIII в.

стрии. Через год-другой начнется война. Если эти две страны договорятся и вступят в союз, тогда сердце Австрии разорвется от страха зависти»³⁴.

На прямой вопрос посланника о союзе Петр ответил: «Мы желаем этого в два раза сильнее, чем вы... Давайте будем верными друзьями, никого больше не слушайте. Передайте вашему падишаху наше намерение сотрудничать»³⁵.

Со словами «посмотрите на те места, в которых я побывал, и расскажите Высокой Порте» император показал Нишли Мехмеду-аге карту. «На карте, — вспоминал посланник, — с одной стороны было море, с другой стороны Астрахань и граница Московии до Демиркапы (Дербента. — И. К., Х. К.). Персидские владения находились за Дербентом и по другую сторону моря. За дербентским проходом со стороны Дагестана были изображены недоступные и высокие горы, правее — Черное море. Он показал на Демиркапы, за которым начиналась Персия, и спросил: “Теперь вы поняли?” Я ответил: “Да, понял”. Тогда он задал вопрос: “Есть ли еще место рядом, куда другой падишах мог вторгнуться?” — на что я ответил: “Если мы можем доверять этой карте, такого места нет”. Царь вновь указал на карту: “Вот Черное море. Если другой владетель придет, поселит здесь людей, будет ли ваш падишах доволен?” Мы все в гневе заявили: “Нет, никто не может посягать на это”. Он улыбнулся и сказал: “Вот видите, и мы не желаем, чтобы кто-нибудь вторгся в эти места”, — а затем добавил: “Мы пришли сюда в ущерб себе. Объясните мне, почему ваш падишах стал столь подозрителен”.

³⁴ Цит. по: Mertayak A. Op. cit. S. 30.

³⁵ Ibid. S. 31.

В ответ я произнес: «На этот вопрос я не ответил ни вашему главному министру, ни другими министрам. Все это — следствие вашего похода в эти края и появления ваших людей в землях, находящихся под управлением оттоманов; люди стали посылать прошения и письма к Порте, заявляя, что ваша цель — оскорбить Османскую империю». Он покачал головой, обратил глаза к небу и поклялся, [что никогда не имел такого намерения]. Тогда я заявил: «Падишах дружественно относится к вашему величеству; он не доверяет больше никому и послал нас к вам»».

В завершение разговора о делах Нишли Мехмет-ага «поведал о готовности к дружеским переговорам и любви, которую питает наш милостивый повелитель к вам, своим друзьям, присовокупив, что лично слышал об этом от моего господина». Уже в неформальной беседе любопытный Петр спросил посланника: «Это ваш сын?» — и услышал в ответ: «Да, это мой сын. Да дарует Аллах вам тоже сына». «Аллах дал мне четверых сыновей и всех их забрал». — «Аллах велик, Он даст вам еще сыновей». «Теперь уже поздно, я состарился», — промолвил царь и, улыбнувшись, коснулся рукой плеча посланника. Тем временем хозяин особняка преподнес Петру бокал с «ячменной водой». Царь осушил бокал со словами: «Пью за благорасположение великого падишаха», — затем обратился к Нишли Мехмету-аге: «Желаю вам долгой и счастливой жизни, вы укрепили нашу дружбу», — и удалился³⁶.

Посланнику был передан письменный ответ на его заявления. Из него следовало, что на «Ивана Хромого» и его казаков нападали «андреевцы» (жители дагестанского селения Эндери. — И. К., Х. К.), кубанские татары и кумыки; но факт ограбления турецких купцов признавался, «хоть и не в такой великой цене», как утверждал посланник. Далее перечислялись приведенные выше аргументы о правомерности российских действий на Кавказе и формулировался тезис о невозможности допустить Османскую империю к Каспийскому побережью, так же как сами турки не допускают никого к Черному морю³⁷. На привезенный Нишли Мехмедом-агой список «грабленных вещей» кафинцев русские дипломаты ответили перечнем русских людей, «побитых» и уведенных в татарский полон с 1715 г.³⁸

16 февраля 1723 г. Петр написал Неплюеву «пункты», в которых обозначил базу для достижения соглашения. Император объявлял, что Россия согласна «руку отнять от тех, которые не к Каспийскому морю владении имеют, и на то согласитца, что хотя оные и пот турецкою властью останут-

³⁶ *Mertayak* A. Op. cit. S. 117 — 120.

³⁷ См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. № 12. Л. 338 — 352.

³⁸ См.: Там же. Л. 353 — 353 об., 354 — 362 об.

ца, однакож бы войск своих туды не посылали; а напротив того, чтоб и турки от грузинцов також руку отняли, а мы також туды войска не пошлем». В случае, если турки будут упорствовать, Неплюеву разрешалось предложить линию раздела прикаспийской территории, проходящую «шестью часами» езды от Каспийского моря; «а чтоб берег отдать, того учинить весьма невозможно». Таким образом, Россия получала бы приморскую коммуникацию вдоль побережья Дагестана и прибрежную часть Ширвана³⁹ — Дербент, Мушкур, Низабад, Баку и Сальяны. Уступать эти земли Петр не собирался ни на каких условиях; населявшие их мусульмане «турецкого закона» (сунниты) должны были либо перейти в российское подданство и состоять в нем на согласованных с Турцией условиях, либо переселиться⁴⁰.

17 февраля последовала новая инструкция командиру войсками на Кавказе М.А. Матюшкину. Предыдущая, от ноября 1722 г., предполагала летом большой поход на Баку и, возможно, на Шемаху: генералу надлежало заготовить «магазины» для снабжения двадцатитысячной армии в крепости Святого Креста и Дербенте в течение двух месяцев, а в не взятом еще Баку — в течение года. В этих же пунктах требовалось открыть лазареты на семь тысяч больных и раненых — Петр I явно предполагал большие потери. Главной же задачей командующего было «при самом вскрытии льду» двигаться на Баку и «конечно тот город достать, яко ключ всего нашего дела»⁴¹. Драгунам и дербентскому гарнизону предстояли летние экспедиции во владения уцмий «и всех противных» и строительство крепости под Дербентом для пресечения «коммуникаций... усмею и прочим с Дауд беком».

Однако после турецкого демарша масштабная операция была уже невозможна без риска большой войны. «Ради турецкого дела» провиант теперь требовался только для двенадцати тысяч человек, карательные походы на горцев и строительство новой крепости отменялись. Но после взятия Баку Петр I все же намерен был воплотить свою идею о строительстве международного порта в устье Куры и крепости, «дабы неприятель не захватил»⁴².

Ответная грамота султану Ахмеду (Петр I, Г.И. Головкин, П.А. Толстой и А.И. Остерман «слушали» ее 21 февраля в Преображенском) гласила, что все пограничные «управители» получили указ не допускать враждебных

³⁹ Историческая область в Северном Азербайджане, бывшее государство ширваншахов; с 1538 г. — провинция государства Сефевидов.

⁴⁰ См.: *Лысцов В.П.* Персидский поход Петра I: 1722 — 1723. М., 1951. С. 136 — 137.

⁴¹ См.: Приказы и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину // *Русский вестник.* 1868. № 4. С. 594 — 598; *Лысцов В.П.* Указ. соч. С. 212.

⁴² См.: Приказы и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину. С. 598 — 600.

действий и с соседями «приятельское обхождение иметь». Было обещано «по всякой возможности» возратить награбленные казаками Краснощекова вещи. Российская сторона заверяла, что известия о направлении русских войск к турецким границам есть «фалшивые внушения» крымских и кубанских татар, которые «живут войной и пленением и хищением людей», и, в свою очередь, заявляла о недопущении впредь татарских набегов, «сатисфакции» за которые она так и не получила. В заключение изъявлялась благодарность лично Нишли Мехмеду-аге, которым Петр I и его министры остались «зело довольны»⁴³. В таких же выражениях был составлен и «лист» к везиру — с надеждой на «добрую дружбу и конфиденцию». В этот же день царь подписал «полномочную грамоту» Ивану Неплюеву «в конференции вступать, договариватца и соглашатца» с турецкими уполномоченными⁴⁴.

Перед отъездом в Петербург царь через канцлера Головкина пригласил Нишли Мехмеда-агу посмотреть парад гвардии, а 24 февраля (7 марта) посол мог насладиться созерцанием петровских гуляний: «Прежде пронеслась лодка, в которую, как в сани, были запряжены лошади. Сидящие в лодке дули в трубы и били в барабаны. Главный шут в удивительном облачении приветствовал посла. Затем приблизился небольшой галеон с поднятыми парусами; на палубе его стоял царь». После троекратного пушечного залпа мимо гостей с приветствиями проследовали адмирал, главный министр и царица, а дипломаты из других стран приветствовали султанского посланника, сняв шляпы. Как заметил Нишли Мехмед-ага, «жители Москвы, наряженные в немыслимые одежды (женщины в мужском облачении), на сорока лодках по очереди следовали перед послами». Кажется, зрелище пришлось гостю по вкусу. Прочие же бытовые и культурные черты петровской России, похоже, не очень занимали турецкого гостя — он даже не счел нужным описать свою встречу с царицей.

25 февраля 1723 г. Петр умчался в Петербург. Посланник же еще только собирался в обратный путь. Прощание было омрачено полученным в Москве 21 марта письмом везира с требованием вывести русские войска из Дагестана и предупреждением: если царь вновь пойдет в поход, это будет означать разрыв «вечного мира» 1720 г. и неизбежную войну⁴⁵. Через два дня Нишли Мехмед-ага и его свита отправились в обратный путь через Киев.

Послание везира отражало изменение ситуации в Стамбуле. В октябре представители крымского хана донесли султану, что царь стремится

⁴³ См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. № 1. Л. 1 — 6.

⁴⁴ См.: Там же. № 1. Л. 11 — 11 об.; № 2. Л. 19.

⁴⁵ См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. № 12. Л. 598 — 599 об.

нанести ущерб интересам Турции, а везир вводит своего государя в заблуждение. Разгневанный султан хотел уже казнить Ибрагима-пашу, но тот, чтобы сохранить жизнь и должность, двинул войска в Грузию. В реляции от 4 ноября 1722 г. Неплюев сообщал, что всеми средствами пытается удержать турок от разрыва отношений с Россией, для чего пообещал «везирскому кияю» и реис-эфенди по тысяче червонных. Дефтер-эмини (хранитель документов, ведавший учетом доходов воинов-сипахов, получавших от султана земельные пожалования. — И. К., Х. К.) Хаджи Мустафа передал Неплюеву требование османского двора об уходе России из персидских

Граф Андрей Иванович Остерман.
Портрет работы И.Ф. Бера.
1730-е гг.

Канцлер граф Гаврила Иванович Головкин.
Портрет работы И. Никишина.
1720-е гг.

владений. 11 декабря 1722 г. канцлер Головкин докладывал Петру I: «Порта требует, дабы ваше величество все свои войска вывел, и приготовления военные неотменно продолжает»⁴⁶.

24 января 1723 г. Неплюев сообщил, что через «секретной канал» добыл султанское послание и берат (жалованную грамоту) Хаджи Дауду⁴⁷. Резидент указывал, сколько ему приходилось платить за ту или иную информацию. Копия, снятая с берата, обошлась ему в четыре пары соболей общей ценой 40 рублей; столько же (60 левков или 40 рублей) заплатил он за один «секретной указ». Неплюев также сообщил, что завел разговор с «кегаей» (кяхья-беем) — помощником великого везира, ведающим

⁴⁶ Цит. по: *Мустафазаде Т.Т.* Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Баку, 1993. С. 29 — 30.

⁴⁷ См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. № 5. Ч. 1. Л. 38, 55 — 58, 59 — 59 об.

внутренними делами империи, — о том, что «ежели Порты имеет какое намерение при нынешних перских замешаниях, и в том дабы откровенно его величеству свое намерение сообщила, ибо его величество желает с оною согласитца». На следующий день он получил ответ от турецкого переводчика, что «нет еще время Порте о том с его величеством российским монархом в негоциацию вступать». В таких обстоятельствах Неплюев рискнул нарушить инструкции и не предъявил туркам царское требование, «чтоб ребелев (дагестанских бунтовщиков. — И. К., Х. К.) в протекцию не принимать».

В «секретной» реляции от того же числа резидент объяснял «пользу от умолчания»: в воинственной атмосфере при султанском дворе невыполнимое требование может вызвать разрыв отношений; со временем «оной штурм» утихнет, и «мое умолчание будет высочайшему вашего величества имяни к вящей славе»⁴⁸. Неплюев оказался прав. 8 февраля он доложил о решении состоявшейся при дворе «консилии» (диван-и-хумаюн⁴⁹) с участием главного муфтия (шейх-уль-ислама): султан примет в подданство Дагестан.

10 февраля 1723 г. везир пригласил Неплюева на аудиенцию, на которой заявил, что его держава довольна «дружескими ассикурациями» российского императора, но «пока ныне соглашатца ей не о чем», поскольку Хаджи Дауд и афганский правитель Ирана Махмуд поддадутся протекции Порты. Российский же монарх уже получил удовлетворение, и больше ему в иранские дела «мешатца» незачем. Как заявил везир, царские войска могут на короткое время занять некоторые территории, но оставлять их за собой Россия не должна, поскольку они населены мусульманами; «купечество» же российское в тех странах будет происходить по-прежнему, и даже «вяще безопасно»⁵⁰. Официальное письмо везира, полученное Неплюевым 12 февраля, донесло решение очередного заседания дивана: если царь вновь начнет военную кампанию на Каспии, быть войне⁵¹.

Последние вести пришли 30 марта, уже после отъезда из Москвы турецкого посольства. Петр I не желал новой войны с Турцией, но и поступиться завоеванными провинциями, на которые возлагал столько надежд,

⁴⁸ См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. № 5. Ч. 1. Л. 51.

⁴⁹ Диван-и-хумаюн (*Divan-i-humayun*) — государственный совет при султানে в составе везиров и других высокопоставленных чиновников, принимавший решения по важным вопросам, касающимся государственной жизни, а также рассматривавший прошения и жалобы подданных.

⁵⁰ См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. № 5. Ч. 1. Л. 96 об., 98; Мустафаев Т.Т. Из истории русско-турецких отношений в 20-х годах XVIII в. // Отечественная история. 2002. № 2. С. 20.

⁵¹ См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. № 5. Ч. 1. Л. 102 об.

не мог. На границе «между Азова и Транжаменты» российские «комиссары» полковник Иван Тевяшов и ассессор Коллегии иностранных дел Михаил Ларионов несколько раз в декабре 1722-го — январе 1723 г. съезжались с турецкими чиновниками для урегулирования пограничных конфликтов и прежде всего грабежа казаками Краснощекова турецких купцов. Арестованный атаман признал грех, но настаивал, что его донцы поживились не на требуемые турками в компенсацию 100 тысяч левков (66 666 рублей), а всего-то на 10 или 15 тысяч рублей; все взятое уже давно было разделено и потрачено, а потому взыскать с казаков нечего. Последнюю сумму в 15 тысяч рублей царь 10 февраля указал Сенату уплатить туркам в счет будущего казацкого жалованья⁵². Краснощеков оставался под следствием до 1726 г., когда императрица Екатерина I простила его и другого арестованного за грабежи атамана Данилу Ефремова и послала обоих обратно в Дагестан вместе с тремя с половиной тысячами казаков⁵³. Позднее «Хромой Иван» еще дважды — в 1727 — 1728 и 1733 — 1734 гг. — водил донцов на Кавказ и заслужил известность и у своих, и у горцев⁵⁴.

Весной 1723 г. оборонительные мероприятия проводились вдоль всей южной границы от Волги до Днепра. 7 апреля Петр назначил командующим на Украине одного из лучших российских полководцев — генерал-аншефа князя М.М. Голицына; ему были подчинены украинские казацкие полки, Войско Донское, воронежский губернатор, белгородский и севский воеводы. Для обороны от возможного турецкого «предвосприятия» император распорядился организовать ландмилицию (пограничные военные формирования из местного населения) из шести полков; сделать сигнальные маяки, шанцы и полевые редуты; строить суда в Воронеже и Брянске для воссоздания Донской и создания Днепровской речных флотилий⁵⁵.

Но вопрос о войне и мире решался в Стамбуле. 31 марта в Петербург пришла очередная реляция Неплюева. Она сообщала: во время приема в своем загородном доме на Босфоре Дамад Ибрагим-паша заверил русского резидента, что враждебных действий не последует до получения ответа от Петра⁵⁶. Везир, положивший много сил на упорядочение финансов и сокращение расходов Турции, не хотел начинать войну с северным соседом.

⁵² См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. № 384. Л. 65 — 67, 72.

⁵³ См.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Новочеркасск, 1894. Т. 2. Ч. 1. С. 12, 14.

⁵⁴ См.: Там же. С. 98; АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1733. № 5. Л. 98.

⁵⁵ Инструкцию Петра I М.М. Голицыну от 29 апреля 1723 г. см.: Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2. Оп. 1/47. № 2. Л. 4 — 5 об.

⁵⁶ См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. № 5. Ч. 1. Л. 142 — 142 об.

С ним был солидарен французский посол в Стамбуле Жан Луи д'Юссон маркиз де Бонак, к посредничеству которого прибегнул Петербург. Мир с Россией в данное время соответствовал французским интересам, чтобы иметь возможность с помощью турок угрожать Австрии — главной сопернице Франции в Европе; к тому же в Петербурге велись переговоры о заключении союза с Францией и браке дочери Петра Елизаветы с сыном герцога Орлеанского, регента при малолетнем короле Людовике XV.

Резидент не терял времени и одаривал турецких чиновников, представлявших ему копии важных документов. Согласно его записям, секретарь везира получил мехов на 175 рублей, «кегаинской фаворит» — на 500 левков, переводчик Порты — на 68 рублей, секретарь реиса-эфенди — на 42 рубля, а сам начальник канцелярии великого везира — на 80 рублей и 400 левков. Всего же за ноябрь — декабрь 1722 г. Неплюев раскошелился на 7754 левка (половина этой суммы пошла на подарки реису-эфенди), а с 9 января по 14 февраля 1723 г. — еще на 2569 рублей и 7431 левков⁵⁷. Денег, присылаемых из Петербурга, не хватало, и резидент брал займы у голландских дипломатов и константинопольских греков.

Соглашение давалось непросто. В начале апреля 1723 г. Неплюев даже ждал ареста. Канцлер Головкин писал ему 9 апреля 1723 г.: «Наши интересы отнюдь того не допускают, чтоб какая другая держава, чья б ни была, на Каспийском море утвердилась». Глава Коллегии иностранных дел инструктировал подчиненного: надо доказывать османам, что занятые русскими земли никогда не были владениями «персидских бунтовщиков» и «в протекцию нашу добровольно подались», и дать им понять, что если они решат воевать, русские войска готовы их встретить⁵⁸.

Однако 19 апреля Неплюев доложил об изменении турецкой позиции. Везир предложил маркизу де Бонаку передать царю, чтобы тот ограничился уже сделанными приобретениями и «болши того не забирал». Новая «консилия» при турецком дворе постановила согласиться на переговоры при французской «медиации»⁵⁹. В наметившуюся «разрядку» внес свою лепту и вернувшийся в мае в Стамбул Нишли Мехмед-ага. Он заверил: при российском дворе его приняли с подобающей честью; сам Петр объявил ему, что дал указания резиденту «в лезгинских делах трактовать», а «для поставленной вечной дружбы по прошению Порты оружие свое удержат изволит против ребелов лезгинцов, которых Порта в протекцию приняла»⁶⁰.

⁵⁷ См.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1723. № 5. Ч. 1. Л. 19 — 20 об., 147 — 148 об.

⁵⁸ См.: Там же. 1723. № 2. Л. 41 — 41 об.

⁵⁹ См.: Там же. № 5. Ч. 1. Л. 194 об. — 195.

⁶⁰ Цит. по: *Мустафаев Т.Т.* Указ. соч. С. 20 — 21.

Генерал-аншеф князь Михаил Михайлович Голицын.
Портрет XVIII в.

Однако посланник сообщил и о возможном возвращении царя в Астрахань и его намерении оказывать помощь сыну свергнутого шаха — принцу Тахмаспу. «Весьма он, везир, пришел в сомнение и не знает ныне, как султану и народу своему объявить, понеже время потерял, а по желанию своему не получил, того ради по приезде одного капычи баши ни единой консилиии при Порте не бывало. Держит везир все секретно», — доносил Неплюев и выражал опасение: «Через сей случай паче чаяния вскоре может мир нарушиться и может нынешнее министерство пропасть»⁶¹.

Коллегия иностранных дел затребовала от Сената «на некоторые секретные дачи» в Стамбуле 7200 червонных и «мягкую рухлядь» — шкурки соболей и горностаев; в июле Петр распорядился выслать резиденту дополнительно «четыре меха соболей пластинчатых» по тысяче рублей каждый⁶². Переговоры продолжились — но скоро зашли в тупик. На доставленное Нишли Мехмедом-агой послание Петра Порты ответила: никакому государству не будет дозволено присутствовать на побережье Каспийского моря, так как это угрожает безопасности Османской империи. В ответ Неплюев заявил, что его государь «от Дербента и Баки и помянутых князей руки своей не отнимает ни по единому образцу», и предъявил письма жителей названных городов с просьбами о российском покровительстве. Захват турками Тифлиса в июне 1723 г. и взятие русскими Баку в июле вновь обострили ситуацию.

⁶¹ Цит. по: Мустафаев Т.Т. Указ. соч. С. 22.

⁶² См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 31. № 1936. Л. 13, 34.

Переговоры были отложены на 90 дней, но не успели они возобновиться, как в итальянских газетах был опубликован полученный из Вены текст русско-иранского договора — раньше, чем сам Неплюев получил его из Петербурга. Дипломат только что успел договориться о «армистиции» — исключении столкновений русских и турецких войск на спорных прикаспийских землях и добился обещания, что «Порта на берегах Каспийского моря оружие удержит», то есть не будет претендовать на захват побережья, о чем и сообщил в реляции от 12 декабря⁶³. «Султан, — докладывал Неплюев, — пришел было в великое возмущение, но визирь его умячил не нарушать мира для многих причин». Теперь же разгневанные турки стали угрожать войной — визирь даже пообещал русскому резиденту «почетное» место в обозе отправлявшейся в поход турецкой армии.

Заключенный 12 сентября 1723 г. в Петербурге с послом принца Тахмаспа Исмаил-беком договор об уступке Ираном России Дербента, Баку, Гиляна, Мазандерана и Астрабада Порта объявляла недействительным, принцу не имел никаких полномочий делать это при живом отце Султан-Хусейне. После новой беседы с де Бонаком Неплюев заявил туркам, что договор с Тахмаспом не противоречит интересам Османской империи; более того, царь мог бы убедить шаха уступить Порте часть своей территории⁶⁴. То же делал де Бонак — терпеливо разъяснял туркам, что статьи договора не содержат упоминания о провинциях, куда вошли турецкие войска.

Кроме того, осенью того же года войска эрзерумского паши вели неудачные бои под Гянджой с отрядами местных жителей, армянских ополченцев и грузин. «И мы имели с ними жестокий бой осемнадцать дней, и многих из них погибли великих пашей... турецкий повелитель готовятца паки на нас для отмщения победы нашей, и мы надеемся в том на его императорское величество, что его величество всегда государю нашему чинит вспомощение...» — писали гянджинцы бакинскому коменданту князю И.Ф. Барятинскому, прося прислать войска «на оборону провинции Гянджинской»⁶⁵.

Не удалось турецким властям и поднять против русских Дагестан. Хаджи Дауд не смог выполнить поставленную перед ним задачу — захватить «принадлежащие к Ширвану ближние персидские провинции» и «выгнать российский гарнизон из Дербента и всяких тамошних краев». Султанский указ о передаче под его власть Ширвана имел обратный результат — местные

⁶³ См.: РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. № 37. Ч. 1. Л. 48 об.

⁶⁴ См.: *Küçükçelebizade Asım Efendi. Tarihi Asım. İstanbul 1282 [1741]. S. 144 — 145.*

⁶⁵ Цит. по: Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане. С. 65.

владельцы не признали выскочку-правителя и на встрече в урочище Худат договорились: «...быть Шемахе и Баке городу за шамхалом, да Мюскер, Шабран за Даудом, да Кубе и Калхан за усмеем, а городу Дербени за майсумом».

На совете, собравшемся 4 (15) января 1724 г. в султанском дворце, Дамад Ибрагим-паша поставил вопрос: «Что будем делать, примем предложение царя (о прекращении наступления в Закавказье. — И. К., Х. К.) и прекратим иранский поход либо сочтем данное предложение нарушением договора и начнем подготовку к походу на Россию?» Пока присутствующие колебались, великий везир покинул заседание вместе с шейх-уль-исламом⁶⁶.

Прием в Стамбуле французского посольства султаном Ахмедом.

В дело вступил французский посол: он подал совету письмо, в котором убеждал советников султана, что поскольку ни Россия, ни Османская империя не намерены нарушать договор о мире, то переговоры должны быть продолжены, хотя военные приготовления стоит продолжать — они послужат дополнительным аргументом в споре с русскими⁶⁷.

Явившийся на заседание султан Ахмед III склонялся к войне. Диван уже готов был объявить ее, но по предложению великого везира и главного драгомана (переводчика) Порты все же решил продолжить переговоры⁶⁸; при-

⁶⁶ См.: *Külbilge I. 18 Yüzyılın ilk yarısında Osmanlı-İran İlişkileri (1703 — 1747)*. İzmir, 2010. S. 159.

⁶⁷ См.: *Küçükçelebizade Asım Efendi*. Op. cit. S. 146.

⁶⁸ Перипетии этих переговоров см.: *Lockhart L. The Fall of Safavi dynasty and the Afghan occupation of Persia*. Cambridge, 1958. S. 228 — 232; *Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке*. М., 1966. С. 28 — 30; *Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в.* М., 1991. С. 66 — 67; *Мустафаев Т.Т. Указ соч.* С. 24 — 27.

сутствующие согласились с мнением французского посла и предоставили Неплюеву время, чтобы он связался с Петербургом для выработки новых предложений. Великий везир рассчитывал получить часть бывших иранских владений без войны — она дорого стоила, и успех в ней не был предрешен.

На одной из встреч с Неплюевым и де Бонаком Дамад Ибрагим-паша объяснил, что шейх-уль-ислам издал шариатское заключение — фетву; в ней говорилось, что после низложения шаха Персия может быть сочтена страной без государя и посланные туда войска остановить нельзя. Великий везир заявил: требование русского царя «те прогрессы остановить» «не имеет быть принято; однако же империя Оттоманская за то не имеет разорвать мира, разве сей государь сам объявит войну»⁶⁹. Когда Дамад Ибрагим-паша предложил все-таки заключить договор, де Бонак и Неплюев поняли, что он войны не желает. Российский резидент даже стал уверять турок, что царь готов пожертвовать договором с Тахмаспом ради сохранения дружбы с Османской империей⁷⁰. Эту жертву приносить не пришлось, но с санкции Петра I Неплюев вынужден был согласиться на то, что крупный торговый центр Тебриз достанется не шаху, а султану.

Усилиями заинтересованных в мире сторон наметился компромисс; долгие и тяжелые переговоры завершились 12 (23) июня 1724 г. договором о разделе российских и турецких приобретений в Иране. В мирном разрешении конфликта не последнюю роль сыграл визит Нишли Мехмеда-аги. Но самому посланнику вояж в Москву не помог сделать карьеру: в 1725 г. он чем-то разгневал своего повелителя, попал в ссылку, а после возвращения из нее служил офицером в артиллерии и финансовым чиновником.

⁶⁹ Цит. по: Маркова О.А. Указ. соч. С. 29.

⁷⁰ См.: *Küçükçelebizade Asım Efendi*. Op. cit. S. 151 — 153.

Ключевые слова:

Петр I, великий везир Дамад Ибрагим-паша, И.И. Неплюев, Дагестан, Грузия, лезгины, Персидский поход 1722 г., Константинопольский договор 1724 г.

Igor V. Kurukin, Hidzhran Kosedjik

FINDING A “DECENT SATISFACTION” :

Persian campaign of Peter the Great and Embassy of
Nishli Mehmed Aga in Russia during the years 1722 — 1723

Article by Igor Kurukin and Hidzhran Kosedjik describes the Moscow 1723, negotiations of the Turkish representative Nishli Mehmed Aga passed with diplomats of Peter the Great, and how these events are reflected in the Russian diplomatic documents at the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and reporting Ottoman envoy; the last allows us an opportunity to become acquainted with features of life in Moscow at that time.

The story of the first XVIII century Turkish Embassy in Russia and the reports of the Russian resident in Istanbul Ivan Neplyuyev relate the conditions of rivalry between Russia and Turkey in the Caucasus. These accounts including negotiations between the two powers and how it was possible to resolve the conflict between the two empires, caused by the Persian campaign of Peter the Great on the coast of the Caspian Sea in 1722. The efforts of the parties concerned with peace in this region were a long and difficult compromise; resulting on June 12 — 23, 1724 with an agreement on the division of Russian and Turkish acquisitions in Iran. The visit of Nishli Mehmed Aga played a role in the peaceful resolution of the conflict.

 Курукин Игорь Владимирович

доктор исторических наук, профессор кафедры истории
России средневековья и раннего нового времени Историко-архивного
института РГГУ

 Коседжик Хиджран

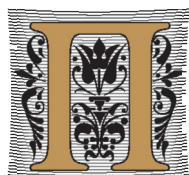
сотрудница Турецко-русского культурного центра в Москве,
магистрант РГГУ

Л.Ф. Кацис

МОРАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ТЕРРОРА ОТ УБИЙСТВА ПЛЕВЕ ДО ГИБЕЛИ СТОЛЫПИНА:

Точка зрения Владимира Жаботинского

роблема оценки индивидуального террора в первое десятилетие XX века не является новой¹. Однако в самое последнее время у нас появляется, как кажется, возможность взглянуть на эту ситуацию с принципиально иной точки зрения.

Попробуем проследить эволюцию взглядов на эту проблему Владимира Жаботинского, который известен как русский романист и журналист, а не теоретик индивидуального террора времен Первой русской революции или 1910-х гг.

Вот уже несколько лет международный российско-израильский коллектив исследователей работает над Полным собранием сочинений Владимира (Зеева) Жаботинского². Мировой истории он известен как лидер радикального направления политического сионизма, так называемого «ревизионистского сионизма».

При этом все главные биографы Жаботинского уверенно говорят о том, что ранних газетных публикаций Жаботинского русского периода не со-

¹ См. хотя бы обзор: *Сухова О.* Революционный терроризм в России конца XIX — начала XX века: историография, методология, факты // Исторический вѣстникъ. Т. 2 [149]. Декабрь 2012 (Терроризм в России в начале XX века). М., 2012. С. 136 — 172.

² *Жаботинский В.* (З.) Полное собрание сочинений: В 9 т. Т. I-IV (1). Минск, 2007 — 2012 (Издание продолжается. Далее — ВЗЖ с указанием тома и страницу).

хранилось, и мы уже никогда не узнаем о том, почему так любили и почитали, ненавидели и уничтожали современники Жаботинского³.

Этому умозаключению противоречит даже библиография Жаботинского, где указаны сотни публикаций будущего радикала в «Одесских новостях», подписанных знаменитым псевдонимом *Altalena*, под одним и тем же названием «Вскользь»⁴. Без работы с конкретными газетами начала века составление подобной библиографии⁵, да еще и с кратчайшими аннотациями, было бы невозможно.

Понимая это, обратимся к комплектам русских газет интересующего нас периода, однако не в них нашли тексты, которые привлекают наше внимание. Они нашлись в тех органах печати, которые никогда не связывались с именем Жаботинского. Да и публикации эти были выполнены под псевдонимами, которые словарь псевдонимов Масанова относил к совершенно другим людям либо не упоминал вообще.

Расшифровка этих псевдонимов была проделана автором частично ранее⁶. И этими результатами и воспользуемся. В свою очередь, предложим здесь расшифровку некоторых неизвестных ранее псевдонимов

³ Ср. «Наследие Жаботинского огромно. Большая часть его ранних произведений, печатавшихся в русских газетах и журналах с 1898 (на самом деле — 1897. Ср. С. 16 ≈ — Л.К.) по 1917 год, с тех пор не переиздавались. Возможно, они просто не существуют». *Кац Ш.* Одинокий волк. Жизнь Жаботинского. Тель-Авив, 2000. С. 10. (иврит 1993, англ. 1996).

⁴ *The Writings of Zeev Jabotinsky. A Bibliography (1897 — 1940)*. Ed. by Mina Graur. Tel-Aviv. 2007. Последняя публикация в российской газете — № 996 (апрель 1917 г.).

⁵ *Stanislavski M.* Zionism and the Fin de Siecle. Cosmopolitanism and Nationalism from Nordau to Jabotinsky. Univ. of California Press, 2001. P. 116 — 237. Автор предпринял попытку проверки некоторых сведений, сообщенных Жаботинским, установив, в частности, мифологичность описания встречи Жаботинского с Т. Герцлем в мемуарах Жаботинского. В этой работе предпринята первая попытка введения подлинных текстов Жаботинского из ранних газет 1900-х гг.

⁶ *Кацис А.* Владимир Жаботинский — театральный критик и организатор театрального дела (по неизвестным журнальным публикациям). История театра в архивных и книжных собраниях: доклады девярых Международных научных чтений «Театральная книга между прошлым и будущим». М.: Российская государственная библиотека искусств, 2011. С. 88 — 117; *Он же.* Что такое «полный Владимир Жаботинский»? К проблеме атрибуции псевдонимных текстов раннего Жаботинского из журнала «Жизнь» (1901). // Альманах Института компаративистики. Т. 26. Латышко-еврейско-русский культурный диалог. Вып. 2. Еврейский текст в европейской культуре — П. Daugavpils Univetsitate, 2012. С. 184 — 193; «Провинциальные» псевдонимы Владимира Жаботинского. // ВЗЖ. Т. 4.1. С. 794 — 818; *Katsis L.* Vladimir (Zeev) Jabotinsky and His Recently Discovered Works: Problems of Attribution and Analysis. Russian Jewish European Culture 1918 — 1937. Studies in Judaica Series. Vol. 13. Brill. Leiden, 2012; «Бездна» Леонида Андреева: атрибуция пародийных откликов 1903 — 1929 года // Вопросы литературы. 2012. № 5. С. 356 — 400. На другие релевантные данной теме работы сошлемся в процессе изложения.

Жаботинского, которые будут дериватами известных образцов. Наконец, впервые введем в оборот подписной текст Жаботинского об убийстве П.А. Столыпина террористом Г. Богровым, который позволит «достроить» систему наших предыдущих рассуждений и расшифровок, с одной стороны, и лишний раз подтвердить наши прошлые атрибуции с другой.

Такой комплексный анализ требуется вследствие того, что Жаботинский одновременно был видным русским революционером, связанным как с достаточно радикальными кругами, так и с некоторыми официальными институциями типа российского МИДа⁷. А его революционная деятельность, часто расходившаяся с интересами империи, вполне могла сочетаться с сионистской, в которой русский МИД мог быть заинтересован.

Понятно, что он не стремился раскрывать эти связи в открытой, даже и эмигрантской печати 1900 — 1910-х гг. Поэтому точка зрения Жаботинского на трагические события русских революций требует одновременно и атрибуции, и реконструкции, и анализа.

I

В результате исследования итальянских публикаций Жаботинского в газете «Avanti!» стало ясно, что их автор может быть связан с русским марксистским журналом «Жизнь», закрытом властями в 1901 г. В нем действительно обнаружилось некоторое количество рецензий, подписанных псевдонимом «А» и соответствующих некоторым текстам Altalen'ы в газете «Одесские новости», на страницах которой «ранний» Жаботинский пользовался и этим псевдонимом, включенным в израильскую библиографию, но не указанным Масановым⁸.

Как известно, после закрытия «Жизни» ее редакция распалась на две эмигрантские: прото-большевистскую «Жизнь» В. Поссе и В. Бонч-Бруевича и либерально-марксистское «Освобождение» Петра Струве (или, говоря

⁷ См.: Документы по истории и культуре евреев Москвы. Путеводитель. М., 1997. С. 342 — 344. (Второй департамент (департамент внешних сношений). Ср. соответствующие главы мемуаров Жаботинского: *Жаботинский В.* Слово о полку. История еврейского легиона по воспоминаниям его инициатора // *Жаботинский В.* (3.) О железной стене. Речи. Статьи. Воспоминания. Минск, 2004. С. 303 — 320. Работа по комментированию соответствующих глав мемуаров русскими дипломатическими документами и материалами русского консула Петрова (Дипломатический вестник. 2001. № 12) и консульства (*Горячкин Г.В.* Русская Александрия: Судьбы эмиграции в Египте. М., 2010) — дело будущего.

⁸ *Кацис А.* О псевдонимах раннего Жаботинского. // ВЗЖ. Т. II/II. С. 715 — 729.

Владимир
Жаботинский в форме
еврейского легиона.

на политическом языке: на более ранний «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и более поздний «Союз освобождения»).

Обнаружить следы Жаботинского в женевской «Жизни» не представилось возможным. А вот обращение к «Освобождению» дало результат. По ряду причин, приведенных в специальных публикациях, автор настоящей статьи не соглашается с Масановым, который отнес этот псевдоним к депутату II и III Думы А.И. Никольскому, и здесь рассматриваем тексты «Анонима» как тексты Жаботинского⁹.

В журнале П. Струве под псевдонимом «Аноним» мы находим два текста об убийстве министра внутренних дел В.К. Плеве террористом Созоновым. Уже в них видим два совершенно разных настроения их автора сразу после получения сообщения о смерти ненавистного министра и чуть позже, когда приходит время анализа.

Этот момент особенно важен для нас, так как с самого начала начинаем работу с двумя текстами одного автора, однако выполненными в принципиально разной стилистике. Поэтому в дальнейшем возникает необходимость поиска аналога хотя бы одного из текстов в одном из стилистических регистров. К счастью, такой текст существует. Сказать об

⁹ Кацис А. О псевдонимах раннего Владимира Жаботинского в журнале «Освобождение» (1903–1905). Русский сборник Х. М.: Регнум, 2011. С. 132 — 182. *Он же*. К проблеме атрибуции анонимных и псевдонимных текстов В. Жаботинского итальянского периода (Аноним в «Освобождении» П. Струве). VENOK. Studia Slavica Stefano Garzonio oblata. In Honor of Stefano Garzonio. Part 1. Stanford Slavic Studies. Vol. 40. Stanford. Calif. 2012. P. 270 — 278.

этом необходимо, так как Жаботинский был принципиально полистилистичным автором.

Итак, «Отголоски убийства Плеве. Местные нравы и новости». «Аноним» сообщает 2 сентября 1904 г. из Одессы: «Телеграмма об убийстве Плеве распространялась здесь по городу вместе с военным бюллетенем часов с четырех в день самого происшествия. Гуляя вечером по улицам, по паркам и бульварам, самый проникательный наблюдатель, однако, не заметил бы никакой внешней перемены: всюду играла музыка, тысячи нарядно одетых дам вели легкую перестрелку со своими расфранченными кавалерами, солидные папаши восседали за буфетными столиками, стремясь поближе к открытым сценам, — ничто не говорило, что сегодня, несколько часов тому назад, пал фактический правитель всей империи, пал так трагически, так знаменательно. Такова легкомысленная Одесса...» (ВЗЖ. IV(1). С. 720—721).

Так, под флером фельетонного описания своего города, которым заполнял страницы «Одесских новостей» *Altalena*, «Аноним», незаметно переключая регистр, начинает анализ реакций на историческое событие в разных слоях населения Одессы.

Разумеется, автор этого сообщения не являлся сторонником террора без разбора, тем более с невинными жертвами, не имеющими отношения к цели покушения. Однако положение «Анонима» было непростым. Первые абзацы его сообщения писались, когда еще не было известно, что пострадавших было куда больше. Эта деталь пригодится при анализе второй статьи «Анонима». А пока читаем дальше его рассказ уже о «сознательной» публике: «Но, конечно, и в ней под густо распустившимися пустоцветами (это пока простые обыватели. — Л. К.) есть в почве здоровые корни (а это уже радикалы. — Л. К.): во многих домах, в культурно обставленных квартирах и в самых бедных конурах рабочего люда эта весть «ударилась по сердцам с неведомою силою». Как крепки были товарищеские рукопожатия, каким огнем светились глаза на сияющих лицах! Отсутствие в первой телеграмме обычного в таких случаях добавления о задержании кого-либо на месте катастрофы и о других жертвах оставляло еще некоторую надежду, что поплатился только один ненавистный министр. Не говоря уже о социалистах-революционерах, даже их непримиримые противники, социал-демократы, не скрывали своего удовольствия. Да и как его скрыть, видя вокруг такие же довольные лица. В одном месте мне пришлось даже услышать от вполне зрелой и убежденной социал-демократки такую фразу: «Даже завидно, что *им* досталась честь свалить такого медведя». И это не было только шуткой, так как дальше развита

была мысль, что за все террористические времена на Руси не пало при таких условиях ни одного лица в одинаковой мере и сильного, и ненавидимого всем русским обществом. Но удаление Плеве со сцены жизни — факт, конечно, интересующий не только наши крайние партии: именно все сознательное и образованное русское общество, исключая отпетых ретроградов и балансирующих балетоманов “нововременского” пошиба, ненавидело его политику, выкованную в ищейских кабинетах департамента полиции. К волчьему зубу своего предшественника Сипягина он прибавил свой собственный лисий хвост, которым иногда ему удавалось обольстить на время даже самых солидных общественных деятелей, скоро, однако, прозревших истину» (ВЗЖ. IV(1). С. 721).

Следующий пассаж, пожалуй, наиболее радикален. Не так часто приходится видеть такой контекст выражения «террористическая деятельность» применительно к достаточно широкому кругу людей: «Нельзя удивляться поэтому, что и у более сдержанных и совершенно далеких от террористической деятельности людей телеграмма вызвала чувство удовлетворенности и облегчения: наконец-то пал “лучший из лучших”, как назвал его фон Валь, от комплимента которого поморщились бы, вероятно, многие и из сановников, кто поумнее» (Там же).

Это лишний раз характеризует то безумное состояние, в котором находилось все российское общество.

Легкая отсылка к пушкинскому стихотворению «Ответ Анониму» лишний раз повторяет псевдоним и мотивирует (по Пушкину) необходимость открытого высказывания по тяжелому поводу, не обращая внимания на реакцию толпы. Вся вторая часть приведенного текста представляет собой издевательства над официальной прессой, отражающей траурные события и мероприятия.

Естественно, возникает вопрос а зачем «Анониму» надо удваивать свое имя цитатой из Пушкина? На наш взгляд, это один из применяемых Жаботинским приемов обозначения своих текстов.

Так, самый первый текст «Освобождения», который может быть атрибутирован Жаботинскому, «Фрейлейн», тоже был полностью анонимным еще до появления «Анонима»; второй текст с таким же названием появился в «Одесских новостях» у Altalen’ы, и там же появился фельетон Altalen’ы с обсуждением проблем отношения «фрейлейн» к хозяйкам и хозяек к «фрейлейн» (с параллельными намеками). А в конце года предложил своим читателям анкету о «фрейлейн», которых не устраивают требования хозяев (это тематика второго фельетона), а также пригласил к участию в дискуссии хозяек, недовольных своими «фрейлейн», которых также знал Altalena.

Разумеется, никакой анкеты не последовало. Это замыкало всю логическую цепочку¹⁰.

Другим примером является текст «Анонима» того же 1904 г. к годовщине Кишиневского погрома. Здесь находим цитату из «будущей» статьи Жаботинского «Вместо апологии» 1911 г. Хотя, на самом деле, — наоборот, в знаменитой подписной статье цитировалась статья из «Освобождения». В той же «кишиневской» статье видим упоминание имени Плеве и еврейской самообороны.

Это отступление отнюдь не случайно. С одной стороны, явно пропогромные, по мнению «Анонима», настроения В.К. Плеве вели к возможности повторения кишиневской трагедии 1903 г. Именно это и определяло отношение к тогда еще живому министру внутренних дел.

Вот как выглядит этот текст — «Ожидание погрома. Настроение общества». Он требует столь же подробного структурирования, как и предыдущий. «Из легальных газет (кор. «С.-Петербургских ведомостей») известно уже, что в Одессе перед пасхальными праздниками переживалось напряженное состояние в ожидании возможного еврейского погрома и что городской голова нашел вынужденным даже войти с официальным представлением к градоначальнику относительно активной агитации в этих целях, выразившейся в массовой бесплатной раздаче газеты «Знамя», приезде агитаторов из Кишинева и т. д.» (ВЗЖ. IV(1). С. 662 — 665, далее без ссылок).

Обращает на себя внимание ссылка не просто на «легальные», а на официозные органы. И сообщают они о решении официального лица попытаться предотвратить погром и остановить погромную агитацию: «Следует прибавить к этому, что подобная же агитация коснулась и других соседних южных городов, как, например, Елизаветграда, Кишинева, Николаева, и что в Одессе на Малороссийской улице в двух местах — в прачечной и еще каком-то пустующем помещении — найдены были склады топоров, вилок, ножей и т. п. орудий нападения. Установлено, что эти склады заготовлены именно для нападающей стороны, а не для самообороны, потому что у последней, в свою очередь, в других местах найдены склады оружия, причем несколько человек арестовано».

«Аноним» достаточно откровенно описывает подготовку к серьезным столкновениям с обеих сторон. Но важно ему и другое — не совсем еврейский состав еврейской самообороны: «Кадры самообороны евреев пополнялись, между прочим, почти наполовину христианами, преимущественно

¹⁰ См. об этом примеч. 9.

из среды рабочих, причем представители партий социал-демократов, социалистов-революционеров и “бунда” временно объединились, а сионисты организовались особо».

Это исключительно важная деталь, подтверждающая авторство текстов «Анонима» — «сионисты организовались особо» от остальной социал-демократии во всех ее видах. Ведь почти дословно это же написано и в романе «Пятеро»: «Тем не менее, горячо трепыхался политический пульс. Но тоже по-новому: в мое время все заодно ругали самодержавие, теперь больше бранили друг друга. Это были первые годы после эс-декского раскола: тут я впервые услышал названия “большевик” и “меньшевик”, в России тогда еще малоизвестные вне подполья. “Ваш Ленин — раздраженная тупица”, — констатировал один, а второй отвечал: “Зато не пшют, как ваш Плеханов”. Насколько я понял разницу, одни требовали, чтобы переворот в России произошел в назначенный день, по точно предначертанному плану. И все партийные комитеты “до последнего человека” должны быть назначены свыше, т.е. из-за границы; а другие стояли за выборное начало и “органическое развертывание” революции. Присмотревшись, можно было явственно различить в этой пестроте строгую иерархию по степеням революционной ортодоксальности; никто, конечно, не признался бы вслух, что считает противника правовернее себя, но сейчас же бросалось в глаза, кто нападает, а кто оправдывается и клянется: “Позвольте, я тоже...” Плехановицы извинялись перед ленинцами, эсеры перед марксистами, Бунд перед всеми остальными, социал-сионисты разных толков перед Бундом; простые сионисты числились вообще вне храма и даже не пытались молить о прощении»¹¹.

Действительно, сионисты толка Жаботинского своего места в политическом раскладе не нашли, и не только во время русской революции.

Одесский корреспондент «Освобождения» продолжает: «В общем, говорят, дружина самообороны состояла приблизительно из 1200 чел., готовых к планомерному отпору против громил с оружием в руках, а к ним, несомненно, присоединилось бы немало и из более пассивной еврейской массы. Это вызвало бы уже серьезное осложнение в глазах администрации, тем более что представители крайних партий угрожали в случае такого возмутительного отношения к погрому полиции и властей, как было в Кишиневе, начать громить казенные учреждения: таких учреждений в Одессе, конечно, очень много, и пришлось бы все их охранять войсками, не говоря уже о том, что такой оборот дела походил бы на

¹¹ Жаботинский В.(З.) Пятеро // ВЗЖ. Т. 1. С. 371 — 372.

настоящую внутреннюю войну с большим с обеих сторон кровопролитием» (ВЗЖ. IV.(1.) С. 662).

Таким образом, автор «Освобождения» четко и недвусмысленно говорит о возможности элементов настоящей гражданской войны. Это ощущение позволяет понять всю напряженность состояния автора одесских репортажей: «Эти ли соображения или вообще урок кишиневской истории, но что-то отрезвило администрацию, и в настроении как будто произошел какой-то переворот: до известного момента перед праздниками можно было опасаться бездействия властей, а с некоторого момента администрация заметно зашевелилась» (Там же. С. 663).

И вот — лично о Плеве: «В наивной части еврейства так и говорили, что “погромы высочайше отменены”, разумея, конечно, под высочайшею властью — власть г-на фон Плева».

Итак, если автор еврей и даже сионист, имеющий прямое отношение к одесской еврейской самообороне, а в отношении Жаботинского это нам известно доподлинно, то его настроения во время получения известия о поступке Созонова мотивированы полностью.

Однако ситуация еще сложнее. Не так уж просто упомянул «Аноним» в статье об убийстве Плева «ищейские кабинеты департамента полиции».

В том же номере «Освобождения», прямо вслед за рассказом о первой реакции на смерть Плева, публикуется анонимная статья «Шаевич. Трижды наказанные» (ВЗЖ. IV(1). С. 723 — 726) Шаевич, как известно, организатор т.н. «Независимой еврейской партии» (независимцы), которую придумал известный начальник Особого отдела Департамента полиции Зубатов, чья карьера закончилась вместе с этой замечательной партией, когда, казалось бы, регулируемое Зубатовым еврейское в данном случае и нееврейское «рабочее» движение вообще оказалось сильнее, чем ожидалось, и вышло из-под контроля. Редакция журнала сочла необходимым проинформировать об этом своих читателей: «Напомним читателям, что д-р Шаевич устраивал в Одессе под покровительством полиции рабочие союзы “независимовцев”, деятельность которых сыграла крупную роль в прошлогоднем стачечном движении. Во время стачки Шаевич был арестован и выслан в Вологодскую губ.».

Интересно, что ранее «Аноним» присылал в Штутгарт в редакцию «Освобождения» сообщения о провокаторской деятельности Шаевича, о попытках проверки его на предмет этой деятельности. Однако проверка не удалась. Но еще более интересно, что журнал «Освобождение» был своего рода средостением между властью и революционерами. Журнал неоднократно сообщал, что его читают в сферах, включая и императора. Именно

Вячеслав
Константинович
Плеве.

это со слов самого Шаевича сообщает и анонимный автор заметки: «Шаевич был прислан в Вологду в половине августа прошлого года. Вологодский губернатор имел полицейские сведения о его прибытии, но он сам говорил, что он не получал никаких распоряжений от департамента полиции относительно него. Кто такой Шаевич — сам губернатор узнал только из передовой статьи в № 28 “Освобождения”. Приведенные там сведения, по-видимому, поразили его, так как по получении 28-го номера он спрашивал своих знакомых из общества, читали ли они статью о Шаевиче. Несомненно, что в Вологду Шаевич был прислан не на общих основаниях как политический ссыльный, а на совершенно особенных, так как вскоре по приезде он занял место табельщика на вновь строящейся железнодорожной линии “Вологда — Петербург”. Тем не менее он сам выдавал себя за политического ссыльного и искал встреч и знакомств с ссыльными».

Сведения о Шаевиче были получены редакцией из Вологды. Но в данном случае это лишь обозначение места ссылки Шаевича. Места, где он снова пытался «работать» среди евреев. Однако главное место его деятельности было не в Минске, где образовались «независимцы», а в Одессе, где эта деятельность перед Вологдой и закончилась.

Но еще интереснее, что в той же статье описывается встреча информатора «Освобождения» («Позволим себе привести почти дословно слышанный нами рассказ о нем очень наивного юноши, беспристрастность которого в данном случае стоит вне всяких сомнений») с Маней Вильбушевич, которая закончила свои отношения с охранкой романом с Зубатовым, а отношения с русским революционным движением эмиграцией

в Палестину, где она стала видным организатором начального еврейского образования¹².

Но история ссыльного Шаевича вновь переплелась с именем убитого уже министра: «После первого посещения я еще два раза был у Шаевича. В эти посещения он старался объяснить мне свою экономическую программу, рассказывал о том, что хотел сначала организовать партию “независимых” нелегально, но так как представилась возможность легальной организации, то он поспешил этим воспользоваться. “Я подавал доклад г-ну Плеве, — между прочим сказал он, — и добился у него права собраний. Хотя на первый взгляд и кажется странным, что министр, который действует заодно с капиталистами, разрешил организации против них, но я ему доказал, сославшись на английские тред-юнионы, что мои организации нисколько не повредят промышленности и что промышленные организации, сколько бы ни препятствовали их возникновению, все-таки будут существовать».

Далее информатор сообщал, что присутствовал при аресте Шаевича и отправке его в Восточную Сибирь. Других сведений редакция журнала о Шаевиче не имела.

Таким образом, заметка о Шаевиче, помещенная после текста о смерти Плеве, была призвана открыто предупредить соратников о происхождении «независимцев». Возразить покойный уже не мог никак...

Но здесь же возникает вопрос: а знал ли Жаботинский, если это его текст и если «Аноним» — это он, самого Шаевича? В поздних мемуарах «Повесть моих дней» Жаботинский писал о Шаевиче: «А Генрика Шаевича послали в Одессу. Не думаю, что в числе заданий, которые поручил ему Зубатов, числилась еврейская самооборона, и нет сомнения, что, занимаясь этим, Шаевич рисковал своим официальным положением. Но местное начальство боялось задеть агента Зубатова; возможно, они писали докладные записки в Петербург и не получали ответа. Мне безразлично, был ли этот Шаевич честным и заблуждающимся человеком или шпионил и предавал сознательно: на мой взгляд, с того дня, когда он предоставил нам такое надежное убежище, чтобы вооружить евреев, он искупил все свои грехи...»

В данном случае в качестве цитаты приведены эти предельно открытые слова Жаботинского, которые появились в 1936 году на иврите, только с целью демонстрации наличия прямых связей между Жаботинским

¹² См. израильскую книгу: *Рут Баки*. Начать сначала. Тель-Авив, 1989 (ивр.) и русский перевод: *Рут Баки*. Русская рулетка (документальный роман) / Пер. Д. Прокофьева. Издательство Министерства обороны Израиля, [б. г.]. Здесь факсимильно даны документы об общении Шаевича и Вильбушевич с Зубатовым. Ср. так же: *Лазарис В.* Три женщины. Тель-Авив, 2000. С. 387–550 («Маня»).

и Шаевичем. Русские читатели Жаботинского ничего этого так и не узнали, а вот Маня Вильбушевич (Шохат — по мужу), дожившая до начала 1960-х, вполне могла это сделать. Позже, когда мы обратимся к тексту Жаботинского об убийстве Столыпина, вновь вернемся к этому тексту уже для оценки динамики этических позиций Жаботинского. А сейчас еще кое-что о Шаевиче.

Еще один важный элемент анализируемой картины содержится в романе Жаботинского «Пятеро». Ранее автору уже приходилось его анализировать в связи с другими задачами. Сейчас же приведем отрывок, который может что-то прояснить в цитировавшихся выше текстах «Анонима».

Вот как он оценил на фоне того, что теперь стало известно, судя по всему, свою собственную нравственную позицию в этом вопросе на страницах романа «Пятеро», который русские читатели могли узнать в первой половине 1930-х гг.: «Самойло, все время молчавший, вдруг сказал <..>:

— Сюда пригласили, кроме нас, еще двоих, которые “состоят в партии”, но они не пришли.

— Им квартира не нравится, — объяснил кто-то, понизив голос и оглядываясь на закрытую дверь второй комнаты.

— Ага! — подхватил циник (не сам ли это Жаботинский? — Л. К.). — Ясно: для них квартира важнее, чем еврейские бебихи; а нам нужны такие, для которых те бебихи важнее, чем эта квартира!

Мне из самолюбия неловко было спросить, чем плоха квартира; остальные, по-видимому, знали, и я тоже сделал осведомленное лицо. Большинство высказалось за точку зрения циника; мы приняли какие-то решения, вызвали Генриха попроситься и разошлись. <..>: Оказалось, это был местный уполномоченный хитрого столичного жандарма Зубатова, который тогда устраивал (об этом слышал, конечно, и я) легальные рабочие союзы “без политики”, с короткой инструкцией: против хозяев бастовать — пожалуйста, а государственный строй — дело государево, не вмешивайтесь» («Пятеро». ВЗЖ. I. С. 348).

Таким образом, русский читатель получил художественное и опосредованное, если не отстраненное изображение того, что было в действительности. Сопоставление же всех приведенных текстов позволяет понять, как и почему можно работать с текстами Жаботинского самых разных типов, делая их адекватными историческими источниками.

Но проблема Плеве не оставляла «Анонима». Еще одна статья, на сей раз о визите царя в Одессу, опубликованная хотя и после смерти министра (и даже после приезда царя, на что обратила внимание сама редакция «Освобождения»), но нас она интересует именно с точки зрения

отношения «Анонима» к проблеме безопасности сановных лиц и отношения к угрозе террора («Мобилизация. В ожидании царского приезда. Письмо из Одессы». ВЗЖ. IV(1). С. 733 — 740. Специально: С. 738 — 739.): «В Одессе в данный момент нет малого ребенка, который бы не знал о том, что сюда на днях ожидается приезд царя, и в то же время из этого делается какая-то забавная конспирация. В газетах мы читаем, что представители города совещались “по поводу предстоящего большого смотра войск”, что архиерей отменил свою поездку “по случаю предстоящих приездов” и т. п., но прямо о царском приезде — ни звука. Неужели же этим наивным, детским и, с позволения сказать, глупым секретничаньем можно кого-нибудь провести или предотвратить какую-нибудь опасность?! Разве Плеве и Сипягин погибли от того, что об их последнем роковом выезде террористы прочитали накануне в газетах? Так много толкуют о единении царя с народом, а между тем верноподданный народ не должен знать о готовящемся его прибытии!..»

Но вот совершенно другой тип текста: серьезное аналитическое рассмотрение «Анонимом» политических и моральных обстоятельств гибели Плеве, когда острота ощущений исчезла и наступило время анализа. В данном случае имеем дело с существенно иной стилистикой.

Второй текст — совершенно другой. Разумеется, можно было бы пройти мимо этой, пусть и оригинальной, статьи, принадлежи она какому угодно «анониму», однако если допустить, что «Аноним» — это Жаботинский, то данный текст оказывается принципиально важным для понимания эволюции взглядов Жаботинского на проблему индивидуального террора. Статья эта вышла в свет 28 октября 1904 г., то есть тогда, когда уже принимались политические решения, связанные с уходом из жизни Плеве.

Итак, «Посылки и вывод» (ВЗЖ. IV(1). С. 740 — 744). Начнем с «посылок»: «Конца краю не было видно в стремлении подчинить всю русскую жизнь полицейскому началу: проект сыпался за проектом, ревизия шла за ревизией. Так было до половины июля. И вот уже в сентябре мы слышим новые речи, определяются новые тоны на горизонте внутренней политики. Не будем слишком оптимистичны: весьма возможно, что глубоких реформ от “нового курса” не будет и фактически мы далеко не продвинемся, но для той мысли, которую я хочу здесь высказать, и не надо входить в оценку результатов; достаточно уже одного решительного признания перемены курса, а такое признание мы имеем налицо, и оно подкрепляется удалением ближайших сподвижников прежнего вершителя судеб. И вышло так, что, кроме этих немногих сподвижников, никто, в сущности, не жалеет о совершившейся перемене. Не только вся сознательная часть населения России

Дети Николая II во время высочайшего визита в Одессу.
 1904 г.

ощутила прилив радости по этому случаю, рады сановные коллеги сошедшего со сцены министра, рад даже в душе, как уверяют, сам император. Тяжела была эта толстая рука с короткими пальцами, лежавшая на руле нашего государственного корабля!»

Таким образом, оценка убийства террористом министра внутренних дел дается «Анонимом» с точки зрения толпы, испытывающей «прилив радости по этому случаю», то есть продолжается тема начала первой, еще легкой статьи «Анонима». Далее следуют ироничные рассуждения о том, что, понимай власть все это, можно было бы отправить министра в почетную отставку, и он бы остался жив. То есть ответственность за смерть министра от руки террориста возлагается едва ли не на самого царя, коль он, по слухам, «рад даже в душе».

При этом «Аноним» отдает себе отчет в том, что никаких, скажем так, «субъективных» причин для ухода министра внутренних дел со своего поста не было: «Но если перемена состоялась ко всеобщему удовольствию или удовлетворению, то не худо призадуматься над тем, как она произошла? Ушел ли министр сам, потеряв веру в себя и в возможность дальнейшего преследования своих опустошительных идеалов? Спасовал ли он под давлением общественного мнения или народных волнений? Низвергла ли его какая-нибудь интрига, пущенная в ход завистниками высокого ранга? Или, наконец, сам царь решил положить предел одной системе управления ради другой, милостиво уволив министра в отставку? Ничего подобного. Самоуверенность Плеве нимало не была поколеблена; ни перед кем он пока не пасовал, а напротив, становился все развязнее; мины соперников

вроде Витте умел отлично устранять контрминами, а Государь продолжал санкционировать его политику, раздавая по его указанию благодарности Зиновьевым, Штурмерам и Оболенским».

Похоже, что здесь главное слово «самоуверенность» применительно к Плеве в сочетании с неназванным «самодержавием» императора, который лично «продолжал санкционировать его политику».

Таким образом, позиция «Анонима» по отношению к Созонову и его поступку похожа на знаменитое «рука Всевышнего отечество спасла». И это уподобление не выглядит странно на фоне дальнейших рассуждений: «В свободной заграничной прессе говорилось иногда, что Плеве сам роет под собой яму, что дни его политики сочтены. Разумеется, всякая система, не находящаяся в соответствии с современными ей потребностями, рано или поздно должна уступить место иной; однако это “рано или поздно” — совершенно неопределимая вещь, и мы на нашей собственной русской истории отлично знаем, как назревшие народные потребности могут оставаться без удовлетворения десятки, едва ли не сотни лет; достаточно вспомнить о нашем крепостном праве. Фон Плеве мог смело продолжать свою политику год, два, пять, десять лет, а может быть, и дольше. Никакой гарантии в противном у нас не было. Но вот вышел на улицу человек с бомбой, и в мгновение ока всесильный министр был сметен с лица земли. И только тогда, когда это бревно было убрано с дороги, стали серьезно и уже практически думать, по какому же пути теперь идти? И откровенно признались, что прежний путь был нехорош, что надо, что необходимо свернуть влево. Об этом заговорили все, до кн. Мещерского включительно».

Таким образом, встречаемся с историософией, которая предусматривает не столько изменение характера движения или направления исторического процесса, сколько оправдывает действие, которое «закономерно» ускоряет «объективный» процесс, даже если это связано со смертью конкретного человека в результате террористического акта. Напомним, что в первой статье об убийстве Плеве «Аноним» объяснял радость при получении этого известия надеждой на то, что кроме сатрапа Плеве никто при взрыве не погиб. Мы же знаем, что это было не совсем так или даже совсем не так. Но для исторической необходимости марксистского толка это не имело большого значения... В этом случае и акт индивидуального террора оказывается не самосудом (пусть и группы революционеров-террористов), а реализацией очевидной для всех (!) исторической необходимости.

Теперь наступает время анализа и самого террористического акта, и оценки конкретного поступка конкретного человека Созонова.

«Аноним» продолжает: «Я пишу не для органа, пропагандирующего террор. Но разберемся совершенно объективно в значении акта 15 июля как фактора совершающейся перемены режима. Если верховная власть и все, кто имеет на нее влияние, еще при жизни Плеве сознавали необходимость перемены политики и только не знали, как за это приняться, ожидая какого-нибудь удобного случая, то Созонов, и никто иной, создал этот случай, помог им, как рука, устранившая нравственно осужденного уже правителя. Если же до самого конца жизни последнего верховная власть искренне следовала его системе и только с момента его смерти задумалась, не вел ли он ее по ложному пути и не следует ли вступить на путь совсем иной, то остается сознаться, что бомба, и именно она, произвела то благотворное сотрясение мыслительного аппарата верховных сфер, которое повело к перемене политики на более разумную. Тогда неумолимая логика приводит нас к тому заключению, что Созонов сыграл здесь роль уже не только помогающей руки, но педагога, сумевшего пробудить мысль. Я знаю, как нелегко в этом сознаться не то что уж представителям верховной власти, но и всем, кто против террористической тактики воздействия, но что делать с фактами, которые красноречиво говорят за себя?»

Таким образом, «рука» Созонова оказывается рукой, совершившей казнь нравственно осужденного всем обществом Плеве. Разумеется, это личная точка зрения «Анонима».

Но здесь встречаем и еще одно рассуждение, которое касается уже судьбы террориста, но вытекающее из достаточно своеобразной конкретно-политической оценки его поступка: «Я знаю, как нелегко в этом сознаться не то что уж представителям верховной власти, но и всем, кто против террористической тактики воздействия, но что делать с фактами, которые красноречиво говорят за себя? Мы, конечно, будем стараться доказывать себе как-нибудь, что прямой связи тут нет, что *post hoc* не значит еще *propter hoc*, что бывали и другие результаты террористических актов; но все это будут только одни умственные навороты, так как факты и вся связь их поразительно наглядны. Не нужно вовсе обобщений, что террор ведет к одному исходу, не нужно доказывать целесообразности его как системы, не нужно умалять его отрицательных сторон, как всякого кровавого деяния, — на все это могут быть у всякого свои взгляды, — но настоящий случай, взятый *in concreto*, совершенно неопровержимо устанавливает политическое сцепление причины и следствия, и надо иметь мужество это признать, даже будучи противником терроризма. Что ни говорите, как ни ужасайтесь кровавому поступку Созонова, а все-таки невозможно отделаться от мысли, что Созонов, сознательно или

бессознательно, хорошими или дурными средствами, но оказал крупную услугу и обществу, и даже государству».

Такое рассмотрение террористического акта не менее опасно, чем применение нравственного критерия к самооправданию Созонова или того же критерия к осуждению деятельности Плеве. Однако сам «Аноним» никого не убивал, а свои рассуждения он прилагает к живому Созонову, а не мертвому Плеве, которому уже ничто не поможет. Отсюда и обвинение руководству страны, что оно не почувствовало угрозы человеческой жизни, поэтому можно как-то разделить вину между царским режимом и собственно террористом. Отсюда и заключительное рассуждение относительно проблемы смертной казни, взятой *in concreto*, применительно к Созонову: «И что же дальше? А дальше суровый суд, виселица или — в виде особой милости — замурование на десятки лет в Шлиссельбургском каменном мешке. Неужели же это справедливо не с какой-нибудь тенденциозной, а с простой человеческой точки зрения? Налицо два обстоятельства: во-первых, обвиняемый шел на свое дело из чистых идеалистических побуждений, для себя из этого поступка он не только не извлекал выгоды, но нес в жертву высшее свое достояние — свою молодую жизнь; во-вторых, его поступок послужил исходной точкой к политике умиротворения, которое, может быть, и не будет достигнуто, но, по крайней мере, уже возведено. Неужели же и при наличии этих бесспорных обстоятельств суд произнесет свой приговор, обосновав его только на букве закона, а не на голосе общественной совести? Неужели он скажет: “*fiat justitia — pereat mundus*”? А верховная власть, которая многому научилась с момента 15 июля, даст конфирмацию жестокому приговору?»

Таким образом, видим здесь следующую «бипараметрическую» логику: 1) чистота и искренность личных побуждений с гарантированным самопожертвованием и 2) именно этот нравственно чистый, хотя и кровавый, поступок возвестил некую «эру умиротворения», необходимую уже самому государству, которое, напомним, само «просмотрело» опасность для жизни своего министра. А раз это так, то вина Созонова не может быть полной и не может караться «по всей строгости закона»: «Поступок Созонова квалифицируется как преступление государственное. Пусть же его разберут с государственной точки зрения, с точки зрения вреда, принесенного им государству. Уголовный характер тут отходит на второй план, да и когда же в таких процессах специальные политические суды фиксировали главное внимание на уголовной стороне дела? Они карали смертью и каторгой за злодеяние государственное. Настоящее дело тем более выходит за пределы чисто юридического рассмотрения по вышеприведенным соображениям. И все русское общество не должно бы

оставаться безучастным к судьбе виновника новых веяний, столь горячо обществом приветствуемых. Амнистия, хотя бы и не полная, была бы тут только актом справедливости»¹³.

Все бы ничего, но подобная точка зрения способствует тому, что следующие террористы-самозванцы в очередной раз смогут решать, кого судить и миловать, однако и без гарантии душевной чистоты, и, разумеется, без гарантии столь же «позитивных» результатов «умиротворения» общества.

Напомним, что автору вышеприведенных высказываний, если это Жаботинский, всего 23 года. Впрочем, российская история очень скоро дала ему возможность пересмотреть или скорректировать свои взгляды.

Однако «Аноним», на сей раз под знакомым нам псевдонимом «А», продолжал теоретизировать на эти темы и через год в яркой статье в том же журнале «Освобождение» (1905. №72. 21 июня — 8 июля) в статье «Случаи самопомощи в истории русского общества».

Практически точно через год после убийства министра внутренних дел фон Плеве 15 (28) июля 1904 г. «А» писал: «Среди русских дворцовых переворотов два выделяются по своему серьезному внутреннему смыслу, по

¹³ В связи с тем, что в данном случае мы имеем дело с рассмотрением поступка радикального эсера-террориста из Боевой организации, интересно сопоставить корреспонденцию «Анонима» в «Освобождении» с позднейшим описанием обстановки в России после убийства Плеве в воспоминаниях эсерки-террористки Марии Спиридоновой. Это тем более важно, что Жаботинский под псевдонимом «В. Владимиров» не только возбудил в газете «Русь» общероссийское общественное мнение на защиту поруганной жандармами Спиридоновой, но породил и международную кампанию в ее защиту. См. об этом: *Katsis A.* «В. Владимиров» в судьбе и творчестве Владимира Жаботинского, 1902 — 1907 // Жаботинский и Россия. Сборник трудов Международной конференции «Russian Jabotinsky: Jabotinsky and Russia», посвященной 130-летию В.Е. Жаботинского (Еврейский университет в Иерусалиме, июль 2010 г.). Ed. by Leonid Katsis & Helen Tolstoy. Stanford Slavic Studies. Stanford. Ca. Vol. 44. P. 34 — 67. Цитируем Спиридонову: «Акт над Плеве имеет большое историческое значение. Плеве был истинным диктатором замученной России. Все меры по удушению каких-либо освободительных попыток рабочих и крестьян исходили от него. Экономическое угнетение трудящихся командующими классами при этом министре внутренних дел чрезвычайно усугубилось ненормально возросшим полицейско-политическим гнетом. Единственным руслом, куда искусственно пытался направлять Плеве народную стихию злости и отчаяния, были страшные еврейские погромы, ловко инспирируемые и организуемые агентами-провокаторами школы Плеве. Смерть Плеве праздновалась, как общее воскресение. На улицах знакомые обнимались с радостью, незнакомые приветствовали друг друга. Торжество рабочих в столицах, русского общества во всей стране было так неприкрыто, общественное мнение было до того единодушно в своем требовании смягчения участи Сазонова, что правительство не посмело его казнить, и он приговорен к бессрочной каторге. А два манифеста подряд (рождение наследника и 17 октября 1905 г.) сократили каторжный срок настолько, что он кончался в январе 1911 года, почему Сазонова и поторопились убить до выхода его на поселение». (Из жизни на Нерчинской каторге. http://www.nnre.ru/istorija/_zhenshiny_terroristki_rossii_beskorystnye_ubiicy/p7.php#metkadoc9).

тому значению для изучения общественной психологии, которого лишены другие аналогичные “революции”. В самом деле, нет повести поучительнее на свете (обращаем внимание, что в подтексте шекспировское «Нет повести **печальнее** на свете...» — Л. К.), чем повесть о том, как в 1762 году был **обезврежен** Петр Федорович, а тридцать девять лет спустя сын его, магистр мальтийского ордена Павел Петрович. **Поучительность** эта коренится в строжайшей исторической закономерности и полной неизбежности обоих фактов» (выделено мной. — Л. К.)

Далее «А» рассуждает о том, что Бирон, Анна Леопольдовна и т. д. могли погибнуть в результате борьбы властных кланов. А могли и не погибнуть. «Их судьба — есть результат столкновения и борьбы партий высшего общества, а судьба Петра III и его сына есть факт, так сказать, биологически-неизбеженный. Общество не могло не изъять из обращения Петра III и Павла I, как не может человек (даже если бы, по безумию своему, того и захотел) сохранять в течение всей жизни нарыв в горле. И подобно тому, как даже в Бедламе немислимо было бы образовать партию пожизненного нарыва, так абсолютно невозможно было бы Петру III и Павлу I рассчитывать на партию, стоящую за пожизненное сохранение первого или второго из этих монархов на российском престоле. В Петре III преобладал шут, в Павле I — буйный помещанный, но общее у них было именно то, что сделало их пребывание во власти абсолютно немислимым: черта передается непереводаемым русским словом *н е к л ю ч и м о с т ь*. Вспомним главнейшие из тех аргументов, которыми оба эти государя в сравнительно короткий промежуток времени успели убедить в собственной неключимости всех своих верноподданных; оба они пропагандировали идею цареубийства, и эта пропаганда являлась пропагандой “*rag le fait*”, чем объясняется ее скорый и блестящий успех»¹⁴.

Далее автор рассматривает конкретные обстоятельства двух цареубийств. Рассуждает о том, что именно самодержавие легче всего сбрасывает с самодержца любую маску, делая злодея злодеем, идиота идиотом, и т. д. Однако в случае с Петром III проблема была еще и в том, что нельзя было не учитывать существование в России общественного мнения, как пишет цитируемый «А» историк, поэтому и выразилось это мнение в цареубийстве. Его монаршие совершители были лишь исполнителями воли большинства, выраженной в таком невозможном виде... И делает важнейший для нас вывод о том, что в таких случаях общество само избавляется в разных формах от таких неправдоподобных самодержцев.

¹⁴ А. Случаи самопомощи в истории русского общества // Освобождение. 1905. №72. 21 июня — 8 июля.

Остов кареты Плеве после покушения 28 июля 1904 г.
Фотография Карла Буллы.

Анализируя случай Павла I, «А» четко говорит о том, что некоторая разница в способах осуществления избавления от очередного невозможного для общества царя не имеет принципиальной разницы, особенно для определения внутреннего смысла произошедшего.

А завершается статья абзацем о той всеобщей радости, которую вызвала весть об избавлении во всех слоях общества: «Снова сошло все легко; снова — все противодействие свелось к судорогам задущаемого человека; снова — никакой борьбы, и полная, блестящая победа над врагом, **без пролития хотя бы капли крови (кроме крови этого врага)**. Опять — единодушные общества обеспечило не только успех, но и легкость успеха. Общество помогло себе, потому что каковы бы ни были его социальные и партийные деления, оно все целиком чувствовало, что маньяк Михайловского дворца мертвой хваткой вцепился в Россию, и что либо России пропадать, либо маньяку. Выбор был нетруден»¹⁵.

Здесь мы могли бы остановиться, если бы не одна деталь. Описание радости по поводу ухода из жизни Павла I поразительно напоминает то описание «легкомысленной Одессы», которое позволил себе «Аноним». Похоже, что он уже тогда, в 1904 г., ориентировался на описания Шильдера. К тому же совершенно неизвестно, не была ли еще тогда написана или задумана статья о «самопомощи». Независимо от этого и статьи об убийстве Плеве, и описания этого события в поздней прозе Жаботинского явно имеют в подтексте общий источник: «На этот раз избавленная Россия ликовала

¹⁵ А. Случаи самопомощи в истории русского общества. С. 359.

еще больше, чем после того, как отделилась от Петра III. “Это одно из тех воспоминаний, — пишет очевидец об убийстве Павла, — которых время истребить никогда не может; немая всеобщая радость, освещаемая ярким весенним солнцем. Все обнимались, как в день светлого Воскресенья; ни слова о покойном, чтобы и поминутно не помрачить сердечного веселия, которое горело во всех глазах”. Другой современник говорит: “друг друга поздравляли и обнимали, как будто Россия была угрожаема нашествием варваров и освободилась”. Даже через сто лет после того, как придушили Павла, генерал Н.К. Шильдер печатно назвал это событие “счастливейшей и отраднейшей из всех перемен”. “Все умы и сердца успокоились. Восторг был всеобщий и искренний, и выходил даже из пределов благопристойности. Общество как бы возрождалось к новой жизни от терроризма человека, который четыре года, не ведая, что творил, мучил богом вверенное ему царство. На улицах проявлялось повсюду необузданное веселье, люди плакали от радости; люди, друг другу вовсе незнакомые, обнимались и друг друга поздравляли. Казалось, что наступил день Светлого Воскресенья... Вечером город был иллюминирован, хотя никаких приказаний на этот счет не последовало”. Многие боялись, что Павел Петрович, чего доброго, еще очнется как-нибудь, и все спрашивали: “набальзамировали ли уже тело?”, полагая, что все-таки безопаснее будет поскорее его набальзамировать».

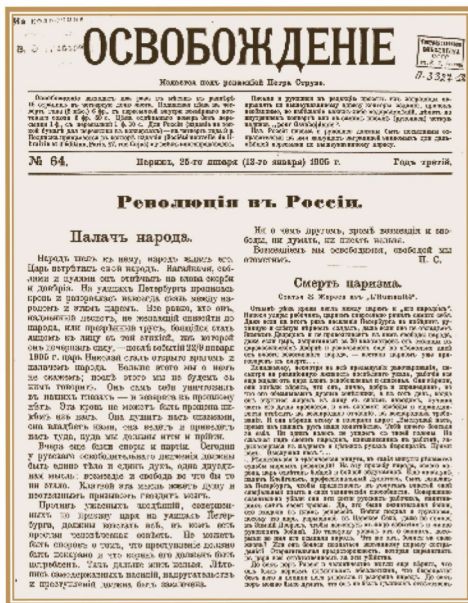
Нетрудно видеть, как ловкий «А» вставил слово Шильдера «терроризм» в контекст государственного терроризма, от которого избавил страну личный террор царицы и придворных в одном случае, придворных и сына — в другом. Но если общество с этим согласно, то и наказаний исполнителям не следует. Более того, именно они-то и коронуются. Однако, имея в анамнезе очередное цареубийство, и новая власть чревата подобным же выходом из трудных ситуаций в борьбе с обществом.

Если же вспомнить Созонова, материалы о котором заполняли массу соседних страниц «Освобождения», то в новой истории России уже гражданин-террорист решился осуществить ту же самую функцию, которую исполнили его августейшие предшественники. А следовательно, как мы знаем из «Посылок и вывода», смертная казнь ему должна быть заменена на какое-то иное наказание. Но, разумеется, не на престол, ведь Созонов не царственная особа и действовал не в спальне, а на улице, да к тому же его акт не обошелся без кровопролития..

Однако не исключенная возможность и цареубийства террористами новых поколений оказывается заложенной самой историей, которую мы здесь изложили словами «А».

Такова на данный момент позиция молодого Жаботинского.

Либеральная эмигрантская газета «Освобождение», 1905 г.

II

В газете «Крымский курьер» за 1906 г. появились тексты в рубрике «Маленький фельетон» за подписью Attalea. Ранее уже приходилось обосновывать принадлежность этого псевдонима Altalen'e — Жаботинскому¹⁶. Поэтому сейчас не будем возвращаться к этой проблематике. В № 221 на с. 2–3 был опубликован текст «Господи, помилуй» с указанием на продолжение. Однако в № 222 встречается продолжение данного текста с припиской («Око»). То есть Attalea-Жаботинский предлагает своему читателю традиционную информацию о том, что данный текст якобы перепечатан из столичной газеты «Око», которая, в свою очередь, являлась субститутом периодически закрываемой газеты Суворина-младшего «Русь», в которой в 1904 — 1905 гг. печатался В. Жаботинский, а затем он же под псевдонимом «В. Владимиров» в еще двух филиациях, «XX век» и «Молва», печатал острейшие тексты о расстрелах на Московской железной дороге, об издевательствах над террористкой Марией Спиридоновой, о Белостокском погроме и кровавых расстрелах 1906 — 1907 гг. в Варшаве. Риге и т. д. Впоследствии статьи эти составили ряд книг, написанных и составленных Жаботинским¹⁷. Следовательно, прямое

¹⁶ Кауис А. Атрибуции псевдонимных газетно-журнальных текстов В. Жаботинского (1900-е годы) // Научные труды по иудаике. Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. I. М., 2010. С. 436 — 446.

¹⁷ См. примеч. 13. В цитированных работах см. самую полную на сегодняшний день библиографию текстов «В. Владимирова» как в книжных, так и в газетных вариантах, как по-русски, так и по-польски.

указание на газету такого рода необходимо проверять. Однако из предыдущих исследований мы знаем, что этого знакомого нам псевдонима, равно как указанного в «Крымском курьере» Attalea, в «Оке» нет.

Тем самым автор предлагает нам найти какой-то новый псевдоним и соответствующие тексты. Кроме всего прочего, Жаботинский под псевдонимом «В. Владимиров» написал еще и книги «Рождественская ночь в Высоком-Мазовецком» об экс-е в банке на железной дороге Варшава — Петербург и небольшой текст о побеге террористов из следственной тюрьмы «Павьяк» в Варшаве.

Этот список важен, так как интересующие нас неизвестные тексты, «прорекламированные Attalea», в газете «Око» подписаны никому не известным псевдонимом (а ведь даже сам этот факт требует доказательства!) «Иван Кожин», «Иван Костин»¹⁸, «И. К.».

Не вдаваясь сейчас в частные проблемы атрибуции, заметим, что Attalea постоянно сменяется в «Крымском курьере» автором параллельных статей, подписанных «Московский»¹⁹. В этом смысле важно, что тексты «Ивана Кожина» закончились в «Оке» игровой статьей об увольнении Кожина и о том, что теперь он стал безработным журналистом и отбыл в Москву (Иван Кожин. Наши дни. 6./Око. СПб., 27 сентября (10 октября). 1906. № 21. С. 2. Далее — Око. С. ...).

В числе прочих текстов именами «Костина» или «Кожина» подписан цикл острых политических диалогов с генералом, помещиком и т.д. «Наши дни», в которых их автор представляется так: «Словом, я точно знаю (из об-

¹⁸ «Кожин» и «Костин» — это, в сущности, один псевдоним: просто наборщик по-разному читает рукописный текст, в котором сочетание «ст» напоминает письменное «ж». Подобные случаи специально рассматривались нами в случае «Зальский»-«Зальский» (Кацис Л. Кровавый навет и русская мысль. Историко-теологическое исследование дела Бейлиса. М., 2006. С. 110–31), а наш предшественник Зеев Бар-Селла системно рассмотрел проблему чтения почерка старой орфографии в случае В. Краснушкина (Севского), и, в частности, чтение слова «Шталюпенен» как «Столыпин», — (Зеев Бар-Селла. Литературный котлован. Проект «Писатель Шолохов». — М.: РГГУ, 2005).

¹⁹ Ср., например, две абсолютно идентичных по стилю и содержанию статьи о драматургии Леонида Андреева: О пьесах «К звездам» и «Савва» — *Московский*. Сборники «Знание» // Крымский курьер. 1906. № 217. С. 3 и Attalea. Жизнь человека // Крымский курьер. № 219. С. 3. Здесь невозможно не вспомнить статью «В. Владимирова» из одесского журнала «Вопросы общественной жизни»: Леонид Андреев и его произведения // Вопросы общественной жизни. Одесса, 1902. № 9 (ВЗЖ. Т. 4. Кн. 1. С. 548–543). Эта статья входит в цикл работ, начатый статьей Vladimiro Giabotinski об импрессионизме в творчестве Чехова и Горького в итальянском журнале «Nuova Antologia». Roma, 1901. Vol. 96. P. 723–733 (ВЗЖ. Т. 2. Кн. 1. С. 675–686).

винений генерала. — Л. К.), что с тех пор, как я стал писать в прогрессивной газете, я и бомбист, и баррикадист, и даже грабитель банков, и подстрекатель, и громила помещичьих усадеб (эта тема будет в «Наших днях» и других текстах «Око» не раз. — Л. К.) и т. д. Хотя до сих пор от роду ни в чем подобном уличен я не был, но истинным автором всего этого считается у нас не кто иной, как именно прогрессивная печать и ее представители. По убеждению молодого генерала, в деле возбуждения военных бунтов немалая доля участия принадлежит прогрессивной печати» (Око. 1906. № 3. 22 сентября. С. 3)

Этот острый диалог касался целого ряда проблем: от обсуждения военных бунтов, которые, как говорит генерал, приведут лишь к дикому насилию, когда толпы почувствуют свою власть, вплоть до поджогов, убийств полицейских и жандармских офицеров и т. д.

В ответ «Иван Костин» говорит о том, что еще недавно невозможно было представить себе, чтобы дворяне-офицеры секли женщин и т.п., а это вызывает ответную неостановимую ненависть. Второй текст посвящен, как выражается автор, погромно-крестьянскому движению, а третий представляет для нас специальный интерес. Он напрямую касается нашей темы, включая П.А. Столыпина, Плеве, М. Спиридонову и т. д.

27 сентября (10 октября) 1906 г. «Иван Кожин» пишет все в той же рубрике в знакомом нам стиле: «В один прекрасный осенний день, когда солнце весело золотило чуть начинавшую желтеть листву, почти не согревая холодного, кристаллически-прозрачного, бодрящего мускулы и весь организм воздуха ранней осени, своей здоровой свежестью точно призывавшего всех к живой, энергичной работе жизни, четверо русских людей, переодевшись в ненавистную им жандармскую форму, поехали убивать пятого русского человека» (Око. 1906. 27 сентября (10 октября) С. 2).

Здесь стоит вспомнить зачин первого сообщения «Анонима» из «Освобождения» о первых часах по получении в Одессе известия об убийстве Плеве, когда казалось, что Созонов убил лишь его одного.

Но следуем дальше: «Чтобы только убить его, они решили отдать и свои четыре жизни; а чтобы вернее убить его, они решили не пожалеть и тридцать, сорок других людей, между которыми были женщины и даже дети и к которым они не имели решительно никакого зла.

Правда, ужасно?

Да. Но что двигало их? Что побуждало их жестоко не жалеть других и беспощадно давать в жертву и себя самих?

Ненависть, страшная, безумная ненависть к правительству и к его главе, к его высшему представителю, премьер-министру. Страшная

ненависть, потому что они не щадили и других, невинных и непричастных»²⁰.

Перед нами реакция «Ивана Кожина» на кровавый теракт на даче премьера Столыпина, когда не только погибли случайные люди, но и страшно пострадала его дочь. Далее «Иван Кожин» перечисляет случаи «варфоломеевских» убийств жандармов и офицеров в Варшаве, отмечает дикий накал ненависти в речах депутатов и т. д.

И вывод: «Ненависть распространилась с главы правительства на самых низших, скромных слуг его. Это последняя ступень. И ведь почти повсеместно: Москва, Варшава²¹, Екатеринослав, Лодзь, Тифлис, Юзовка, Гомель, Митава. Почти повсюду то же самое: ненависть к своему родному брату, если он только защитник правительства».

²⁰ Интересно еще раз сравнить, на сей раз «Ивана Кожина», с воспоминаниями Марии Спиридоновой о рассказах Созонова: «Он рассказывал, что, подбежав с бомбой к карете Плеве, встретился с министром глазами. Тот, должно быть, все сразу понял. Увидел свою смерть... И ужасный взгляд, полный дикого испуга, приковался к стеклу. Егор, вспоминая и пытаясь передать, какой был этот взгляд, содрогнулся тогда заново.

Еще Егор рассказывал, что особенно тяжелым было для него опасение во время болезни сказать что-нибудь лишнее. Взрыв, помимо поранения головы и тела, причинил ему, наверное, мозговое сотрясение, и у него было долгое горячечно-бессознательное состояние. Когда в бреду Егор открывал глаза, он всегда видел наклонившиеся над собой лисьи морды шпионов, жадно слушающих его бред и вставляющих провокационные замечания ему в тон. И пронзенный острым ужасом, что, может быть, он *выдает*, и чувством полного своего бессилия в борьбе с болезнью, Егор впадал опять в полное бессознание, унося с собой туда ощущение самого величайшего горя и позора для революционера. В одно из его минутных опаматований шпион, переодетый в докторский белый фартук, сказал ему с хорошо имитированным пафосом:

«Что вы наделали? От вашей бомбы погибло 40 человек, и убили маленькую 4-летнюю девочку!»

Егор потом (по рассказам медицинского персонала) рвал с себя все повязки и бился, и метался в удесятеренных больным мозгом страданиях. Ему чудились сорок убитых и среди них разорванная девочка с золотыми кудрями. Такая девочка действительно бежала по залитому солнцем тротуару перед ним с мячиком и звенела серебряным смехом, когда он шел со своим смертоносным орудием в руках по направлению к месту проезда министра. О девочке Созонов, должно быть, вспоминал в бреду, и шпионы использовали это в своих целях. Ни сорок человек, ни девочка убиты, конечно, не были. После первых часов ареста Егора уже не били по взорванным ранам сапогами, физически его уже не мучили, наоборот, лечили и ухаживали, но, увидев, что он из себя представляет, палачи нашли способ длительного утонченного мучительства над его нежной и совестливой душой, трепетавшей причинить лишнее зло даже своим врагам (*Спиридонова М.* Из жизни на Нерчинской каторге // http://www.nnre.ru/istorija/_zhenshiny_terroristki_rossii_beskorystnye_ubiicy/p7.php#metkadoc9).

²¹ О том, что точно такие же обстоятельства имели место и в Царстве Польском, Жаботинский под псевдонимом «Informator» писал в «Освобождении» в статье «Рабочее восстание в Лодзи» (1905. №73. 19 июня — 6 июля. С. 374 — 375).

Одесса.
Начало XX в.

Интересно, что за исключением двух столиц и Тифлиса — перед нами главные точки еврейских погромов, список которых легко найти в еврейских журналах типа «Хроники еврейской жизни».

И буквально сразу, с тонкой прокладкой сведений о других примерах взаимных жестокостей, возникает дело Марии Спиридоновой: «Луженовский истязал крестьян; мстя за них, его убила Мария Спиридонова; мстя за себя и за Луженовского, Спиридонову истязали Абрамов и Жданов; мстя за нее, их убили неизвестные. Это одна малая страничка из ставшей уже огромной книги мести и ненависти в России и, вернее, пожалуй, только первого ее тома».

Новое, что увидел «Иван Кожин», заключается в появлении жесточайшей мстительности дворянства, правящих кругов и тех, кто еще недавно обладал непреодолимым преимуществом силы. Именно это столкновение обозначило и новый исторический этап противоборства. Но «Иван Кожин», как и его создатель, никогда не забывал свое самое первое потрясение, связанное с Кишиневом: «Одним из первых жест ненависти сделал Плевэ Кишиневом».

Но больше всего проснулась ненависть после первого поражения — 17 октября; волна этой ненависти правых прокатилась по всей России погромами, убийствами, истязаниями официальными, неофициальными и полуофициальными».

И вот автор, написавший в 1904 г. в «Освобождении», что он «пишет не для органа, пропагандирующего террор», пишет теперь: «Да мало ли было еще и с тех пор; все это знают; не буду вычислять, я пишу сейчас не для укора» и продолжает: «В самый день ужасного события на Аптекарском

острове мне бросился в глаза маленький эпизод, сжимавший сердце глубокой тоской и мукой.

Перед подъездом стояла разбитая карета; внутри на сиденье все было обильно покрыто крупными сгустками крови и остатками, по-видимому, человеческого мозга; подошел господин из высших бюрократов, элегантно-го, самого барского вида. Увидав карету и в ней остатки крови и мозга привезших бомбу лиц, он громко произнес несколько площадных ругательств и потом не выдержал и плюнул. Потом плюнул второй раз, и третий, и четвертый и плевал долго, очевидно забывшись, и с остервенением, так что пеной своей заплывал почти всю кровь и остатки мозга на сиденье в карете.

Эпизод маленький, но в нем было нечто жалко бессильное и позорное, возбуждавшее гадливое чувство»²².

Дальнейшие рассуждения касаются чрезмерности реакции правительства на законные протесты, обсуждается соотношение между убитыми участниками революции в Москве и случайными жертвами. С другой стороны, как бы ни относиться к цели тех, кто взрывал дачу на Аптекарском острове, но 40 невинных погибших не имеют оправдания.

И после анализа неспособности правительства «убрать камни из русла реки», которые делают мирный поток убийственным разгулом стихии, после констатации невозможности остановить ненависть слева и т.д. «Иван Кожин» заключает: «И вот по-прежнему, как перед окончательной бурей, грозно волнуется целое море ненависти в народе. По-прежнему поток народной жизни не течет спокойно, а бурлит, и ревет, и бьет, и разрушает все на своем пути. Ненависть справа, ненависть слева, ненависть крестьян, рабочих, евреев, казни, убийства, покушения, пропаганда, бунты — это лишь первые, самые первые раскаты грома перед надвигающейся грозой.

И те теперь, кто не находится ни в одной партии ненавидящих, те беспомощно стоят, и хотя видят ясно грозящую гибель, но принуждены с мучительным спокойствием ожидать ее.

Нет возможности предотвратить. А когда они в тоске обращаются к тем, кто может дать спокойный бег народному потоку, честно расчистив пороги с его пути, то слышат мудрый ответ: «Пусть сначала успокоятся волны его, а тогда мы уберем пороги и камни, о которые они бьются».

²² Ср. с началом поэмы Бялика «Сказание о погроме», над переводом которой Жаботинский начал работать в 1904 г.: «...Встань и пройди по городу резни, / И тронь своей рукой, и закрепи во взорах / Присохший на стволах и камнях, и заборах / Остывший мозг и кровь комками: то они». Сочетание весны и убийства со сгустками крови и мозга, что в карете, что на стенах кишиневских домов, или сочетание смерти министра с той же весной в одесской сцене «Анонима» являются, похоже, фирменным приемом Жаботинского, восходящим, как мы показали выше, к куда более ранней традиции.

Слепорожденные!»

Здесь стоит дать небольшой синхронный комментарий. В той же газете «Око» (1906. 11(24) августа) появилась статья Максимилиана Волошина «Во времена революции». Это поиск аналогии ситуации в России с Французской революцией, временем Наполеона и т. д. Мысль о Наполеоне позволяет Максимилиану Волошину перейти к «сну Раскольникова», который сам соотносил себя с Наполеоном. Этот кровавый сон и становится у Волошина символом переживаемого момента.

А вот «Иван Кожин» за несколько дней до этого, (1906. №3. 9(22) августа), в своей рубрике «Наши дни» спорил с генералом-маньчурцем о русской революции на тексте книги Ипполита Тэна о Французской революции. Можно было бы сейчас не рассматривать эту возможную полемику двух давних сотрудников «Руси» между собой, если бы в 1919 г. Максимилиан Волошин не написал в своем знаменитом стихотворении «Гражданская война»:

И там, и здесь между рядами
 Звучит один и тот же глас:
 — «Кто не за нас — тот против нас!
 Нет безразличных: правда с нами!»

А я стою один меж них
 В ревущем пламени и дыме
 И всеми силами своими
 Молюсь за тех и за других.

Похоже, что опыт первой русской революции был художественно осмыслен Волошиным через 13 лет после появления приведенных здесь полос газеты «Око» в цикле «Стихов о терроре».

Однако подобные мысли приходили не только радикалам типа Жаботинского — «Ивана Кожина», призывавшего лучших людей с обеих сторон к примирению на основе осмысления реального положения дел в стране.

Так, в декабре 1906 г., то есть буквально через два-три месяца после статей «Ивана Кожина», жандармский полковник Зубатов, объясняя свой отказ вернуться к прежней работе, писал В. Бурцеву, автору знаменитой книги «В погоне за провокаторами»: «Моя продолжительная и бессменная служебная деятельность, с массою людских встреч и предложений, привела меня к убеждению, что вся политическая борьба носит какое-то печально тяжелое недоразумение, не замечаемое борющимися сторонами. Люди отчасти не могут, а отчасти не хотят понять друг друга, и в силу этого тузят

друг друга без милосердия. Между тем и с той, и с другой стороны в большинстве встречаются прекрасные личности. Начиная с 1897 г. я пытался найти почву для примирения. Для этого я сам беседовал с арестованными, изучал их, дружил с ними, докладывал о результатах своих сношений с ними верхам, ломал с ведома последних целые дела, взывал к реформам, доказывал выгоды всего этого и с полицейской точки зрения, и с личной точки зрения тех, “кому вольготно, весело живется на Руси”. Выйдя на волю, освобожденные из-под стражи глубокомысленно объясняли мои действия “заигрыванием”, провокаторством, а консервативный элемент видел в них “гениальничанье”, отрыжку революции»²³.

В заключение отметим, что в текстах «Ивана Кожина» (Око. 1906. № 48. 28 октября (10 ноября). С. 3) обсуждались разоблачение зубатовско-го провокатора Ушакова, процесс по его делу и т.д.

Похоже, что в этой точке сошлись все интересующие нас проблемы, решение которых придет в 1911 г., когда пуля террориста-агента достигнет полуопального к тому времени премьера Столыпина.

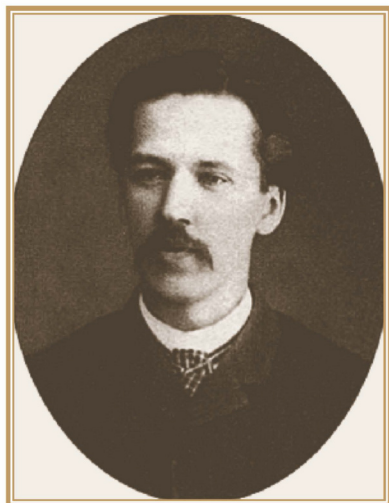
III

17 декабря 1912 г. в газете «День» появилась подписная статья Жаботинского «Загадка Богрова», которая отсутствует в библиографии Жаботинского и никогда не привлекала к себе внимания исследователей. Мы приведем ее достаточно подробно, так как она представляется нам парной по отношению к известной нам статье «Анонима» об убийстве Плеве, и коль скоро это так, будет окончательно решен вопрос о подлинном имени «Анонима» из «Освобождения».

Статья прямо связана с проблемой сотрудничества террористов с полицией и, как и в случае с убийством Плеве в 1904 г. или покушением на Столыпина в 1906-м, которые писались в контексте Кишиневского и Белостокского погромов, новый текст печатается в условиях нарастания истерии в связи с делом Бейлиса.

К тому же эта подписная статья Жаботинского, являясь парной по отношению к статье «Анонима» об убийстве Плеве событию, параллельному убийству Столыпина по «внутреннему смыслу», реализует в XX в. ту историческую схему, которую «А» продемонстрировал на примере Петра III и Павла I.

²³ См.: *Перегудова* З. Политический сыск в России. 1886–1917. М., 2013. С. 90. Впервые: *Козьмин* Б. С. В. Зубатов и его корреспонденты. Среди охранников, жандармов и провокаторов. М.; Л., 1928. С. 64.

Сергей Васильевич
Зубатов.

«С тех пор, как выяснилось, что убийца Столыпина имел какие-то связи с охранным отделением, имя Богрова сразу попало в список провокаторов и стало нарицательным. В думе оппозиционные ораторы нередко говорят единым духом: “Азефы и Богровы...” В оппозиционной печати сплошь и рядом встречается то же сопоставление. Не знаю, как другим, а мне всегда казалось, что оно было сделано несколько поспешно».

У нас нет сомнений, что сама идея защиты Богрова была связана с контекстом дела Бейлиса. Ведь ни для кого не было секретом, что убийство Столыпина и именно в Киеве не могло не увеличить и без того напряженную обстановку нарастающей антисемитской истерии, а тут премьеру убивают еврей. К тому же обстоятельства убийства Столыпина и особенно роль сотрудников Охранного отделения, участвовавших и в расследовании дела Бейлиса и, по обязанности, в охране Столыпина, — все это оставляло впечатление недоговоренности, которое еще больше усилилось после Высочайшего указания о прекращении судебного преследования полковника Кулябко и его соратников.

Поскольку провокаторская деятельность Азефа не вызывала сомнений, необходимо было развести этих двух персонажей, не забывая при этом о деле Бейлиса. Напомним, что его расследование сопровождалось провокациями и сообщениями о том, что свидетели и участники дела с обеих сторон имеют отношение к охранке.

«Между Азефом и Богровым есть одно, несомненно, общее: загадка. Чрезвычайно трудно разобрать, кому в действительности хотел служить такой человек — своей партии или охранному отделению. Для суда нашего над личностью не так важно, кому он объективно своими действиями принес больше пользы».

Рассуждая о поступке Созонова, «Аноним» исходил из объективной пользы его поступка для государства, на чем и основывал свою идею

«частичной амнистии» для убийцы. Теперь же, когда Богров уже давно казнен, этого мотива быть не может. К тому же и ситуация здесь едва ли не обратная:

«...Бывает, что самый искренний работник по глупости, по несчастному стечению обстоятельств принесет своему же делу больше вреда, чем самый закоренелый враг. Это не мешает нам признать искренность его служения».

Жаботинский не раз писал об Азефе-провокаторе, сыгравшем свою роль в падении Зубатова (разоблаченного, кстати, тем самым Бурцевым, с которым он, Зубатов, обсуждал проблемы обоюдодобийственного террора).

«...Вопрос, который всех главным образом интересует, например, в загадке Азефа: кто он был субъективно — террорист или охранник? Какая конечная цель им руководила: убить лидеров реакции или выдать лидеров революции? От этого зависит наше суждение. Как бы ни относились мы к тому морю крови и грязи, в котором живет этот человек, но в первом и во втором случае он для нас разный. В первом случае это террорист, вложивший неслыханную доселе широту содержания в старую формулу “цель оправдывает средства”. Во втором случае это провокатор. Возможно, наконец, и третье решение: что это был человек без внутренних убеждений, а просто игрок-дегенерат, любитель инфернальных ощущений»²⁴.

Понятно, что к третьему случаю Богров отношения не имеет, а следовательно, и загадка его проще. Далее Жаботинский рассуждает о том, что никакая тайная камарилья не могла дать Богрову задание убить премьера, ибо сведения об этом просочились бы в суде или где-то еще, а так приходится предполагать чуть ли не заговор охранки вкупе с сенаторами, расследовавшими дело. Поэтому в свойственной Жаботинскому парадоксальной манере он говорит, что расследование думской комиссии — еще один обвинительный акт против Богрова, который просто перехитрил Курлова и Кулябко.

Опровергает Жаботинский и подозрения в том, что какая-то организация революционеров послала Богрова убить премьера в знак доказательства верности террориста делу революции. Жаботинский резонно полагает, что в этом случае Богров мог ограничиться демонстрацией теракта. А не идти на верную и мучительную смерть. И вывод:

«Каковы бы ни были его отношения к охранке до этого выстрела, но в этот раз его субъективная цель была не в том, чтобы оказать новую услугу охранке, а в том, чтобы нанести удар существующему государственному

²⁴ Жаботинский В. Загадка Богрова // День. СПб., 1912. 27 декабря. С. 3 (далее — без специальных ссылок)

порядку. Возможно, что сами террористы-революционеры отвернулись бы от него. Не желая даже искреннего сотрудничества рук, запятнавших себя в других случаях доносами. Но это не меняет субъективного факта: убийца Столыпина не был провокатором. Следовательно, не был им и тогда, когда с большим искусством и редкой выдержкой вел свою игру с Кулябкой. Сбивая того на ложный след и расчищая себе дорогу; и не был им, следовательно, и тогда, когда умирал за свое дело».

Исследование психологии террориста так увлекает Жаботинского, что он формулирует поразительную максиму: любая мотивация Богрова отрицает его службу охранке.

«Можно сделать много разных предположений: что у Богрова были сообщники или что их не было, что на него пал жребий или что ему самому так захотелось, но ясно одно: он мог сделать то, что сделал, только в полном согласии со своею личною волей. Это могла быть воля сознательного террориста, это мог быть и случайный импульс политической ненависти именно к данному лицу, это могло быть и раскаяние, попытка искупления. Это, наконец, мог быть и особый вид хладнокровного безумия. Каждый волен думать, что угодно. Но воля была, и воля свободная, а не обусловленная чужой угрозой, и воля, направленная не на службу охранке».

Нетрудно видеть, что статья о Богrove является продолжением рассуждений восьмилетней давности «Анонима» из «Освобождения» и шестилетней давности размышлений «Ивана Костина».

IV

Теперь предстоит включить все вышеперечисленные тексты в контекст хроники подготовки процесса по делу Бейлиса, когда Жаботинский написал свою знаменитую статью «Вместо апологии». Она появилась в «Одесских новостях» (1912. 25 января) почти за год до петербургской статьи о Богrove, а затем уже в петербургском сборнике «Фельетоны» (1913), напрямую связанным с делом Бейлиса.

Уже в самом начале в ней встречается образ из статьи «Анонима» к годовщине Кишиневского погрома:

«В *наивной части еврейства* (здесь и далее курсив мой. — Л. К.) так и говорили, что “погромы высочайше отменены”. Выражение, кажется, вполне отвечающее истине, разумея, конечно, под высочайшей властью — власть г-на фон Плеве. Как бы то ни было, от одесского градоначальника и кишиневского губернатора последовали предостережения по адресу громил

и их вдохновителей, а кн. Урусов выслал даже из Кишинева на время Пасхи известнейшего Пронина; Пронину этого очень не хотелось, он ссылался на болезнь, но губернатор прислал своего врача, не нашедшего никакой болезни, и беспардонный агитатор был удален. На газету “Бессарабец” тоже оказано давление. Затем, как известно, губернатор обратился к местному архиерею ради воздействия на население через священников. Вообще, кн. Урусов, говорят, искренний противник погромов, но, как я уже сказал, с некоторого момента все заметно успокоилось, и праздники прошли без всяких инцидентов»²⁵.

Вновь 1912 г. «Вместо апологии»:

«...Человек менее слабонервный, но зато наивный, должен выбежать на улицу, хватать там прохожих за полу или за пуговицу и доказывать им, пока не охрипнет горло, что это клевета, что мы ни в чем подобном (употреблении христианской крови. — А. К.) не виноваты».

В 1906 г. «Иван Кожин» назвал тех, кто не видит самоубийственности взаимной нарастающей ненависти, *слепорожденными*. Это касалось проблемы погромов, а не кровавого навета. Жаботинский тогда обращался и к правым, и к левым, а на сей раз он обращается к евреям: «Наконец, человек *слепорожденный* (среди нас таких очень много) поступит иначе. Он себя успокоит обычными успокоительными фразами: что в такую нелепость никто, в сущности, не верит; что сами обвинители в нее не верят; что это просто политический маневр; что вся благоразумная часть христианского населения (а таковая, конечно, в подавляющем большинстве) слушать не желает подобной клеветы, даже возмущена ею; что, словом, всё обстоит благополучно и на Шипке спокойно».

Здесь уже речь идет не о том, что власти на время запретили погромы, а о том, во что верят евреи. И, обращаясь к евреям, Жаботинский использует риторический опыт, полученный в газете «Око» «Иваном Кожиным», и продолжает: «Я не принадлежу ни к впечатлительным, которые охают, ни к наивным, которые оправдываются, ни к *слепорожденным*, которые не видят, что у них под носом происходит. Особенно резко должен отмежеваться от последней категории. Конечно, очень удобно и очень приятно воображать, будто все твои враги просто мошенники и сознательные обманщики; но такое упрощенное понимание неприятельской психологии всегда в конечном итоге приводит к величайшим поражениям. Ибо оно неправильно и несправедливо. Среди наших врагов далеко не все лыком шиты и далеко

²⁵ Жаботинский В. Вместо апологии // Жаботинский В. (3.) О железной стене. Речи. Статьи. Воспоминания. Минск, 2004. С. 121 — 128 (далее — без специальных ссылок).

не все сознательные лжецы. Очень советую одноплеменникам моим не заблуждаться на этот счет. Среди правых есть и вполне искренние люди. Эти люди совершенно искренно верят, что евреи действительно употребляют в пищу кровь христианских младенцев; по крайней мере, что среди евреев есть такая секта. Эти люди могут также совершенно искренно думать, что убийство Ющинского в этом смысле подозрительно и что надо его расследовать с особенной тщательностью, иначе богатые евреи подкупят отечественную Фемиду, и дело будет замазано. Они совершенно искренно считают евреев богатыми, а отечественную Фемиду покладистой. Поэтому отделаться от них будет не так легко и не так просто, как это думают многие из нас. Вообще все это дело гораздо сложнее. <..> Наши *слепорожденные* горько ошибаются, и суждено им еще горько разочароваться».

И ниже Жаботинский говорит, что и среди левых есть точно такие же люди. Поэтому вновь, как в 1906 г., во время погромов и разгула террора, он занимает, говоря современным языком, некую метапозицию, позволяющую видеть сильные и слабые, а главное, реальные позиции сторон.

И, разумеется, в статье «Вместо апологии» появляются интересующие нас персонажи:

«Вот уже несколько лет, как евреи в России плотно сидят на скамье подсудимых. Это не их вина. Но вот что бесспорно их вина: они себя держат как подсудимые. Мы все время и во все горло оправдываемся. Мы божимся, что мы совсем не революционеры, не уклоняемся от воинской повинности и не продавали Россию японцам. Выскочил Азеф — мы начинаем божиться, что мы не виноваты, что мы совсем не такие, как он. Выскочил Богров — и опять нас за шиворот тащат на скамью подсудимых, и опять мы входим в навязанную роль и начинаем оправдываться. Вместо того, чтобы повернуть обвинителям спину, ибо не в чем и не перед кем нам извиняться, мы опять божимся, что мы тут ни при чем, и для пущей убедительности начинаем усердно отплевываться от памяти Богрова, хотя над этим — каков бы он ни был — несчастным юношей, в час изумительной его кончины, и без нас достаточно надругались те десять хамов из выгребной ямы киевского черносотенства. Теперь подняли гвалт о ритуальном убийстве — и вот уже мы опять вошли в роль подсудимых, мы прижимаем руки к сердцу, перебираем дрожащими пальцами старые кипы оправдательных документов, которыми никто не интересуется, и божимся на все стороны, что мы этого питья не потребляем, отродясь ни капельки во рту не бывало, разрази меня Бог на этом месте.. Доколе? Скажите, друзья мои, неужели вам эта канитель еще не надоела? И не время ли, в ответ на все эти и на все будущие обвинения, попреки, заподозривания, оговоры и доносы, просто скрестить

руки на груди и громко, отчетливо, холодно и спокойно, в качестве единственного аргумента, который понятен и доступен этой публике, заявить: убирайтесь вы все к черту? Кто мы такие, чтобы пред ними оправдываться, кто они такие, чтобы нас допрашивать? Какой смысл во всей этой комедии суда над целым народом, где приговор заранее известен? С какой радости нам по доброй воле участвовать в этой комедии, освящать гнусную процедуру издевательства нашими защитительными речами? Наша защита бесполезна и безнадежна, враги не поверят, равнодушные не вслушаются. Апологии отжили свой век».

На наш взгляд, очевидно, что рассмотренные тексты принадлежат перу одного и того же автора, реализуют одну и ту же логическую, сюжетную и образную парадигму. Однако каждый из этих текстов по отдельности не дает той картины развития взглядов на террор одного из виднейших, как становится ясно, публицистов своей эпохи.

Лишь восстановление целостной картины его размышлений, обращенных к евреям под своим именем, опубликованных в России и в эмигрантской радикальной печати, учитывающей все три главнейших теракта в истории предвоенной России: убийство Плеве после Кишинева, покушение на Столыпина в год Белостокского погрома и убийство премьера во время Бейлисиады — позволяют понять, чем эта позиция отличается от обычного эсеровского подхода к проблеме индивидуального террора, позволяет осознать особенности еврейского контекста этих событий, а главное, показывает возможность того, что и радикалы, и сотрудники противостоящих им органов могут в какой-то момент осознать, что и казням, и террору с обеих сторон должен быть положен конец, если обе стороны хоть сколько-нибудь заботятся о государстве, в котором живут. Недаром в 1904 г. «Аноним», да еще в эмигрантском журнале, говорил о пользе государству, которую принес поступок Созонова, а в 1912 г. в случае Богрова — об искренности того, кто заведомо разрушал это же государство. Но ведь не только Жаботинский, но и российское государство пережило всё то, о чем шла здесь речь, оставив нам свой невеселый опыт.

Ключевые слова:

П.А. Столыпин, терроризм, социал-демократы, кишиневская трагедия 1903 г., Бунд

Leonid F. Katsis

MORAL PROBLEMS OF INDIVIDUAL TERROR FROM THE MURDER OF PLEHVE TO STOLYPIN'S DEATH:

viewpoint of Vladimir Zhabotinsky

Among the most important historical figures of the Russian revolutionary movement, on the one hand, and the Russian free press, on the other, until recently, was not mentioned the name of one of the most prominent Russian Zionists — Vladimir Zhabotinsky has not been fully examined until recently.

His role in the history of the radical revolutionary movement deserves a full examination.

The role of Zhabotinsky in understanding this historical process wasn't noticed because many important texts were issued under pseudonyms. These were incorrectly attributed in the Masanov's Dictionary, or were unknown. In some cases, instructions on press issues previously unknown to researchers are now attributed to texts by Zhabotinsky.

Owing to the earlier primary source study work which had been partially executed earlier and partially presented in previous article, a new picture of the evolution of Zhabotinsky's views on the question of personal political terror was developed. This included historical analogies from the palace murders of Peter III and Paul I to the murder of the Minister of Internal Affairs, Plehve (1904) and the Prime Minister P. Stolypin (1911) by Sazonov and Bogrov and also judgments of Zhabotinsky about the explosion of the summer residency of Stolypin in 1906 were also presented.

The work presents the mechanism of interaction of the Russian legal like "Oko" and "Den" and revolutionary emigrant press such as "Osvobozhdenie" to provide an a unified understanding of the political and moral problems of political terror. Attention is paid to the proximity of political estimates in the press by Zhabotinsky and by the Zubatov in personal correspondence with the revolutionary V. Burtsev concerning the situation of total mutual terror between the authorities and the revolutionaries. The similarity of their thinking about getting out of this tragic mess was noticed. Special attention is paid to the role of Anti-Jewish riots during the First Russian Revolution and the formation of Zhabotinsky's position relative to this issue. Material presented in the article includes the name and work of Vladimir Zhabotinsky as well as a number of the most influential writers of the liberal-revolutionary Russian printing press around the years 1900 — 1910.

 Кацис Леонид Фридович

доктор филологических наук, профессор российско-американского
учебно-научного центра библеистики и иудаики Российского
государственного гуманитарного университета

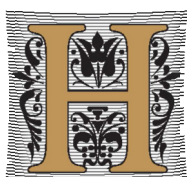

А.В. Калягин

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА САМАРСКОГО КОМУЧА

(К вопросу о причинах краха «третьего пути»
в Гражданской войне)

Наметившиеся на отрезке между февралем и октябрём 1917 г. в среде революционной демократии противоречия резко обострились после захвата власти большевиками. Не признавая возможности сотрудничества с большевистскими «узурпаторами власти», требуя формирования правительства «деловых людей», руководство правосоциалистических партий делало ставку на всероссийское Учредительное собрание, всё ещё надеясь разрешить проблему парламентским путем. Но закрытие Учредительного собрания большевиками окончательно определило позиции: если меньшевики полагали целесообразным придерживаться тактики нейтралитета, то партия социалистов-революционеров (ПСР) перешла на позицию вооруженного противостояния большевикам. Состоявшийся в мае 1918 г. VIII совет ПСР постановил, что ликвидация большевистской власти составляет очередную и неотложную задачу¹. Среди основных центров организации борьбы намечалось Поволжье, где у эсеров имелись достаточно прочные позиции. Замыслам немало поспособствовало восстание чехословацкого корпуса. Один из организаторов и руководителей антибольшевистской борьбы в Поволжье

¹ Дело народа (Пг.). 1918. 18 мая.

П.Д. Климушкин признавался: «И вот в этот момент общего упадка и усиления большевиков мы узнали, что сосредоточенные в Пензе чехословаки не будут пропущены большевиками на восток и что на этой почве неизбежен конфликт. Мы понимали, что если чехословаки не будут использованы нами, то их используют другие, враждебные демократии силы. И мы решили согласовать свои действия и выступления с чехословацким движением. Всё у нас ожило и закипело. Переворот стал необходимостью»².

Развитие событий привело к установлению 8 июня 1918 г. в Самаре власти Комитета членов всероссийского Учредительного собрания (Комуч), который при всей краткосрочности своего существования (четыре месяца) прочно вписал себя в анналы истории как явление, ярко выразившее тенденции демократического антибольшевизма.

Сбор и публикация материалов, освещающих деятельность Комуча, начались еще в разгар Гражданской войны³. Работа была продолжена и по ее окончании.

В очевидной связи с процессом по делу партии социалистов-революционеров в газете «Известия» в 1922 г. появились записки бывшего управляющего делами Комитета членов всероссийского Учредительного собрания Я.С. Дворжеца⁴. Журнал «Красная новь» приступил к публикации воспоминаний известного меньшевистского деятеля, возглавлявшего ведомство труда Комуча, И.М. Майского, ставшего впоследствии крупным советским дипломатом и ученым. Мемуары Майского сразу же были переизданы и отдельной книгой⁵. Немало по выявлению и сбору материалов, связанных с Комучем, сделал самарский Истпарт, публиковавший их в своем сборнике⁶.

При всей политической заданности указанные публикации содержали тем не менее богатейший фактический материал, дающий исследователю возможность более четко представить и понять оттенки политики власти Учредительного собрания в Поволжье и складывающуюся в регионе обстановку.

В 1927 г. вышел труд В. Владимировой, где значительное внимание уделялось Комитету членов всероссийского Учредительного собрания⁷. И хотя

² Вечерняя заря (Самара). 1918. 5 сентября.

³ Одним из самых ранних подобных изданий являлся выпущенный в 1919 г. сборник «Четыре месяца учредилловщины» (Самара, 1919).

⁴ Дворжец Я. Учредилловская эпопея. (Из записок бывшего управделами Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания.) // Известия. 1922. 1 — 8 июня.

⁵ Майский И. Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923.

⁶ Вышло три выпуска сборника, причем третий выпуск был полностью посвящен Комучу. (См.: Красная быль. Вып. 1 — 3. Самара, 1922 — 1923.)

⁷ Владимирова В. Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 году. М.; Л., 1927.

слово «социалисты» было поставлено в кавычки, автор еще придерживалась позиции, отделявшей «демократическую контрреволюцию» от «контрреволюции буржуазно-помещичьей». Непосредственно истории Комуча была посвящена книга сотрудника самарского Истпарта (впоследствии известного самарского краеведа) Ф.Г. Попова, выдержавшая ряд переизданий⁸. Работы эти носили более описательный, нежели аналитический характер. Но в них встречается фактический материал, извлеченный из источников, которые в силу различных обстоятельств были впоследствии утрачены и оказались недоступны современному исследователю.

Из эмигрантских изданий особо стоит отметить вышедший в Праге сборник, специально посвященный борьбе на Волге в 1918 г.⁹ Представленные в нем статьи участников событий дают ценные уточнения и разъяснения в отношении идейных установок и практической политики Комитета членов всероссийского Учредительного собрания.

В 1930-е гг. в советской исторической науке закрепляется взгляд на демократический антибольшевизм как элемент Белого движения. И внимание исследователей к теме угасает. Некоторая активизация наметилась с конца 1950-х гг., но пересмотра оценок при этом не произошло¹⁰.

Интерес к Комитету членов всероссийского Учредительного собрания именно в плане переосмысления «устоявшихся» взглядов просыпается на исходе 1980-х гг. и получает развитие уже в постсоветской исторической науке. Публикуются закрытые ранее документы и воспоминания¹¹. Исследователи обратились к изучению вопросов социального состава, организационного строительства власти и направлений политики Комитета членов всероссийского Учредительного собрания¹². Демократический антиболь-

⁸ Попов Ф. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка. 2-е изд., испр. и доп. М.; Самара, 1933.

⁹ Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. 1. Прага, Бг.

¹⁰ См.: Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970; Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984; Гусев К.В., Ерицын Х.А. От соглашательства к контрреволюции. (Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров). М., 1968; Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918 — 1919 гг.). Саратов, 1974; Попов Ф.Г. За власть Советов. Разгром Самарской учредилки. Куйбышев, 1959; Стирин А.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917 — 1920 гг.). М., 1967; и др.

¹¹ См., например: Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995; 1918 год на Востоке России. М., 2003.

¹² См.: Анисков В.Т., Кабанова А.В. История Комуча: опыт несоветской демократии // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 3; Кондрашин В.В. Самарский Комуч и крестьянство // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000; Корнева Е.А. Министерство охраны государственного порядка Комуча: создание и деятельность (1918-го — 1919 гг.) // Новый исторический вестник. 2004. № 2. URL:

Первоначальный состав Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания.
Слева направо: Б.К. Фортунатов, П.Д. Климушкин, И.М. Брушвит,
В.К. Вольский (председатель), И.П. Нестеров.
Самара. 1918 г.

певизм начинают отделять от Белого движения¹³. Утверждаются идеи «третьей силы» и «третьего пути» в Гражданской войне, куда закономерно относят и Комуч.

И все же тема Комуча далеко не исчерпана. Недостаточно, в частности, проанализированы его идейные основы и цели. Заметна их явная идеализация, что затрудняет осмысление причин, приведших власть Учредительного собрания в Поволжье к краху. Так, Г.А. Трукан полагает, что предлагаемая Комучем «модель социализма» являлась вполне реальной альтернативой политике большевиков. Закономерно, что причины поражения Комитета исследователь объясняет исключительно тем, что «слишком неравные были силы»¹⁴. Тогда как современники событий, в том числе и из эсеровского лагеря, оценивали ситуацию несколько иначе. Видный деятель партии социалистов-революционеров, член бюро фракции ПСР и секретарь Учредительного собрания М.В. Вишняк писал, что главная ошибка, приведшая к поражению демократии, заключалась в том, «что большевизму

http://www.nivestnik.ru/2004_2/index.shtml; Лапандин В.А. Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность (июнь 1918-го — январь 1919 г.). Самара, 2003; Медведев В.Г. Белый режим под красным флагом: Поволжье, 1918. Ульяновск, 1998; Протасов Л.Г. Комитет членов Учредительного собрания: социопортрет в зеркале русской революции // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2004. № 1; и др.

¹³ Хотя в новейшей литературе все еще можно встретить оценки Комуча как одного из центров Белого движения. (См., напр.: История башкирского народа: В 7 т. Т. V. Уфа, 2010. С. 102.)

¹⁴ Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000. С. 38.

было противопоставлено»¹⁵. Иными словами, подчеркивал слабость и недостаточную продуманность идейно-политических установок и принципов, на которых зиждилась проводимая политика. Вопрос требует дальнейшего изучения с учетом реальностей, существовавших в стране и регионе.

Документы, статьи и воспоминания деятелей Комуча позволяют выделить ряд моментов, которые выражали его основную политическую линию: борьба с большевиками и немцами; преодоление классовой розни, достижение единения разнородных социальных и политических сил страны; возрождение демократических свобод и построение надклассовой системы власти; восстановление национально-государственного единства России. К этому списку стоит, пожалуй, добавить и аграрно-крестьянский вопрос, рассматриваемый лидерами Комуча не только в социально-экономическом, но и в политическом ключе, как момент, без разрешения которого невозможно добиться победы и устойчивости демократического режима.

Против «германобольшевизма»

Официально Комуч провозглашал борьбу на два фронта, как с большевиками, так и с правореакционными силами. В его обращениях подчеркивалось, что Комитет отстаивает свободу и народовластие от «насильников и слева, и справа»¹⁶. В реальности акценты были смещены на борьбу с большевизмом, который увязывался с немецкой угрозой. В первом же воззвании Комуча говорилось: «Мы видели, что большевистская власть, прикрываясь великими лозунгами социальной революции, в действительности вела нас неуклонно и твердо к полному порабощению и самодержавию, возглавляемому немецким императором»¹⁷.

Объединяя в единое целое большевиков и немцев, деятели Комуча пытались решить как минимум две задачи. Во-первых, добиться действенной помощи со стороны союзников, что, в частности, отразилось в ноте Комуча, направленной союзным державам: «...Комитет будет приветствовать поддержку вновь формируемой российской армии со стороны союзников как непосредственным участием на нашем фронте вооруженных союзниче-

¹⁵ Вишняк М. Из истории гражданской войны // Современные записки. Кн. 40. Париж, 1929. С. 474.

¹⁶ Центральный государственный архив Самарской области (далее ЦГАСО). Ф. Р-4140. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.

¹⁷ Там же. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

Пулеметная команда чешского бронепоезда.
Уфа. Июль 1918 г.

ских сил, так и усиление армии военно-техническими средствами»¹⁸. Вместе с тем, и это, пожалуй, было более значимым, предполагали разбудить и подтолкнуть массы, воздействуя на их патриотические чувства, к активной борьбе с большевистской властью.

Получать поддержку союзников, хотя бы в форме участия на Волжском фронте чехов, еще удавалось. А вот убедить массы в необходимости включиться в борьбу с «немецкими ставленниками» — большевиками оказалось значительно труднее.

Особенно болезненным был тот факт, что сохранялась пассивность крестьянства, в котором видели опору власти и основную силу в борьбе с большевизмом. Общую ситуацию отразил волостной центр Самарской губернии село Емантаево, где настроение жителей характеризовалось как «антибольшевистское, злобное и за Учредительное собрание». Но при этом крестьяне высказывались, что «против немцев мы не пойдем, вернее не сможем идти, так как у нас нет оружия, да и далеко еще немцы, их не видно, и что, мол, за такая Самарская губерния, что она и Учредительное собрание собирает, и армию создает, и немцев прогнать собирается. Нет, тут опять борьба партийная, а участвовать в гражданской войне не желаем»¹⁹.

К тому же крестьян настораживало присутствие чехов. Бывшие военнопленные и в них видели тот самый «немецкий элемент», с которым их призывали вести борьбу. Печатный орган партии социалистов-революционеров

¹⁸ Там же. Л. 36.

¹⁹ ЦГАСО. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 4. Л. 84 об.

газета «Дело народа» описывала существовавшие в этой связи настроения: «Вот, говорят, еще чехи эти... А какое добро нам может выйти, ежели они — пленные... Это значит, большевиков прогонят, а сами нас Германии этой, будь она неладна, подчинят...»²⁰

В городах ситуация складывалась более благоприятно, но опять же неоднозначно. Даже в Самаре общее собрание жителей 50 — 55 кварталов 4 июля 1918 г. приняло резолюцию против мобилизации и участия в Гражданской войне: «Так как мы противники братоубийственной войны, отклонить мобилизацию»²¹.

«Германобольшевизм» не дал ожидаемых результатов, став «пропагандистской неудачей» Комитета членов всероссийского Учредительного собрания.

Политика была направлена на создание блока

VIII совет партии социалистов-революционеров определил, что возрождение России возможно «только единением всех творческих сил страны и воссозданием общенародного фронта»²². И, выступая 19 июня 1918 г. на чрезвычайном Самарском уездном земском собрании, П.Д. Климушкин подчеркивал: «...Наша политика направлена на создание блока и на уничтожение тех трений, которые создались в обществе благодаря развившейся классовой розни, и чем скорее мы это сделаем, тем вернее обеспечим себе успех»²³.

Стоит, однако, заметить, что акценты при этом расставлялись несколько иначе. VIII совет ПСР ориентировал на объединение «трудовой демократии»²⁴. Тогда как лидеры Комуча существенно расширяли охват вправо²⁵. Б.К. Фортунатов признавался, что «в наших рядах объединяются представители от социализма до монархизма»²⁶. Но подобное «объединение сил» скорее ослабляло, нежели усиливало позиции Комитета.

²⁰ Дело народа (Самара). 1918. 6 октября.

²¹ ЦГАСО. Ф. Р-1898. Оп. 1. Д. 3. Л. 272.

²² Дело народа (Пг.). 1918. 18 мая.

²³ ЦГАСО. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 9. Л. 2 об. — 3.

²⁴ Дело народа (Пг.). 1918. 18 мая.

²⁵ Главное, указывалось в документах Комитета, чтобы это были люди опыта и знаний, пригодные к делу управления, «независимо от их связи с той или иной партией, лишь бы последняя разделяла основные положения политики, проводимой Комитетом». (ЦГАСО. Ф. Р-4140. Оп. 1. Д. 8. Л. 10).

²⁶ Фазезова Г., Елизарова С. Борьба за Казань // Гасырлар авазы. Научно-документальный журнал. 2008. № 1. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2008_1/03/03_1/

Острое неприятие «социалистической власти» наблюдалось в военной среде. Штабс-капитан Ф.Ф. Мейбом емко описал распространенные здесь настроения: «Какая разница между социалистами и коммунистами? Одна сволочь! Недаром русская поговорка говорит: “Что в лоб, что по лбу!” Но сейчас, в данный момент будем драться под всяким правительством. Уничтожим первоначально коммунистов, а затем и социалистов!»²⁷ Это настолько бросалось в глаза, что начальник оперативного отдела штаба Народной армии Комуча генерал П.П. Петров не скрывает своего недоумения: «Члены Комитета как будто не задумывались над такими противоречиями: власть

Колонны чешских легионеров проходят маршем по ул. Дворянской, где находилась резиденция Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Самара. Июнь 1918 г.

эсеровская, партийная, непримиримая даже с кадетами, а воинская сила в большинстве из правых элементов, враждебных эсерам»²⁸.

Разъяснение находим у П.Д. Климушкина: «Мы старались, иногда идя даже на компромиссы, бросить на фронт все живое, все способное к активной борьбе с большевиками»²⁹.

Собрать и бросить на фронт «все живое, все способное к активной борьбе» получалось плохо. Помощник управляющего военным ведомством эсер В.И. Лебедев возмущался в августе 1918 г.: «Когда чехословацкие, сербские и части Народной армии бьются, спасая Казань, в это самое время

²⁷ Мейбом Ф. Тернистый путь // 1918 год на Востоке России. С. 119.

²⁸ Петров П. Борьба на Волге // Там же. С. 18.

²⁹ Климушкин П.Д. Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. 1. С. 51.

среди населения есть много разгильдяев, знающих военное дело и ждущих, когда их возьмут за шиворот»³⁰. На фронт не спешили, зато в тылу, получив власть, подобные «люди опыта и знаний» начинали, особенно в отдалении от Самары, проводить собственный курс, мало считаясь с социалистами из Комитета³¹. В донесении из железнодорожного поселка Абдулино сообщалось, что даже та часть рабочих, которая поддерживала ранее Комуч, теперь разочарована из-за действий местных властей. Не прекращаются необоснованные аресты, наблюдается «полный произвол среди промышленников, которые ни в чем не приостанавливаются», местные кулаки и контрразведка действуют заодно, сговариваются «кого надо припугнуть, а кого надо арестовать». Полное недоумение у населения вызывал тот факт, что «много бывших стражников попали в Народную армию, милицию и на другие подчас ответственные посты»³².

Стремясь к достижению прочных отношений с торгово-промышленными кругами, Комуч решил прекратить «коммунистические опыты» и обеспечить частную предпринимательскую инициативу. На встрече с предпринимателями 9 июня 1918 г. И. М. Брушвит озвучил принципы намечаемого курса: «В области финансово-экономической отменяются национализация банков, торговли, промышленности, финансов и вообще всякие стеснения личной инициативы и предприимчивости. Частный торгово-промышленный аппарат должен быть восстановлен»³³.

Но и в отношении предпринимательских кругов добиться прочного контакта и поддержки не получилось. На упреки по этому поводу П. Д. Климушкина и председателя Комуча В. К. Вольского крупнейший самарский промышленник К. Н. Некалютин полушутя ответил: «Мы понимаем разницу между вами и большевиками, но ваша власть, которая нас немного прирежет, но не дорежет, так же нас не устраивает... Мы будем до поры до времени вас немного поддерживать, немного вас подталкивать, а когда вы свое дело сделаете, свергнете большевиков, тогда мы и вас вслед за ними спустим в ту же яму. Словом, нам невыгодно с вами связываться. Работайте уж вы одни,

³⁰ Сибирский вестник (Омск). 1918. 23 августа.

³¹ На это обратил внимание даже состоявшийся в августе 1918 г. съезд организаций ПСР территорий Учредительного собрания, который указал: «Членам Комитета Учредительного собрания нужно приложить все усилия к тому, чтобы развиваемые им законодательные положения точно выполнялись на местах отдельными агентами власти, распоряжения которых, судя по докладам с мест, иногда шли вразрез с указанными предположениями». (Власть народа (Челябинск). 1918. 22 августа.)

³² ЦГАСО. Ф. Р-4140. Оп. 1. Д. 12. Л. 20.

³³ Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 248. Л. 2.

И.М. Майский.
1920-е гг.

мы вам мешать не будем, но обессиливать себя, участвуя в вашей борьбе, нам не резон»³⁴. И утвердилось мнение, что позиция предпринимательских кругов явилась следствием их политической антипатии к эсеровской власти.

Но дело, вероятно, не только в политических антипатиях. Ведь те же самые торгово-промышленные деятели недавно выказывали готовность к сотрудничеству с большевиками. 13 апреля 1918 г. в президиум исполкома Самарского совета народного хозяйства обратились представители Общества фабрикантов и заводчиков (крупнейшие самарские предприниматели Неклютин, Персиянинов и др.) с предложением участия в деле восстановления губернской экономики. И наладить отношения не удалось не по их вине, а по причине левокоммунистических позиций, что занимали местные большевистские власти во главе с В.В. Куйбышевым³⁵.

Можно предположить, что предпринимательские круги ожидали от Комуча не просто денационализации и декларации свободы частнопредпринимательской инициативы, а более детальной программы развития и поддержки торгово-промышленной сферы³⁶, которой у Комитета толком

³⁴ Климущкин П.Д. Указ. соч. С. 63.

³⁵ Газета Самарского губкома РКП(б) «Приволжская правда» сообщала: «Председатель Совета народного хозяйства т. Куйбышев заявил, что в области экономической политики у Совета народного хозяйства и промышленников не может быть общей линии». (Приволжская правда (Самара). 1918. 16 апреля.)

³⁶ Отмеченный выше поворот самарских предпринимателей «лицом к большевикам» явно связан с отстаиваемой на тот момент В.И. Лениным программой «своеобразного госкапитализма», которая предусматривала определенные гарантии в данном направлении. (См. об этом: Калягин А.В. Гражданская война в России. 1917 — 1920. Электронное учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Самара, 2007. (Гл. 2). URL: http://media.samsu.ru/editions/history/uchebnie/civil_war_v2/CW2_start.html.)

не имелось даже в отношении военной промышленности. И потому денационализация шла затрудненно и чаще в целях не налаживания и развития производства, а вывоза сырья и оборудования в Сибирь для продажи. В приказе Комуча от 7 июля 1918 г. указывалось: «В последнее время в Комитет членов всероссийского Учредительного собрания поступают сведения о приостановке и закрытии промышленных предприятий без всяких к тому оснований, причем о приостановке работ не извещаются ни государственные органы, ведающие промышленной жизнью, ни рабочие, занятые в предприятии»³⁷.

Это не только разрушало экономическую жизнь региона, но и рождало понятное недовольство рабочих. Комитет запретил необоснованные закрытия предприятий, а лиц, их допускаявших, распорядился предавать военному суду³⁸. Незаконными объявлялись и действия рабочих, пытавшихся «налагать запрещение на вывоз фабрик тех или других фабрикантов»³⁹. Но, запретив противоправные акты, власть так и не предложила путей разрешения проблем. Не могли быть удовлетворены ни промышленники, ни пролетарии.

Налаживание отношений с рабочими являлось для Комуча наиболее, пожалуй, сложной задачей. Здесь ему трудно было что-то предложить (тем более противопоставить) в сравнении с политикой тех же большевиков. В итоге ограничились подтверждением действия ряда большевистских декретов с оговоркой — «до отмены или изменения их Комитетом членов всероссийского Учредительного собрания»⁴⁰. И далее дело остановилось. Откладывалось даже принятие закона о 8-часовом рабочем дне, хотя последний был оговорен в эсеровской партийной программе⁴¹.

Ситуация сдвинулась с мертвой точки лишь после приезда в Самару И. М. Майского, который согласился занять пост управляющего ведомством труда лишь при условии проведения ряда социальных реформ в интересах рабочих. И первым пунктом среди них шел закон о 8-часовом рабочем дне⁴².

Однако принять законы еще не означало, что они станут нормально или вообще функционировать. Очевидец вспоминал одно из рабочих собраний в Самаре незадолго до падения власти Комуча. Представитель партии социа-

³⁷ ЦГАСО. Ф. Р-4140. Оп. 1. Д. 42. Л. 29.

³⁸ Там же. Л. 29 — 29 об.

³⁹ Там же. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 3. Л. 44.

⁴⁰ Там же. Ф. Р-4140. Оп. 1. Д. 42. Л. 29 об.

⁴¹ Программы русских политических партий пред Учредительным собранием. М., 1917. С. 17 — 18.

⁴² *Майский И.* Указ. соч. С. 37.

Похороны погибших в боях за Самару 8 июня 1918 г.
Самара. 11 июня 1918 г.

листов-революционеров «начал расписывать самыми яркими лазоревыми красками полезную деятельность Учредилки за интересы рабочих». Но рабочие «докончить речи эсеру не дали и выступили с резким протестом против искажения фактов». Оратору пришлось покинуть собрание⁴³. И это не случайный эпизод. Даже в эсеровской прессе отмечалось, что много говорится о защите интересов рабочих, но «дела наши не дают им этого почувствовать»⁴⁴.

Росло недовольство как предпринимателей, так и рабочих. И обе стороны озлобленно смотрели не только друг на друга, но и на Комитет членов вероссийского Учредительного собрания.

Диктатуре слева противопоставили демократию

Комуч, стремясь утвердить и расширить свое влияние, противопоставил большевистской диктатуре демократические свободы. В первом же своем приказе от 8 июня 1918 г. он заявил: «Все ограничения и стеснения в свободах, введенные большевистскими властями, отменяются, и восстанавливается свобода слова, печати, собраний и митингов»⁴⁵.

Рассматривать это следует, однако, как намерение, преследующее по преимуществу пропагандистские цели. П.Д. Климущкин признавался, что в

⁴³ Красная быль. Вып. 2. Самара, 1923. С. 123 — 124.

⁴⁴ Дело народа (Самара). 1918. 4 октября.

⁴⁵ ЦГАСО. Ф. Р-4140. Оп. 1. Д. 42. Л. 3.

реальности Комитет не предполагал практического претворения демократических свобод. «Такие устремления при тех условиях, при которых мы вели борьбу, были бы излишни и нелепы». Напротив, власть «...действовала методами, по условиям военного времени, кои в корне отрицают принципы демократии, т. е. прибегала и к лишению свободы слова, печати, к внесудебным арестам, к расстрелам и вооруженным экзекуциям и т. д., и т. д.»⁴⁶

Разрыв между обещаниями и действительностью негативно отражался на отношении общества (прежде всего трудящихся слоев) к эсеровской власти. Печатный орган ЦК ПСР писал, что много говорится о демократизме режима Учредительного собрания, но народ «не видит нашего истинного демократического лица» и в итоге идет к тем же большевикам⁴⁷.

Курс на Учредительное собрание

В резолюции VIII совета партии социалистов-революционеров говорилось: «Государственная власть, которая сменит власть большевистскую, должна быть основана на началах народоуправства. Очередной задачей будет при таких условиях возобновление работ Учредительного собрания и восстановление разрушенных органов местного самоуправления»⁴⁸. И созыв Учредительного собрания лидеры Комуча ставили среди первоочередных целей⁴⁹.

Член ЦК партии социалистов-революционеров Н.И. Ракитников разъяснял: «...Советы — наиболее грубая, несовершенная, узурпаторская форма представительства. Но мы за господство в государстве рабочих и крестьян, составляющих огромное большинство в стране, и именно поэтому мы за Учредительное собрание, избранное всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, так как это наиболее совершенная форма выявления воли большинства населения: рабочих и крестьян. Мы против советской власти потому, что в советах часть населения вовсе не представлена, потому что они — классовые, а не всенародные организации»⁵⁰.

В реальности идея Учредительного собрания не могла стать объединяющей основой, противопоставляемой большевизму.

Она была чужда основной массе офицерства, в среде которого были распространены монархические настроения. Даже непосредственно в столи-

⁴⁶ Климущин П.Д. Указ. соч. С. 68.

⁴⁷ Дело народа (Самара). 1918. 4 октября.

⁴⁸ Там же (Пг.). 1918. 18 мая.

⁴⁹ ЦГАСО. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

⁵⁰ Дело народа (Пг.). 1918. 18 июня.

це режима, в Самаре офицеры распевали в кафе и ресторанах «Боже, царя храни» и открыто заявляли: «Мы это сучье племя, эсеришек, на скотный двор — пусть дерьмо чистят. Настоящего царя надо!»⁵¹

Не симпатизировали Учредительному собранию и предпринимательские круги. Их истинную позицию выявил проходивший в сентябре 1918 г. в Уфе торгово-промышленный съезд, который потребовал «всю власть передать Верховному главнокомандующему», или, проще говоря, военной диктатуре⁵². Если цензовые элементы и соглашались признать Учредитель-

Резиденция Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания в 1918 году.
Самара, ул. Дворянская.

ное собрание, то обновленного состава, где не было места не только большевикам, но и прочим социалистам, разве что их крайне правому крылу.

Не пользовалась особой популярностью идея Учредительного собрания и среди рабочих. Прав Б.И. Колоницкий, указывавший, что даже антибольшевистски настроенные ижевско-воткинские рабочие мало симпатизировали Учредительному собранию, что «...восставали рабочие не для того, чтобы передать всю власть Учредительному собранию: они желали установления настоящей советской власти»⁵³. «Совдепщина», признавался П.Д. Климушкин, была широко распространена в рабочей среде⁵⁴.

Что касается крестьянства, то в донесениях отмечалось, что отношение крестьян к Учредительному собранию «почти безучастное, так как они мало

⁵¹ Тимофеев В.А. На незримом посту. (Записки военного разведчика.) М., 1973. С. 71.

⁵² Власть народа (Челябинск). 1918. 15 сентября.

⁵³ Колоницкий Б. Красные против красных // Нева. 2010. № 11.

⁵⁴ Климушкин П.Д. Указ. соч. С. 52.

осведомлены о его деятельности»⁵⁵. Бывало, что крестьяне путали Учредительное собрание с партией. «Неимоверных усилий нужно, чтобы убедить крестьян, что Учредительное собрание не есть партия», — сообщали из Бузулукского уезда Самарской губернии⁵⁶. Зажечь и повести крестьян на борьбу с большевиками — эта идея Учредительного собрания была явно неосуществима.

Земства вместо совдепов

В целях реализации подлинного народоуправства огромное значение Комитет придавал также местному самоуправлению. О восстановлении во всей полноте прав городских дум и земских управ было сказано уже в приказе № 1 Комуча⁵⁷. В телеграмме от 12 июня 1918 г. за подписью П. Д. Климушкина, И. М. Брушвита и Б. К. Фортунатова совдепам предписывалось спешно передать дела местным демократическим органам самоуправления. Подчеркивалось, что «неисполнение повлечет за собою строжайшую кару революционного времени»⁵⁸.

Стоит оговориться, что полностью от советов Комуч не отказывался. Советы рабочих депутатов, хотя и лишённые властного статуса, оставались, учитывая их популярность в рабочей среде⁵⁹. Что, впрочем, серьёзно обостряло отношения Комуча с правыми и либеральными кругами. Приехавший в Самару 11 июля 1918 г. член ЦК партии конституционных демократов Л. А. Кроль вспоминал встречу с членами местного партийного комитета: «Вечер я посвятил самарскому комитету партии. Настроение в нем было далеко не из левых. Отношение к Комучу было резко отрицательным... Одно допущение Комучем существования совета рабочих депутатов крайне раздражало местный комитет к.-д.»⁶⁰.

Но в деревне Комуч настойчиво добивался ликвидации советов и передачи дел земствам. Тогда как крестьянство неоднозначно восприняло отказ от советской системы власти. С мест сообщали, что крестьяне опасаются,

⁵⁵ ЦГАСО. Ф. Р-4140. Оп. 1. Д. 12. Л. 24.

⁵⁶ Там же. Д. 13. Л. 2.

⁵⁷ Там же. Д. 42. Л. 2 об.

⁵⁸ Там же. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 — 2.

⁵⁹ В резолюции чрезвычайной самарской рабочей конференции, например, прямо выдвигалось требование: «Сохранить советы рабочих депутатов, как независимые от власти органы политического сплочения всего рабочего класса». (Там же. Ф. Р-4140. Оп. 1. Д. 8. Л. 6 об.)

⁶⁰ Кроль Л. А. За три года. (Воспоминания, впечатления и встречи.) Владивосток, 1921. С. 60.

что земство может привести их к «старому режиму»⁶¹. Характерно донесение из Бузулукского уезда Самарской губернии: «Некоторые органы нашей власти своими постановлениями подрывают сами себя: так, например, присутствие Бузулукской уездной земской управы обложило 50 руб. с десятины сбором в пользу земства все частновладельческие земли, засеянные крестьянами; последние крайне возмущены этим постановлением и уже недоверчиво относятся к земству»⁶².

Деревне было важно, чтобы власть обеспечивала порядок и права крестьян на землю. Какие при этом будут формы ее организации, этот вопрос деревню мало волновал. В мемуарах генерала К.В. Сахарова сохранилось описание встречи в рассматриваемый период с жителями одного из сел того самого Бузулукского уезда. Крестьяне четко выразили свою позицию: «...Нам бы какая власть ни была, все равно, — только бы справедливая была, да порядок бы установила. Да чтобы землю за нами оставили. Если бы землю-то нам дали, мы бы все на царя согласились»⁶³.

Вопрос о земле

Критикуя в 1917 г. социал-демократическую аграрную программу, будущий председатель Комуча В.К. Вольский указывал: «...До тех пор аграрная программа с.-д. будет висеть в воздухе, пока они не перестанут рекомендовать сохранение частной собственности, умалчивать о том, что будет сделано в пользу крестьян, и оставлять место для развития эксплуатации капитала, т. е. до тех пор, пока они не включат в число своих задач защиту интересов трудового крестьянства. А этот шаг заставит их решиться и на другой, перейти к социализации земли»⁶⁴.

Большевики согласились сделать шаг, на котором настаивал Вольский. В основу Декрета о земле они положили именно эсеровский проект. Но при этом в докладе по земельному вопросу на II съезде Советов В.И. Ленин выразил, хотя и завуалированно, сомнение, что декрет несет реальное решение проблем⁶⁵.

И проблемы обнаружились. Советский разведчик В.А. Тимофеев, работавший на территориях Комуча, вспоминал беседу с крестьянином-возницей,

⁶¹ ЦГАСО. Ф. Р-4140. Оп. 1. Д. 12. Л. 24.

⁶² Там же. Д. 13. Л. 2 об.

⁶³ Сахаров К.В. Белая Сибирь. (Внутренняя война 1918 — 1920 гг.) Мюнхен, 1923. С. 9.

⁶⁴ Вольский В.К. Программа и тактика партии социалистов-революционеров. Тверь, 1917. С. 75.

⁶⁵ См.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений Т. 35. С. 27.

который жаловался на отсутствие порядка с землей. На недоумение, что землю же им отдали, крестьянин ответил: «Дехрет не землемер. Ее, землю-то, делить надо. А это — морока, смертоубийство! На “красной” пахать надо было, а у нас село на село с кольями. Они свое, а мы свое. И пошло... Семей пять поминаньями наделили, семерых в больницу свезли»⁶⁶.

Деятели Комуча сознавали значение аграрного вопроса. Однако творческой инициативы в его решение они привнести не сумели. Были лишь подтверждены «десять пунктов закона о земле», которые успело принять Учредительное собрание в заседании 5 января 1918 г. и которые мало отличались от советского земельного декрета⁶⁷. Да восстановлены земельные комитеты образца 1917 года, которым предписывалось «принять к точному и неуклонному исполнению» эти самые «десять пунктов»⁶⁸.

В результате всё ограничивалось паллиативными мерами. Вот характерное сообщение: «На соединенном заседании Николаевского земельного комитета и временного комитета уездного земства, состоявшемся в селе Марьевке при участии уполномоченного Комитета членов Учредительного собрания Касимова, по выслушивании доклада землемера постановлено разбить уезд на 6 районов для временного распределения земли под запашку 1919 г. ...»⁶⁹

Понятно, что «временное распределение земли» крестьян не удовлетворяло. И деревня вернулась к «черному переделу», не обращая внимания на распоряжения власти и игнорируя принципы «социализации земли». В одном из документов читаем: «Земельный закон в каждом селе понимается по-своему и решается как кому выгодно, и доходит до того, что одна волость, захватив земли побольше и не будучи в состоянии обработать и убрать, предлагает соседним волостям в аренду с оплатой 100 руб. с десятины»⁷⁰. Нередкой была ситуация, которая отмечена в деревне Мартыновке. Здесь обошли наделом пришлых крестьян. «Не дали земли, объясняя, что в обществе земля их надельная, собственная, и пришлые на нее не имеют никаких прав»⁷¹. Понятно, что напряженность в деревне нарастала.

К тому же 22 июля Комуч постановил, что «право снятия озимых посевов, произведенных в 1917 на 1918 г., как в трудовых, так и в не трудо-

⁶⁶ Тимофеев В. А. Указ. соч. С. 106.

⁶⁷ Ср.: Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 17 — 20; Всероссийское Учредительное собрание: Стенограф. отчет. Репринт. воспроизведение изд. 1918 г. Киев, 1991. С. 96.

⁶⁸ ЦГАСО. Ф. Р-4140. Оп. 1. Д. 42. Л. 16 об.

⁶⁹ Сибирская жизнь (Томск). 1918. 13 августа.

⁷⁰ ЦГАСО. Ф. Р-4140. Оп. 1. Д. 12. Л. 3 об. — 4.

⁷¹ Там же. Л. 21 об.

Члены Временного Сибирского правительства.

1-й ряд (слева направо): Г.К. Гинс — управляющий делами Совета министров;

Г.М. Степаненко — управляющий Министерством путей сообщения;

А.Н. Гришин-Алмазов — управляющий военными делами; И.А. Михайлов — министр

финансов; П.В. Вологодский — председатель Совета министров; В.В. Сапожников —

управляющий Министерством народного просвещения; П.П. Гудков — управляющий

Министерством торговли; А.А. Грацианов — заместитель министра внутренних дел.

2-й ряд: Т.В. Бутов — помощник управляющего делами Совета министров;

А.И. Шумиловский — управляющий Министерством труда;

Н.И. Петров — управляющий Министерством земледелия; Н.С. Зефирин — управляющий

Министерством продовольствия; Н.Д. Буяновский — заместитель министра финансов;

А.П. Морозов — заместитель министра юстиции; М.С. Виттенберг — заместитель

министра торговли; П.Я. Михайлов — заместитель министра внутренних дел;

В.М. Миронов — помощник начальника Главного управления почт и телеграфов.

Июнь 1918 г.

вых хозяйствах, принадлежит тому, кто их произвел»⁷². Речь шла лишь о праве сбора урожая для его последующей реализации государственным органам: «Весь хлеб, посеянный частными владельцами и арендаторами, предназначается для нужд государства»⁷³. Но владельцами приказ был воспринят именно как восстановление их земельных прав. И имели место случаи, как в Мирнолюбовской волости, где карательный отряд сотника Николаева приказал вернуть землю и имущество прежнему собственнику⁷⁴.

В глазах крестьян престиж Комитета членов всероссийского Учредительного собрания стал рушиться буквально на глазах. «...Везде слышатся

⁷² Там же. Д. 42. Л. 43.

⁷³ Там же. Л. 44 об.

⁷⁴ Красная быль. Вып. 3. Самара, 1923. С. 58.

опасения, что сейчас власть не в руках демократии, а у имущего класса, и что земля ускользнет из рук крестьянства»⁷⁵. Крестьяне начали вспоминать, что «землю дали им большевики»⁷⁶. И выражали готовность с оружием в руках ее защищать. В имении Каралыкское Моршанской волости Николаевского уезда крестьяне прямо заявили, что они ни земельного комитета, ни Комитета членов всероссийского Учредительного собрания не признают, что «у них есть советская власть на месте, и они без боя не сдадутся»⁷⁷. Случай, надо заметить, далеко не единичный...

Негатив добавляли противоречия, существовавшие между Временным Сибирским правительством и Комучем. Если Комуч принял к исполнению «десять пунктов о земле», которые упраздняли частную земельную собственность, то сибирские власти постановили, что «земля поступает во владение прежних владельцев». На смежных территориях это порождало полную неразбериху. «Эти две противоположные точки зрения вызывают много столкновений и недоразумений. Дело в том, что в настоящее время еще не вполне установлено, где, собственно, Сибирь и территория, подлежащая ведению Сибирского правительства, и где Европа и область, на которую распространяет власть Самарское правительство», — писала газета «Власть народа»⁷⁸. И здесь отражена не только земельная, но и проблема национально-государственного устройства.

Федеративная Россия в имперских границах

«Комитет стоял на почве демократической федеративной республики... В заголовке некоторых актов Комитета так и значились инициалы: “Р.Ф.Д.Р.” (Российская Федеративная Демократическая Республика. — А.К.). Принцип федерализма членами Комитета всегда подчеркивался», — вспоминал И.М. Майский⁷⁹.

Всё так. Стоит, однако, добавить, что воссоздание России лидеры Комуча намечали в границах прежней Российской империи, что и выразил 19 июня 1918 г. на заседании чрезвычайного Самарского уездного земского собрания П.Д. Климушкин: «...В ближайшем будущем возродить Россию, единую великую Россию, каковой она была до войны: с Польшей,

⁷⁵ ЦГАСО. Ф. Р-4140. Оп. 1. Д. 12. Л. 21.

⁷⁶ Там же. Л. 24.

⁷⁷ Там же. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

⁷⁸ Власть народа (Челябинск). 1918. 10 августа.

⁷⁹ Майский И. Указ. соч. С. 72 — 73.

Финляндией и мелкими частями окраин. Все это должно быть снова воссоздано»⁸⁰.

Подобная позиция не просто слабо учитывала, но в корне противоречила реалиям периода, характеризующегося выраженными сепаратистскими устремлениями, причем не только национального, но и территориального плана. В прессе отмечалось: «...Каждый уезд, освобождающийся от гнета “советской” власти, стремится первым делом построить на свой лад или по образцу соседнего района свою независимую народную власть, с задачами, далеко выходящими за пределы местных дел. Образуются крупные самостоятельные области со своими собственными правительствами, организованными по всем правилам государственного искусства»⁸¹.

По существу, государственную независимость провозгласили сибирские «автономисты», которые к тому же не признавали полномочий Учредительного собрания «прежнего состава», а следовательно, и прав Комуча. На состоявшемся 15 июля 1918 г. в Челябинске совещании с представителями Комитета членов всероссийского Учредительного собрания министр финансов Временного Сибирского правительства И.М. Михайлов озвучил позицию сибирских властей: «Мы идем под флагом областничества. Сибирское Временное правительство не признает никакого всероссийского правительства, которое организуется без соглашения с ним». А товарищ министра иностранных дел М.П. Головачев добавил, что «Сибирь не потерпит на своей территории никакой иной власти, кроме власти Сибирского правительства»⁸².

Для решения подобных проблем Комитет членов всероссийского Учредительного собрания не только не имел реальных сил и возможностей, но и действенной концепции. Ответов здесь не давали ни партийная программа, ни резолюции VIII совета ПСР. Да и сами лидеры Комуча еще недавно отстаивали взгляды, которые могли служить отличным обоснованием именно самостийности территорий⁸³.

Таким образом, Комитет членов всероссийского Учредительного собрания не сумел предложить идеи и выстроить с их учетом стратегию действий, которая адекватно отвечала бы вызовам времени и обеспечивала

⁸⁰ ЦГАСО. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

⁸¹ Власть народа (Челябинск). 1918. 7 августа.

⁸² Сибирский вестник (Омск). 1918. 25 августа.

⁸³ Тот же В.К. Вольский в предоктябрьский период доказывал необходимость «возможно большей автономии областей» и утверждал, что «управление государством на условиях автономии упраздняет централизованное управление, хотя бы и демократическое». (Вольский В.К. Указ. соч. С. 57 — 58.)

объединение разнородных сил вокруг его власти. Напротив, отстаиваемые лидерами Комуча позиции нередко обостряли разногочия и еще более раскалывали общество по социальным, политическим, национально-территориальным параметрам. Говоря словами И.М. Майского, Комитет оказался в ситуации, когда им были недовольны и слева, и справа, когда «...ни один из социально мощных классов не поддерживал его, наоборот, все они выступали его противниками»⁸⁴. Для успешной реализации намечаемых Комучем задач требовалась, пожалуй, иная социальная база — то, что сегодня называется «средним классом». Но в России рассматриваемого периода его не существовало. А узкая прослойка части интеллигенции с некоторыми вкраплениями рабоче-крестьянских элементов, не пользующаяся, в общем-то, существенным влиянием, прочной социальной опорой существования и успешного развития режима Учредительного собрания являться не могла.

К тому же провозгласив себя, пусть и до созыва Учредительного собрания, высшим органом государственной власти⁸⁵, Комуч объективно «замахнулся» на ряд острейших вопросов (аграрный, национально-государственного устройства и т. п.), решить которые был не в состоянии. Не только по причине опасения связать руки будущему Учредительному собранию и отсутствия в этой связи четкой концепции действий, но и в силу ограниченных экономических, политических, военных возможностей. «Устраняясь» от решения этих вопросов, Комуч неизбежно подрывал свой престиж и дискредитировал в глазах общества саму идею «демократической власти».

Всё это составило хотя и не единственный, но во многом решающий блок причин, приведших Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания после кратковременных успехов к краху.

⁸⁴ Майский И. Указ. соч. С. 144.

⁸⁵ Вечерняя заря (Самара). 1918. 20 июля.

Ключевые слова:

Гражданская война, Комуч, Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания, Поволжье, Партия социалистов-революционеров, эсеры

Andrei V. Kalyagin

THE IDEOLOGICAL AND POLITICAL PLATFORM OF THE SAMARA KOMUCH

The causes of the collapse of the “third way” in the Civil War

The article analyzes the ideological and political platform formed in 1918 in Samara by the Committee of Members of the All-Russian Constituent Assembly. The author notes that this platform did not fully consider the realities of the situation that was developing at that time in Russia, specifically in the Volga region. The planned leaders of Komuch's goals and objectives required a different social base for their plans to achieve reality. A “middle class” was needed. In the absence of such a class, attempts to implement Komuch goals only aggravated the already serious social, political, ethnic and territorial conflicts. Lacking most of all the real possibilities of problem solving, the Committee of Members of the All-Russian Constituent Assembly were significantly discredited in the eyes of society. The idea of “democratic government” and was without the support of the most significant social and political forces, which was one of the major reasons for its collapse.

 Калягин Андрей Владимирович

кандидат исторических наук,
доцент Самарского государственного университета

Н.В. Усманов

ПОМОЩЬ АМЕРИКАНЦЕВ ГОЛОДАЮЩИМ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1921 — 1923 гг.

(по материалам Урала)

еятельность благотворительных организаций по спасению людей от тяжелых последствий войн, катастроф и природных стихий — актуальная тема современной мировой и отечественной исторической науки. Примеры проявления подлинного гуманизма и человеческой солидарности имели место и в истории XX в. Такая поддержка, как известно, была оказана народам России вскоре после Октябрьской революции 1917 г., когда в результате засухи и тяжелых последствий гражданской войны, охватившей страну, летом 1921 г. начался невиданный ранее голод. Страшное бедствие охватило Поволжье, Урал и некоторые другие территории страны.

Разоренной России было трудно самостоятельно справиться с ситуацией, грозившей гибелью миллионам людей, и поэтому встал вопрос о международной поддержке голодающих. Среди зарубежных организаций, откликнувшихся на призывы из России, одной из первых оказалась Американская администрация помощи (сокращенно — АРА, от английского *American Relief Administration*). АРА была создана в США в 1919 г. как формально неправительственная структура для поставок бесплатного продовольствия населению европейских государств, пострадавших в ходе Первой

«Поделись!» Плакат АРА с призывом к американцам
оказать помощь голодающим в Европе.
1920 г.

мировой войны. Организация, однако, пользовалась поддержкой Конгресса и президента, а возглавлял ее министр торговли Г. Гувер. Американцы помогали жителям Германии, Чехословакии, Австрии, Венгрии, Польши и некоторых других стран. Эта сложная международная и гуманитарная ситуация помощи государственных, общественных и частных организаций одних стран бедствующему населению других стран, в том числе Советской России, безусловно, вызывает самое пристальное внимание в мировой историографии¹.

Договор советского правительства с АРА об оказании продовольственной помощи одному миллиону голодающих был подписан в Риге 20 августа 1921 г. Сами переговоры проходили непросто. Российская сторона всерьез опасалась, что АРА постарается использовать принадлежащее ей продовольствие как своеобразный инструмент давления против революционной власти, однако была вынуждена пойти на заключение договора.

¹ Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что доклад автора данной статьи на тему «Американская еда и одежда в ранней истории Советской России» был включен в программу XXI конгресса Международного комитета исторических наук (Амстердам, 2010 г.) (21st International Congress of Historical Sciences. Programme. Amsterdam, 2010. P. 37).

Подписанный документ предусматривал, что иностранная организация «может посылать в Россию тот персонал, который она сочтет необходимым для выполнения работы». При найме работников из числа местного населения она также могла «пользоваться полной свободой»². В то же время советские дипломаты настояли на том, чтобы в договор были включены пункты, которые не давали американской организации полную свободу действий на территории РСФСР. Позднее Рижский договор был дополнен еще несколькими соглашениями, позволившими АРА довести к середине лета 1922 г. число получающих от нее продовольственную помощь до десять миллионов человек.

Для организации поставок и распределения продовольствия в России за время работы АРА побывало около трехсот сотрудников организации. В страну разрешался также приезд журналистов ряда ведущих американских газет. Присутствие в Советской России значительного количества иностранных граждан, имевших в своем распоряжении большие материальные возможности и пользовавшихся согласно договору определенной свободой перемещения по территории, охваченной голодом, не могло не вызвать определенной тревоги у большевистского руководства страны. Советская Россия только что пережила Гражданскую войну и интервенцию, и ее лидеры не желали создавать условия для новых контрреволюционных выступлений и, может быть, внешнего вторжения. В связи с этим организация АРА была взята под плотную опеку органов ВЧК-ГПУ.

В США первая книга об АРА появилась вскоре после окончания ее миссии. Она была написана официальным историком организации Г. Фишером и не содержала каких-либо сведений о взаимодействиях АРА с органами ВЧК и ГПУ³. После долгого перерыва в США появилась еще одна книга об организации Гувера, подготовленная Б. Вейсманом⁴. Она была посвящена главным образом взаимоотношениям АРА с высшим советским руководством. В 2004 г. вышел фундаментальный труд историка Б. Патенауда, где подробно освещалась деятельность АРА в голодающих районах Поволжья и Урала⁵. В книге этого автора были приведены свидетельства о взаимоотношениях американской организации с местными чекистами. Все указанные

² Документы внешней политики СССР. Т. IV. М., 1960. С. 232.

³ *Fisher H. The Famine in Soviet Russia. The Operations of the American Relief Administration.* N-Y., 1927.

⁴ *Weissman B. Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia: 1921 — 1923.* Stanford, 1974.

⁵ *Patenaude B. The Big Show in Bololand: the American Relief expedition to Soviet Russia in the famine of 1921.* Stanford, 2002.

авторы из США положительно отзывались о работе своих соотечественников в России и отрицали намерение АРА заниматься какой-либо иной деятельностью, выходящей за рамки благотворительности. Б. Патенауд, признавая враждебное отношение Г. Гувера к советской власти, полагает, что руководитель АРА хотел вызвать у советских граждан положительное отношение к своей организации⁶. Советских исследователей деятельность АРА в России вплоть до второй половины 40-х гг. XX в. интересовала мало. Краткая и в целом положительная информация об АРА приводилась лишь в энциклопедических изданиях⁷. В конце 1940-х гг., в условиях разворачивающейся холодной войны и ухудшения советско-американских отношений, появились первые публикации, где деятельность заокеанской организации на территории РСФСР оценивалась крайне негативно⁸. В дальнейшем об организации Г. Гувера лишь вскользь упоминалось в нескольких общих работах, касающихся начала 1920-х гг. В них также продолжали господствовать негативные оценки. Отрицательное отношение к АРА нашло отражение во втором и третьем издании Большой советской энциклопедии (БСЭ). В первом томе последнего издания БСЭ было сказано, что правящие круги США старались использовать АРА «для поддержки контрреволюционных элементов и шпионско-диверсионной деятельности»⁹. В книге А.А. Полякова¹⁰ содержатся серьезные обвинения в адрес американцев не только в антисоветской и шпионской деятельности, но и фактически в терроризме. Хотя книга носит документально-художественный характер, ряд специалистов-историков ссылались и ссылаются на это издание при оценке действий АРА на территории голодных областей России¹¹. Из уральских историков советского периода взаимоотношения АРА с чекистами затрагивал лишь М.Д. Машин. По его мнению, деятельность американской организации на Южном Урале «очень наглядно показывает, как через эту организацию американские империалисты пытались... собрать и объединить вокруг себя контрреволюционеров всех мастей и, опираясь на них, свергнуть советскую

⁶ Patenaude B. Ibid. P. 42.

⁷ Большая советская энциклопедия. Т. 3. М., 1926. С. 190 — 192; Малая советская энциклопедия. Т. 1. М., 1928. С. 383; Малая советская энциклопедия. 2-ое изд. Т. 1. М., 1933. С. 458.

⁸ Рубинштейн П.Л. Борьба Советской России с голодом и капиталистические страны // Исторические записки. 1947. Т. 22; Коган А.Н. Антисоветские действия Американской администрации помощи в Советской России в 1921 — 1922 гг. // Исторические записки. 1949. Т. 29.

⁹ Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 1. М., 1970. С. 516.

¹⁰ Поляков А.А. Диверсия под видом помощи: Повесть-хроника. М., 1985.

¹¹ См. например: Иवानян Э.А. У истоков советско-американских отношений. М., 2007. С. 330.

власть»¹². Деятельность АРА в Советской России, таким образом, не получила научного освещения как в американской, так и в советской литературе.

В 1990-х гг. появились первые статьи¹³, где были сделаны попытки пересмотреть отношение к работе Американской администрации помощи в России, в том числе в Уральском регионе, где Русская миссия АРА действовала с ноября 1921 г. по июль 1923 г. Деятельность одного из двух окружных отделений АРА на Урале (уфимского) отражается в статьях Ю.Ю. Хмелевской¹⁴ и Р.А. Латыпова¹⁵. Оба автора в целом негативно оценивают действия советских властей и органов ВЧК-ГПУ по отношению к иностранцам. По их мнению, советская сторона препятствовала американцам в оказании помощи голодающим людям. В то же время они не приводят каких-либо конкретных фактов противодействия чекистов благотворительной миссии зарубежных филантропов.

О надзоре чекистов над АРА упоминает А.М. Плеханов¹⁶. Публикации В.Г. Макарова и В.С. Христофорова специально посвящены деятельности АРА в России¹⁷. В них содержится информация о надзоре органов ВЧК и

¹² *Машин М.Д.* К вопросу о деятельности АРА на Южном Урале в 1921 — 1922 гг. // Некоторые вопросы всеобщей истории. Вып. 3. Челябинск, 1968. С. 51.

¹³ См.: *Усманов Н.В.* Американская помощь голодающему населению Башкирии в 1921 — 1923 гг. // От П.А. Столыпина до Б.Н. Ельцина: аграрный вопрос в России и Башкортостане. Уфа, 1998; *Он же.* Новые источники об американской помощи голодающим Башкирии в 1921 — 1923 гг. // Археография Южного Урала. Уфа, 2001; *Он же.* О деятельности Уфимского подразделения Американской администрации помощи (по источникам 1921 — 1923 гг.) // Уникальные источники по истории Башкортостана. Уфа, 2001; *Он же.* Материалы архивов Башкортостана о деятельности местных сотрудников Американской администрации помощи // Археография Южного Урала. Уфа, 2002; и др.

¹⁴ *Хмелевская Ю.Ю.* Роль американской миссии в борьбе с голодом на Урале (по материалам Уральско-Уфимского округа АРА, 1921 — 1923 гг.) // Южный Урал в судьбе России. Челябинск, 2003; *Она же.* Борьба с голодом 1921 — 1923 гг. на Урале: американская «атака», местное сопротивление и взаимная адаптация // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2006. Vol. 33. No. 2 — 3; *Она же.* Миссия выполнима? Американская филантропия против первого советского голода // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 3.

¹⁵ *Латыпов Р.А.* Американская помощь Советской России в период голода 1921 — 1923 гг. // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 8. М., 2005; *Он же.* «Культурный шок» в международных отношениях: опыт работы АРА в России в 1921 — 1923 гг. // Новый исторический вестник. 2005. № 1; *Он же.* Американская помощь Советской России в период «великого голода» 1921 — 1923 гг. // Нужда и порядок. История социальной работы в России, XX в. Сборник. Саратов, 2005.

¹⁶ *Плеханов А.М.* ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921 — 1928. М., 2006; *Он же.* Ф.Э. Дзержинский в борьбе с голодом // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. М., 2008. С. 57 — 69.

¹⁷ *Макаров В.Г., Христофоров В.С.* Новые данные о деятельности Американской администрации помощи (АРА) в России // Новая и новейшая история. 2006. № 5; *Они же.* Гангстеры и филантропы. АРА под зорким наблюдением чекистов // Родина. 2006. № 8.

Плакат для населения России о помощи АРА во главе с Г. Гувером. 1921 г.

ГПУ над этой американской организацией. Отдавая должное благотворительным усилиям АРА, авторы повторяют традиционные обвинения в адрес ее сотрудников в шпионаже и антисоветской деятельности, даже называя их «гангстерами». Однако каких-либо серьезных доказательств шпионских действий американцев в статьях не содержится. Цель данной статьи — определить значение продовольственной помощи АРА для населения Урала и роль советских спецслужб.

У большевистского руководства были весьма веские основания для опасений по поводу предстоящей деятельности сотрудников АРА на территории России. Ведь здесь во время Гражданской войны, как отмечали американские историки, эта организация «играла заметную роль» в поставках продуктов питания белогвардейцам¹⁸. В 1919 г. АРА работала на территории, контролировавшейся войсками белого генерала Юденича. Часть продуктов АРА тогда даже попала в руки Красной армии во время ее наступления под Лутой¹⁹. Не могли не насторожить советское руководство и некоторые действия американцев в Центральной Европе. Один из руководителей территориального подразделения АРА, некто Т. Грегори, работавший в Венгрии, незадолго до рижских переговоров признался, что его организация способствовала свержению в этой стране в 1919 г. советской республики. Конечно, руководство АРА свое вмешательство во внутренние дела другой страны отрицало, однако

¹⁸ Edmondson Ch. The Politics of Hunger: The Soviet Response to famine 1921 // Soviet Studies. 1977. Vol. 29. No. 4. P. 512.

¹⁹ Surface E., Bland R. American Food in the World War and Reconstruction period. Stanford, 1931. P. 867.

правительство Советской России эта информация, широко обсуждавшаяся в зарубежной прессе, конечно же, не могла не насторожить. Предупреждения о том, что сотрудники АРА, оказывая помощь голодающим, могут преследовать иные цели, раздавались и со стороны зарубежных друзей Советской России. В газете железнодорожников «Гудок» было помещено интервью с «товарищем из Америки», представлявшим, по всей видимости, левую прессу США. Этот не названный по имени журналист напомнил, что Г. Гувер «до сих пор был самым ярким врагом Советов» и что среди его целей было создание особой организации, которая должна была «сплотить белогвардейские силы внутри России и способствовать свержению Советов»²⁰.

Через несколько дней после подписания Рижского договора, а именно 25 августа 1921 г., состоялось заседание Политбюро ЦК РКП(б). На нем было принято предложение В.И. Ленина о создании комиссии для выработки мероприятий по надзору над приезжающими иностранцами, ввиду заключения договора с Г. Гувером²¹. Советскому руководству к тому времени было уже известно, что среди въезжающих американцев было много военных, в том числе кадровых разведчиков.

Непосредственно перед началом работы АРА в голодных местах России агитационно-пропагандистским отделом при ЦК РКП(б) были подготовлены специальные материалы к докладу «Голод и международное положение». Они были разосланы на места и там использовались партийными пропагандистами. Вот что говорилось в одной из присланных из Москвы листовок: «В какой-то мере за организацией помощи американского министра Гувера уже сейчас стоят определившие стремление к возобновлению экономических отношений с Россией, в какой-то мере через эту организацию пытаются действовать наиболее непримиримые интервенционисты. Это все может обнаружиться только на опыте. С нашей стороны требуется: во-первых, строжайшее соблюдение заключенных условий и, во-вторых, неутомимая бдительность и в центре, и на местах». Далее шло пояснение о необходимости быть особенно бдительными в отношении АРА: «В Венгрии один из ставленников того же Гувера принимал, по его собственному печатному рассказу, активное участие в низвержении советской власти. Разумеется, органы советской власти и коммунистическая партия заранее отнимут всякую возможность у тех или других авантюристов рассказывать в будущем, как они “участвовали” в государственном перевороте в России»²².

²⁰ Гудок. 1921. 26 августа.

²¹ Генкина Э.Б. Государственная деятельность В.И. Ленина. 1921 — 1923. М., 1969. С. 277.

²² Центр документов новейшей истории Оренбургской области (далее ЦДНИ ОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 240. Л. 12 об.

Перед приездом первой группы американцев в Уфу и Оренбург, где планировалось разместить территориальные конторы Русской миссии АРА на Урале, полномочный представитель правительства РСФСР при иностранных организациях помощи отправил в местные органы власти телеграммы. В них сообщалось о предполагаемом числе продовольственных пайков, направляемых в регион, и предлагалось изыскать помещения для столовых, найти для них кухонный инвентарь и обеспечить их топливом. Местным отделам ВЧК предписывалось вести строгий надзор за выполнением этих требований, «устраняя все препятствия»²³. Наряду с обычными надзорны-

Собранных на улицах Уфы голодных беспризорников отправляют в приют.
Уфа. 1922 г.

ми функциями над иностранной организацией чекистам поручалось оказывать ей поддержку в деле развертывания продовольственной помощи голодающему населению. И такая поддержка американцам была оказана.

Первоначально американская организация обеспечивала питанием только детей, беременных женщин и стационарных больных. Таковы были условия Рижского договора. После одобрения Конгрессом США в конце 1921 г. дополнительного финансирования программы помощи голодающим АРА стала выдавать продовольственные пайки (зерно кукурузы) и нуждающимся взрослым. Расширение помощи голодающим России потребовало увеличения аппарата миссии АРА в России. Последнее вызвало

²³ Бюллетень Наркомпрода Башкирской ССР. 1921. 17 ноября; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 4. Л. 14.

определенное беспокойство в руководстве страны. 31 декабря 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) поручило комиссии во главе с заместителем председателя ВЧК И.С. Уншлихтом «выработать специальные меры предосторожности в отношении Американской администрации помощи»²⁴.

Исходя из этих установок, руководство ВЧК, в свою очередь, ставило задачу перед всеми своими органами организовать тщательное наблюдение за деятельностью всех лиц, работающих в АРА²⁵. Местные партийные организации большевиков обязывались оказывать всяческое содействие чекистам в этой работе. Так, в секретном циркуляре Миасского уездного комитета РКП(б) волостным бюро, составленном 13 июня 1922 г., ставилась задача еще раз подтвердить письмо уездного городского комитета партии об обязательной присылке всеми коммунистами и особенно партийными учреждениями «различных материалов, рисующих деятельность как АРА, так и ее агентов»²⁶.

В самом начале миссии американцев в России в первых числах ноября 1921 г. полномочный представитель правительства РСФСР при этой организации, бывший член коллегии ВЧК А. Эйдук отмечал: «Повсеместно к работе АРА, так или иначе, пытаются примазаться всевозможные темные элементы. В настоящее время против таких «помощников» мною приняты решительные меры». Весьма примечательно, что, выражая уверенность, что эти меры дадут положительный результат, он подчеркнул, что руководитель Русской миссии АРА в этом отношении его поддерживает: «Горячим сторонником моим в этом отношении является полковник Гаскель»²⁷.

С началом питания взрослого населения расширялись функции российско-американских комитетов помощи детям, призванных на местах помогать американцам. Ввиду этого с марта 1922 г. эти общественные организации стали называться добровольными комитетами при администрации АРА. В их состав дополнительно были введены выборные от местного населения граждане. В связи с тем, что комитеты во многом определяли и контролировали распределение американского продовольствия, власти постарались, чтобы туда попадали лояльные к ним люди. Зачастую это удавалось. Так, уфимские чекисты отмечали в своих отчетах, что при выборах в комитеты «порой проходят коммунисты»²⁸.

²⁴ Архив ВЧК: Сборник документов. М., 2007. С. 80.

²⁵ Макаров В.Г., Христофоров В.С. Новые данные о деятельности Американской администрации помощи (АРА) в России // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 234.

²⁶ Челябинская область. 1917 — 1945 гг. Сборник документов и материалов. Челябинск, 1998. С. 81.

²⁷ Продовольственная газета. 1921. 1 ноября.

²⁸ Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (далее — ЦГАОО РБ). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 552. Л. 83.

Полномочный
представитель
правительства
РСФСР при АРА,
член коллегии ВЧК
А.В. Эйдук.
Начало 1920-х гг.

Во всех подразделениях АРА местные чекисты пытались иметь своих агентов. Приведем, как наиболее характерные, выдержки из доклада Челябинского отделения ГПУ, составленного в октябре 1922 г., в котором говорится о деятельности американской организации в губернии. Здесь же сообщается, что чекисты внедрили своих людей во все питательные пункты, базы и саму инспекцию Американской администрации помощи. Далее отмечается: «Более опытные и развитые из таковых благодаря всевозможным ухищрениям сумели получить соответствующие посты, несмотря на сильный фильтр со стороны местной администрации АРА. Всего работают в АРА на разных ответственных постах наших секретных агентов три человека»²⁹.

Кроме непосредственного внедрения своих людей в американскую организацию, чекисты с целью получения необходимой информации вербовали некоторых ее местных служащих уже после их поступления на работу. Руководитель Оренбургского отделения АРА в феврале 1923 г. в конфиденциальном письме своему руководству в Москве сообщал, что две его работницы были вызваны в местное отделение ГПУ, где их обязали информировать обо всем, что было в конторе. Девушки признались американцам, с какой целью их вызывали к чекистам, несмотря на полученное от них строгое предупреждение не сообщать об этом факте своему руководству³⁰.

²⁹ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее — ОГАЧО). Ф. 77. Оп. 1. Д. 452. Л. 22 — 23.

³⁰ Hoover Institution Archive (далее — HIA). ARA. Russian Unit. Box 65. Folder 8.

Вопреки тому, что писали советские авторы, опубликованные в последние годы документы органов ВЧК-ГПУ не содержат информации о конкретных действиях американцев, направленных на свержение существовавшего режима в Советской России. На фоне сообщений чекистов с мест очень убедительно выглядит реакция главы ГПУ Ф.Э. Дзержинского, который, получив от своего заместителя И.С. Уншлихта аналитический обзор о деятельности АРА, указал ему в августе 1922 г., что здесь «слишком преувеличивается шпионская роль АРА». В связи с этим он просил прислать ему «краткий доклад с перечислением фактов и фамилий»³¹.

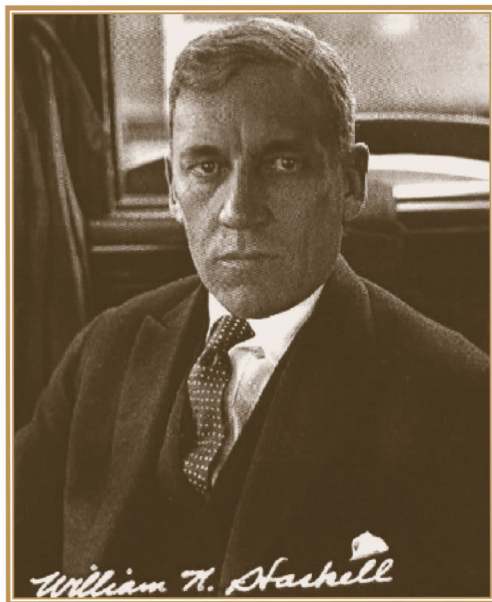
Чекисты Уфы, следя за подопечными им иностранцами, отмечали в своих отчетах, что частная жизнь американцев резко отличается от общего тона жизни в Башкирской республике. «Они, — как писал в августе 1922 г. в Уральское бюро ЦК РКП(б) заместитель местного отдела ГПУ Алексеев, — забирают себе самые лучшие помещения... много веселятся, устраивают семейные вечера для ответственных сотрудников и пикники». По его мнению, сотрудникам АРА «внешне так привольно живется, что едва ли им захочется уезжать в Америку»³². Донесения сотрудников АРА в московскую штаб-квартиру организации, личные письма и дневники, хранящиеся в Гуверовском архиве при Стэнфордском университете, показывают, что американцам в России приходилось на самом деле нелегко. Им по долгу службы приходилось общаться с голодными и больными людьми, и картины страданий населения производили на них тяжелое впечатление. Выезжая в отдаленные селения для инспекции столовых, они рисковали подвергнуться нападению бандитов. В связи с этим местные власти, несмотря на строгий запрет, даже выдавали им личное оружие. Несколько американцев, работавших на Урале, переболели заразными болезнями, и один из них — Г. Бленди — умер от тифа в Уфе. Впоследствии он был назван кадровым разведчиком и обвинен в антисоветской деятельности и вербовке советских граждан в шпионскую организацию³³. В книге А.А. Полякова говорилось о том, что Бленди погиб случайно, раздавив ампулу с тифозными бактериями, которую ему якобы дал начальник медицинского отряда АРА для каких-то «испытаний». При этом автор утверждал, что эпидемия тифа в регионе к тому времени уже прекратилась³⁴. Однако это не так. Заразные

³¹ Плеханов А.М. Ф.Э. Дзержинский в борьбе с голодом. С. 67 — 68.

³² ЦГАОО РБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 552. Л. 83 об.

³³ См.: Городничий Н.Ф. Малоизвестные страницы деятельности АРА в Советской России // Вопросы истории. 1968. № 12. С. 24; История Уфы: Краткий очерк. Уфа, 1981. С. 276; Поляков А.А. Указ. соч. С. 204.

³⁴ Там же. С. 206.

Руководитель
Русской миссии
АРА полковник
У. Хаскелл.
Москва. 1922 г.

болезни свирепствовали на Урале всю весну 1922 г. 17 мая, в день гибели американца, чекисты, сообщая о масштабах голода в Уфимской губернии, отмечали: «Тифозная эпидемия не прекратилась»³⁵.

Советские авторы писали, что сотрудники АРА во время пребывания на территории Советской России вели широкую антисоветскую пропаганду. Однако каких-либо конкретных фактов такой деятельности американцев до сих пор не обнаружено. Секретные сводки уральских чекистов, направляемые в партийные органы, содержат различные сведения, позволяющие считать, что американская организация находилась под их пристальным вниманием. Но в подобных документах нет никаких фактов, говорящих о том, что американцы проводили антисоветскую агитацию, шпионили или организовывали какие-то противоправные действия. Догадки же чекистов по этому поводу выглядят неубедительно. Например, из перехваченного письма одного местного сотрудника Уфимского отделения АРА другому челябинские чекисты узнали, что американец Келли якобы сказал, что «к 1 сентября все будет кончено, так как ПЛАНЫ НА БУДУЩИЙ ГОД НЕ УДАЛИСЬ». Выделив в своем отчете эти слова крупным шрифтом, начальник контрразведывательного отделения ГПУ сделал сомнительный вывод: «Из всего этого можно заключить, что принципы работы АРА не только питание голодающего населения, но и еще какой-то, каковой в Челябинской губернии сорвался»³⁶. На самом же деле в упомянутом письме

³⁵ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 1. Ч. 1. 1922 — 1923. М., 2001. С. 628.

³⁶ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 452. Л. 21.

речь шла о сокращении работ АРА с осени 1922 г. Накануне в России был собран в целом удовлетворительный урожай. В связи с этим американцы решали, есть ли необходимость в продолжении благотворительной деятельности в стране и если помощь надо продолжить, то в каком объеме.

Имеются свидетельства, что американцы старались вообще не вступать в обсуждение политических тем с российскими гражданами. Представитель правительства при Уфимско-Уральском отделении АРА сообщал на всероссийском съезде уполномоченных представителей при заграничных организациях помощи в сентябре 1922 г.: «Сами члены АРА старались вести себя и вели чрезвычайно осторожно, стараясь обособиться в частной жизни не только от ответственных советских работников, но даже от своего ответственного персонала российской национальности». Следует обратить внимание на следующее признание советского уполномоченного представителя: «Они всячески избегали какие-то ни было разговоры на политические темы, несмотря на наши осторожные попытки их на эти разговоры вызвать». Как видно из этого признания, американцы в целом придерживались того пункта Рижского соглашения, который запрещал им «вмешиваться в политику», несмотря на то, что их явно провоцировали на подобные действия. Впрочем, иногда американцы не могли сдерживать себя, когда видели неподобающее, по их мнению, отношение местных властей к их организации. Тогда они позволяли себе действия, которые расценивались чекистами как «их истинное отношение» к Советской России. Так, сотрудник Уфимского отделения АРА Л. Крейг, обнаружив в помещении одной из местных контор АРА неуместные здесь советские плакаты, сорвал их «в присутствии всех служащих конторы, инспектора и посторонней публики»³⁷. Подобного рода поступки иностранцев становились известны советским властям и заставляли их более внимательно следить за их поведением, выискивая действия, которые могли быть расценены как «подрывные». В то же время уполномоченный представитель советского правительства при Уфимско-Уральском отделении АРА различал «словесную пропаганду русских сотрудников АРА» и «пропаганду и агитацию со стороны АРА посредством своего питания»³⁸.

На наш взгляд, правильным выглядит следующее утверждение, сделанное на II Уфимской губернской конференции РКП(б) председателем губисполкома. Он прямо заявил, что «контрреволюционная агитация ведется не американцами, а “русскими американцами”, то есть местными сотрудни-

³⁷ ГАРФ. Ф. 1064. Оп. 3. Д. 45. Л. 52 об.

³⁸ Там же. Л. 53.

«На краю Сибири».

Фрагмент обложки отчета Уфимско-Уральского подразделения АРА. Уфа. 1923 г.

ками АРА³⁹. Среди них были выходцы из прежних имущих классов, которые негативно относились к новой власти. Попав на службу в иностранную организацию, они иногда позволяли себе быть более свободными в речах и поступках, что, конечно, вызывало недовольство властей.

«Обломки от контрреволюционного корабля, потерпевшего фиаско в Октябрьской революции» — такова была одна из оценок местного состава американской организации челябинскими чекистами⁴⁰. В определенной степени с этим выводом можно согласиться, хотя удалось установить, что среди сотрудников АРА, набранных на Урале, дворян было не так уж много⁴¹. Властям не нравилось то, что инспекторы и инструкторы американской организации, в том числе из «бывших», имели в своем распоряжении материальные ресурсы, были независимы в своих действиях от местных властей и проявляли определенную самостоятельность. Челябинские чекисты сообщали по этому поводу, что «инструкторы АРА, разъезжая по уезду, устраивают форменное издевательство над исполкомами и сельсоветами». Инспекторы же организации, по наблюдениям тех же сотрудников ГПУ, «всюду выказывали свои белогвардейские замашки». В частности, они приказывали вывешивать в столовых АРА иконы, заставляли посещавших их детей молиться, требовали обращаться к ним «господа» и т. п.⁴² Подобные

³⁹ ЦГАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 509. Л. 4.

⁴⁰ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 452. Л. 21.

⁴¹ См.: Усманов Н.В. Деятельность Американской администрации помощи в Башкирии во время голода 1921 — 1923 гг. Бирск. 2004. С. 68.

⁴² ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 452. Л. 13, 22.

поступки по тем временам чекистами действительно воспринимались как враждебные. Впрочем, некоторые действия местных сотрудников АРА давали основание властям для обвинения их в контрреволюционной деятельности. Так, инструктор Горюнов, работавший в Челябинском уезде, по сведению чекистов, отвечая крестьянам на вопрос, почему так долго не было продовольствия, сказал: «В том виновата Соввласть, как не оказывающая содействия администрации АРА». Заведующий одной из челябинских столовых Малышев, несправедливо распределявший детские пайки, заявил гражданам, предупреждавшим его, что они будут жаловаться властям: «Я знаю, что делаю, и ваших жалоб не боюсь. Теперь это зависит не от коммунистической власти, она ваших детей не кормит, и вы должны молиться богу за АРА»⁴³.

Были случаи, когда российские сотрудники американской организации, нарушив закон, специально провоцировали выступления населения против властей с целью избежать наказания за свои преступления. В сводке о политическом состоянии в мае 1922 г. Белебеевского уезда Уфимской губернии, составленной местными чекистами, отмечалось следующее: работавший в одной из волостей инструктор АРА Епифанов был замечен во взяточничестве. Узнав, что на него представлен обвинительный материал, инструктор собрал почти во всех селениях волости сходки, где «вел агитацию». Он утверждал, что «коммунисты хотят его загрязнить совершенно безвинно» и угрожал, что, если его снимут с работы, «волость лишится помощи, по крайней мере, более не будут вам увеличивать пайков». Далее в этой же сводке содержался материал на другого инспектора, некоего Блохина. Проезжая по селениям одной из волостей, он, как утверждали чекисты, «усилил своей агитацией антикоммунистические настроения и предложил гражданам скорее переизбрать волисполком и волкомзагранпомощи и избрать туда исключительно беспартийных...». «Иначе, — угрожал крестьянам Блохин, — АРА откажет вам в пайке»⁴⁴. В соседней Челябинской губернии, как сообщали чекисты, под влиянием «контрреволюционной агитации представителя АРА» действительно произошли перевыборы одного сельского Совета, и туда оказались выбраны «исключительно черносотенцы». В результате, как было отмечено в сводке ГПУ от 23 апреля 1922 г., губернским политотделом были «приняты меры к разгону черносотенного сельского Совета»⁴⁵.

⁴³ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 452. Л. 13. 22.

⁴⁴ Центральный государственный исторический архив республики Башкортостан (далее — ЦГИА РБ). Ф. Р-100. Оп. 2. Д. 1. Л. 11.

⁴⁵ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918 — 1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 1. 1918 — 1922 гг. М., 2000. С. 610.

Конечно, среди местного персонала Американской администрации помощи было достаточно много людей, неприязненно относившихся к советской власти. Именно они иногда провоцировали мелкие стычки между американцами и местными властями. Например, они предоставляли своим работодателям надуманные сведения о высказываниях тех или иных советских ответственных работников по поводу деятельности АРА. Когда же американцев просили назвать источники нелепых слухов, те могли ответить так, как это сделал 1 августа 1922 г. руководитель Оренбургского округа АРА У. Колеман: «Сожалею, что не могу указать источника моих сведений, так как существующие условия в России не позволяют свободную полемику для лица, не являющегося членом правящего круга». Некоторые местные служащие АРА иногда передавали своим иностранным работодателям информацию, которая не предназначалась для них. Так, среди бумаг Оренбургской конторы АРА в Гуверовском архиве хранится документ, представляющий собой оригинал письма от 11 мая 1922 г. начальника губернского отделения ГПУ в адрес местного уполномоченного при иностранных организациях помощи с пометкой «Срочно — секретно». В письме речь шла о регистрации «бывших офицеров, заурядных военных чиновников, юнкеров и вольноопределяющихся»⁴⁶.

Более серьезными с точки зрения властей были случаи, подобные тому, что имели место в Миассе. Там в мае 1922 г. рабочие местного завода устроили забастовку, протестуя против низкой зарплаты. Некоторые из них требовали рассчитать их, надеясь пережить сложное время за счет бесплатно раздаваемых американских пайков. В связи с этим заведующий заводом просил инспектора АРА «не давать пайков увольняющимся», однако тот отказался выполнить эту просьбу⁴⁷. Тем самым завод был поставлен в сложное положение, а виноватым советская сторона посчитала сотрудника американской организации.

По мере расширения работы американской организации на Урале перед местными властями вставали новые проблемы. А.М. Плеханов обратил внимание на то, что в голодных местах чекистам было «непросто» пресекать ее «подрывную деятельность». Он объяснял это тем, что «АРА пользовалась большим авторитетом, как организация, спасающая от смерти сотни тысяч наших сограждан»⁴⁸. Действительно, видя эффективность работы зарубежной организации по спасению людей, многие начинали

⁴⁶ НИА. АРА. Russian Unit. Box 67. Folder 1, 2.

⁴⁷ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 504. Л. 164.

⁴⁸ Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ... С. 301.

сравнивать ее деятельность со скромной помощью голодающим со стороны советской власти и при этом делали выводы не в пользу последней. Так, в информационной сводке Пермской губчека от 25 января 1922 г. о настроениях крестьян в одном из уездов, положение которого сами чекисты определяли как «катастрофическое», сообщалось следующее: «Население ждет свержения советской власти, прихода американцев, когда жизнь, якобы, будет хорошей». В сводке от 2 апреля 1922 г. уфимских чекистов указывалось: «Создается контрреволюционное настроение, усиливающееся тем, что рядом с районами АРА, где оказывается довольно широкая помощь», находятся районы комиссии помощи голодающим⁴⁹, «где помощь ничтожна...». Из Башкирии также докладывали в августе 1922 г. о том, что там в некоторых местах зимой — весной жители ожидали «падения власти посредством Америки»⁵⁰.

Определенные надежды с американцами, видимо, связывали и некоторые рабочие. В начале февраля 1922 г. вспыхнула забастовка на ряде предприятий Златоуста. Как выяснили чекисты, среди рабочих велась агитация против советской власти. «Они хотят нас заморить голодом, а раз у коммунистов нет хлеба, пусть передадут заводы американцам, которые будут кормить рабочих», — заявляли на собраниях забастовщиков отдельные личности, названные в сводке «эсерами». Весной 1922 г. на Урале также распространялись слухи о том, что якобы «все порты и станции, и крупные пункты России завалены американским хлебом, но советская власть не дает транспортных средств». Тогда же среди работников путей сообщения велась агитация «о передаче желдороги Америке»⁵¹. Исходя из этой информации, передаваемой сотрудниками ВЧК-ГПУ в партийные органы, власти ставили перед коммунистами задачу вести контрпропаганду. Кроме того, непосредственные прямые контакты предприятий и учреждений с АРА запрещались, а газетам предписывалось не печатать материалы об иностранной помощи без предварительной цензуры.

Органы ВЧК и затем ГПУ не только следили за сотрудниками АРА и контролировали их деятельность. Они также пресекали различные преступные действия по отношению к продовольственным и иным грузам этой организации, устраняли всевозможные препятствия для ее действительно

⁴⁹ Комиссии помощи голодающим действовали при исполкомах Советов в губерниях, уездах и волостях в 1921 — 1922 гг. и осуществляли поддержку крестьян и горожан пораженных неурожаем территорий за счет государственных ресурсов и средств, собранных у самого населения.

⁵⁰ ЦГАОО РБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 511. Л. 38; Д. 552. Л. 11, 83 об.

⁵¹ Там же. Д. 511. Л. 38; Д. 516. Л. 4; Д. 522. Л. 16.

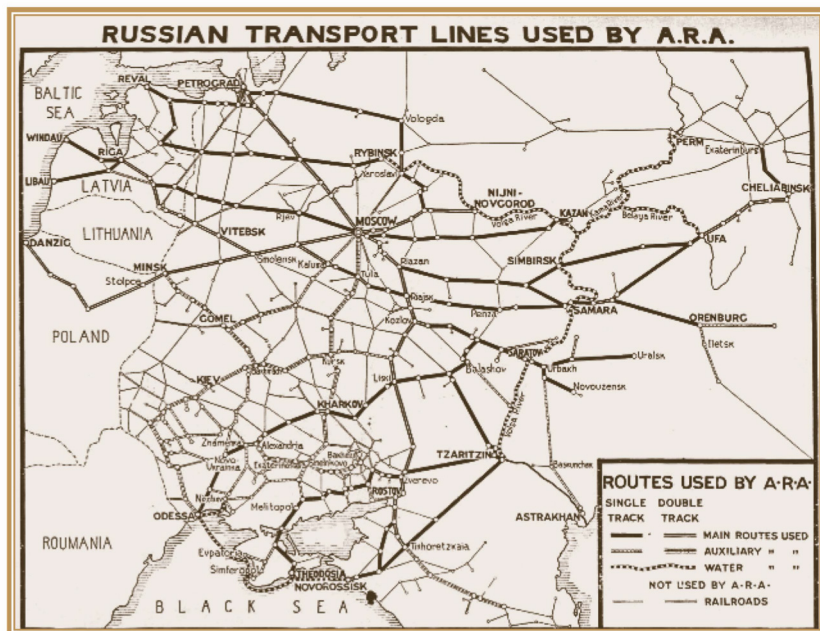

Схема транспортных линий Советской России, используемых для передвижения грузов АРА.

благотворительной деятельности по спасению советских граждан. Чекисты старались, чтобы в организацию не проникали всякого рода мошенники и авантюристы, которых, надо сказать, было немало в те годы.

Местные чекисты, руководствуясь установками из Москвы, пытались оградить иностранную организацию от тех, кто мог бы помешать этой работе. Вот что писал 19 ноября 1921 г. полномочный представитель ВЧК в Оренбургской губернии Г. Мороз уполномоченному представителю при АРА А. Эйдуку вскоре после прибытия первого сотрудника АРА Ф. Лайна в город: «Оренбургские спекулянты... что признали американцы, кинулись с предложением своих услуг для работы. Часть пришлось отпугнуть». Далее он сообщал: «Я, конечно, стараюсь всячески добровольным соглашением с представителем "Арбы" Лайном отпугивать спекулянтов, но в этом иногда мешает имеющийся переводчик Белов». О том, что чекисты использовали возможности своей организации для поддержки деятельности американцев, свидетельствует следующий отрывок из этого же письма: «Мне лично на расходы по уполномоченству деньги нужны в очень малом количестве, так как я пользую аппарат ЧЕКА». Письмо Г. Мороза заканчивается следующей очень примечательной фразой: «Последнее, что я просил, это уведомить ВЧК тов. Дзержинского или тов. Уншлихта о том, чтобы в этот месяц меня не винули, если моя работа как полномочного представителя ВЧК немного понизится, ибо, сами понимаете, что работа по АРА колоссальная здесь, где

необходимо непосредственное участие временами в самых мелочах. Я лично считаю, что работа помощи голодающим в данный момент, а здесь это ощущается, есть главная и основная работа всех советских органов»⁵².

Следует отметить, что в уральских округах, впрочем, как и в других местах, американцы старались развернуть свою деятельность в тех районах, куда было легче доставить продовольствие и организовать питательные пункты. Так, челябинское отделение ГПУ отмечало в информационной сводке, составленной в первых числах мая 1922 г.: АРА с самого момента прибытия в Челябинскую губернию стремится развернуть свою работу по линии железных дорог и в рабочих районах, ссылаясь на плохой гужевой транспорт и затруднительность контроля⁵³. Властям этой губернии все же удалось убедить американцев, что необходимо обеспечивать питанием и жителей удаленных от транспортных коммуникаций районов. Примерно так же обстояло дело и в других местах.

Р.А. Латыпов высказал мнение о том, что американцев не тревожило то, что предназначенное для голодных бесплатное продовольствие появлялось затем на рынках в свободной торговле. «АРА не беспокоили факты бартера, отношение к “спекуляции” было иным, чем у комиссаров», — отмечал он, причем не приводя никаких фактов в пользу такого вывода⁵⁴. На самом же деле американцы очень болезненно реагировали на появление их продовольствия в открытой продаже. Они обращали внимание местных властей, например, на то, что кукуруза в России не выращивалась, а сгущенное молоко не производилось. Следовательно, подчеркивали они, торговцы этими продуктами или сами являлись похитителями, или перекупали краденое. То, что в отношении к фактам спекуляции и воровства американцы были вполне солидарны с «комиссарами», находит подтверждение в документах. В подобных случаях руководители американских миссий обращались к прикрепленным к ним уполномоченным или даже непосредственно в местные отделения ВЧК и ГПУ. 21 марта 1922 г. У. Белл написал письмо, адресованное в упраздненную к тому времени чрезвычайную комиссию Уфимской губернии. Послание полковника содержало просьбу установить постоянный надзор за торговлей на рынках и в лавках продуктами, выдаваемыми АРА бесплатно голодающим. Он обращал внимание чекистов, что кукуруза, которую в это время начали бесплатно отпускать взрослому

⁵² ГАРФ. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 432. Л. 2.

⁵³ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 504. Л. 150.

⁵⁴ Латыпов Р.А. Американская помощь Советской России в период голода 1921 — 1923 гг. С. 414; *Он же*. Американская помощь Советской России в период «великого голода» 1921 — 1923 гг. С. 267.

голодающему населению, не выращивалась в данной местности и, следовательно, продажа ее не могла быть законной. «Всякая торговля этим продовольствием должна быть наказуема», — писал У. Белл. Далее он принес благодарность чекистам за «помощь в прошлом» и заверял о желании «дальнейшего сотрудничества». Заместителю председателя губернской комиссии помощи голодающим А.А. Бишеву, до которого дошло это письмо, адресованное «Губчека Уфимской губернии», пришлось информировать американца о том, что «Чрезвычайные комиссии с присвоенными им ранее функциями в период обострения гражданской войны, ныне упразднены по всей республике». «Вся уголовно-розыскная часть в настоящее время передана во ведение Уголовного розыска, куда и благоволите обратиться по всем вопросам, затронутым Вами в вышеуказанном письме», — отвечал 22 марта 1922 г. А. Бишев полковнику У. Беллу и добавлял, что лучше было бы делать это через представительство РСФСР. В то же время он заверял руководство Уфимской конторы АРА в том, что им «предприняты... решительные меры к прекращению торговли продуктами АРА и преследованию расхитителей и скупщиков»⁵⁵.

В дальнейшем У. Белл неоднократно обращался к полномочным представителям с просьбами о передаче на рассмотрение соответствующих органов дел о хищениях продуктов АРА. В конце мая 1922 г. он обратился к уполномоченному при его организации Л. Тарасову с письмом, в котором отмечал, что «некоторые факты, связанные с работой двух бывших сотрудников АРА в нашем районе, сделали их увольнение неизбежным». Приводя имена этих сотрудников, У. Белл пояснил, что «существуют серьезные подозрения, что оба они виновны в преступных деяниях, и что они незаконно распоряжались продуктами, предназначенными для помощи голодающим». Далее он просил: «Прошу Вас снестись с надлежащими судебными властями о принятии мер, необходимых для расследования, действительно ли эти лица виновны в незаконных деяниях и в случае их виновности, для привлечения их к ответственности»⁵⁶. В письме от 27 декабря 1922 г. руководитель Уфимского отделения АРА «ввиду чудовищности и серьезности деяния» одного из работников подведомственной ему столовой (воровал муку и подмешивал в пищу вместо нее суррогаты) просил, если на допросе будет доказана вина работника столовой, чтобы ему «был вынесен серьезный приговор тюремного заключения и чтобы не было допущено возможности заменить заслуженное наказание про-

⁵⁵ ЦГИА РБ. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 182. Л. 119, 121.

⁵⁶ НИА. АРА. Russian Unit. Box 131. Folder 7.

стым денежным штрафом»⁵⁷. Сам У. Белл всегда старался избавиться от тех местных сотрудников, которые запятнали себя чем-либо неблагоприятным во время работы в его организации. Один из руководителей Русской миссии АРА А. Квинн в письме полномочному представителю при иностранных организациях помощи А. Эйдуку, отправленном 14 июня 1922 г., подчеркивал, что «немедленное увольнение господином Беллом всякого виновного в каком-либо неблагоприятном поступке является наглядным доказательством его отношения к делу»⁵⁸.

Руководитель Оренбургского отделения АРА У. Колеман также болезненно реагировал на факты хищений и требовал безусловного наказания преступников и возвращения похищенного. 9 марта 1922 г. он писал руководству губернии, что для него «было бы интересно иметь сообщения о каждом судебном разбирательстве случаев, где зарегистрированы лица за покражу и продажу продуктов АРА»⁵⁹. Чекисты пресекали подобного рода преступления и возвращали американцам то, что было похищено. Так, например, Оренбургский губотдел ГПУ в июне 1922 г. информировал уполномоченного при АРА о расследовании хищения продуктов из столовой № 11. В краже были изобличены заведующий столовой и один из подсобных рабочих. Похищенные продукты (сало, мясо, мука) были изъяты у скупщиков, и чекисты сообщали, что они «будут сданы в срочном порядке в склад АРА»⁶⁰.

Американцы иногда опасались, что виновные в хищениях их грузов могут избежать заслуженного наказания. Между тем похитители зарубежной помощи наказывались достаточно строго, вплоть до применения к ним «высшей меры социальной защиты», ведь советское правительство взяло на себя обязательство возмещать стоимость похищенных на территории РСФСР грузов АРА золотом. В секретной переписке Оренбургского отделения ГПУ с губернским исполкомом, датированной 2 марта 1922 г., отмечалось, что трибунал Ташкентской железной дороги 26 февраля приговорил санитаря П.Н. Малова, уроженца села Кувандык Орского уезда Оренбургской губернии, к расстрелу за хищение из вагонов, принадлежавших АРА, пшеницы и консервированного молока на станции Оренбург⁶¹.

Американцев специально не информировали о казнях тех, кто покушался на их грузы, но они конечно же знали о подобных случаях. Через них эта информация передавалась и в газеты США. Так, «Нью-Йорк таймс» в

⁵⁷ ЦГИА РБ. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 65. Л. 67.

⁵⁸ НИА. АРА. Russian Unit. Box 129. Folder 5.

⁵⁹ ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 277. Л. 2.

⁶⁰ Там же. Д. 341. Л. 62.

⁶¹ Там же. Л.69.

марте 1922 г. сообщила о расстреле похитителя продуктов из одной из сельских детских столовых АРА в Башкирской республике⁶². На протесты по поводу чрезмерной жестокости приговоров представителям АРА не вполне вежливо заявляли, что судопроизводство на территории РСФСР не входит в сферу компетенции иностранных благотворительных организаций. Сотрудник АРА С. Брукс, работавший в России, вскоре после окончания миссии писал по этому поводу: «Учитывая, что каждый фунт украденного продовольствия означал, что кто-то из голодающих не мог получить его, можно согласиться, что была какая-то справедливость в чрезвычайных методах наказания»⁶³. Похоже, что эту точку зрения разделяли и многие другие американцы, работавшие в голодных местах. В целом благодаря особым мерам, предпринятым со стороны властей Советской России, в том числе и действиям чекистов, охрана иностранного продовольствия, ввозимого в Россию, была поставлена удовлетворительно. Один из руководителей Русской миссии АРА даже признался в феврале 1922 г. в частной беседе с представителем правительства РСФСР, что в Германии случаев хищения американских продуктов было гораздо больше⁶⁴. Накануне завершения работы иностранной миссии в России газета «Нью-Йорк таймс» информировала своих читателей: «В целом хищения грузов Американской администрации помощи в России незначительны с точки зрения размаха работы миссии и тех условий голода, которые существуют здесь. Официальные лица администрации подсчитали, что все то, что можно назвать потерями, сводится всего к числу в 1%»⁶⁵.

Не поощряя в своей организации расхитителей, руководители округов АРА все же старались оберегать от излишней, по их мнению, опеки органов ВЧК-ГПУ своих местных сотрудников, если не чувствовали за ними очевидной вины. Глава Уфимской конторы АРА У. Белл 2 мая 1922 г. в обращении на имя уполномоченного представителя правительства РСФСР в его округе писал следующее: «По поводу вопроса об аресте ответственных сотрудников из русского персонала этого округа АРА местной властью я просил бы еще раз, чтобы в будущем это не практиковалось»⁶⁶. Его заместитель П. Хофстра в апреле 1922 г. ответил отказом на требование к сотрудникам его организации в Челябинской губернии заполнить «местные советские анкеты». Через подобные процедуры чекисты надеялись выявить

⁶² New York Times. 1922. 29 March. P. 7.

⁶³ ARA bulletin. Ser. 2. No. 42. 1923. P. 89.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 4. Л. 104 об.

⁶⁵ New York Times. 1923. 22 April. P. 4.

⁶⁶ ЦГАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 511. Л. 41.

«ненадежный» персонал американской организации. Однако заместитель директора Уфимского территориального отделения АРА счел необходимым указать в письме, что их собственная анкета для сотрудников, которую они предъявляют властям, «соответствует всем требованиям». При этом он сослался на соответствующий документ⁶⁷. Руководитель Оренбургского отделения АРА У. Колеман и вовсе позволил себе дерзко ответить 19 мая 1922 г. на запрос уполномоченного о предоставлении списков лиц из числа работников его организации, служивших при прежних режимах в армии. «Пришлите мне список их фамилий, — с едким сарказмом написал он, — и я предложу им явиться, если необходимо, построю их в две шеренги на Инженерной улице и поведу правильным строем в ГПУ»⁶⁸. Подобное отношение к запросам властей не могло не вызвать неприязненного отношения к АРА и определенных подозрений. Но с принципиальной позицией американцев чекистам приходилось считаться. В секретном докладе начальника контрразведывательного отделения Челябинского ГПУ Агалакова о деятельности чекистов в сентябре 1922 г. сообщалось: «На лиц, которые, находясь на службе АРА, проявили себя как контрреволюционеры, ведутся агентурные дела». В то же время в докладе контрразведчика отмечалось, что эти люди «в целях сохранения Рижского договора привлекаются нами к судебной ответственности только по выходу из состава служащих АРА»⁶⁹.

Американцы без сожаления расставались со своими сотрудниками из числа местных граждан, если те были уличены в нечестности или плохо исполняли свою работу. Об этом свидетельствовал сотрудник Оренбургского отделения АРА Г. Бакли. Он организовывал работу по питанию населения в Орске. Там двоих инспекторов американской организации из числа местных жителей власти обвинили в том, что они были «белыми пропагандистами». «Неизвестно, так ли это было в действительности, — писал позднее Г. Бакли, — но вскоре обнаружилось, что эти двое выполняли свою работу, с нашей точки зрения, неудовлетворительно, и поэтому мы их уволили»⁷⁰.

Несмотря на относительно низкую калорийность американских пайков, их раздача спасла жизни миллионам голодающих, в том числе проживающих на Урале. Так, если в информационной сводке Башкирского отдела ГПУ от 23 марта 1922 г. отмечалось, что помощь АРА покрывает потребность лишь 5% голодающего населения Башкирской республики, то 16 апреля чекисты докладывали, что продовольственной помощью амери-

⁶⁷ ОГАЧО. Ф. Р-494. Оп. 3. Д. 10. Л. 64 об.

⁶⁸ НИА. Russian Unit. Box 67. Folder 2.

⁶⁹ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 452. Л. 23.

⁷⁰ ARA bulletin. Ser. 2. No. 32. 1923. P. 21.

Детская столовая № 1. Открыта АРА 16 ноября 1921 г. в Уфе.
Ежедневно обеспечивала горячим питанием 1500 детей.
Уфа. Зима 1921/22 г.

канцев обеспечивается третья часть населения Башкирской республики⁷¹. Помощь голодающему населению Урала через Уфимское и Оренбургское отделения АРА последовательно нарастала до начала осени 1922 г. В августе этого года горячее питание в столовых и сухие пайки зерна кукурузы через распределительные пункты получали 2 миллиона 726 тысяч человек⁷². Впоследствии число получающих продовольственную помощь уменьшилось, но оставалось значительным вплоть до сбора урожая 1923 г. В июле 1923 г. миссия АРА прекратила работу и выехала из страны.

Подводя итоги, можно констатировать, что продовольственная помощь АРА имела большое значение для жителей России. Даже после того как американцы начали свою работу по кормлению людей в голодающих регионах России и спасли многих от гибели, руководители Советского государства постоянно напоминали о том, что со стороны АРА существует опасность вмешательства во внутренние дела России. В частности, В.И. Ленин, выступая 23 декабря 1921 г. на IX Всероссийском съезде Советов, заявил: «Советское государство допускает к себе иностранных представителей под предлогом помощи, а эти представители помогают свергнуть Советскую власть, чему примеры бывали. В положение такого государства мы не попадем, благодаря тому, что мы будем ценить и использовать такое учреждение, как ВЧК. Это мы можем всем и всякому гарантировать»⁷³. Подобного

⁷¹ ЦГАОО РБ. Ф. П-22. Оп. 6. Д. 36. Л. 26.

⁷² Fisher H. Op. cit. P. 557.

⁷³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. С. 329.

же рода заявление сделал и И.В. Сталин. «Не стоит забывать, — писал он в декабре 1921 г. в «Правде», — что торговые и всякие иные миссии и общества, наводняющие Россию, торгующие с нею и помогающие ей, являются вместе с тем лучшими разведчиками мировой буржуазии»⁷⁴.

Чекисты Урала, исходя из указаний центра, проводили достаточно эффективную работу по надзору над АРА с целью недопущения с ее стороны какой-либо деятельности во вред Советскому государству. Однако каких-либо серьезных действий, выходящих за рамки благотворительной работы, со стороны американцев зафиксировано не было. В то же время случившиеся правонарушения местного персонала американской организации сотрудниками ВЧК-ГПУ решительно пресекались. Уральские чекисты оказывали посильную помощь АРА, оберегая эту организацию от проникновения в ее среду разного рода авантюристов и жуликов и борясь с хищениями ее собственности.

---

⁷⁴ Сталин И.В. Собрание сочинений. Т. 5. С. 119.

Ключевые слова:

Голод 1921 — 1923 гг., Урал, Американская администрация помощи, ВЧК, ГПУ.

Nail V. Usmanov

THE ASSISTANCE OF AMERICANS DURING THE FAMINE OF SOVIET RUSSIA IN 1921 — 1923

(using resources of the Urals)

The article reviews the activities of the charitable organization American Relief Administration (ARA) in the Urals during the famine of 1921 — 1923 and the relationship of the ARA with the Soviet Intelligence agencies during these years. The author notes that the foreign organization was suspected of possible hostile activities against Soviet Russia. In connection with these suspicions, the ARA was under the close supervision of such authorities as the Cheka and the State Political Directorate. The author states that food supplies provided by the ARA substantial assistance to the people of the region, even though some of the activities of its employees, especially those locally recruited, went beyond charity and caused dissatisfaction of the authorities. At the same time, the Soviet security officers not only supervised this foreign organization but also assisted it in the deployment of aid, by guarding its cargo. The article concludes that the ARA had worked with these authorities of Soviet Russia.

 Усманов Наиль Вакилович

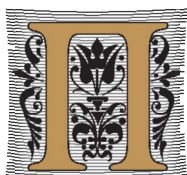
кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории
Бирского филиала Башкирского государственного университета

В.С. Парсамов

НИКОЛАЙ СТАВРОГИН:

его «предки» и «потомки»

роблематика этой статьи отчасти навеяна работой В.О. Ключевского «Евгений Онегин и его предки». Однако в отличие от великого предшественника, не соотносившего текст пушкинского романа в стихах с собственными социологическими построениями, я в данном случае буду опираться непосредственно на текст романа «Бесы» и постараюсь реконструировать представления самого Достоевского о генеалогических корнях его героя.

Достоевский, по его собственному признанию, изобразил в Ставрогине «русское и типическое лицо». При этом писатель счел необходимым уточнить: «Конечно, это характер, редко являющийся во всей своей типичности, но это характер русский (известного слоя общества)»¹. Под «известным слоем общества» подразумевалась русская аристократия послепетровского времени. Между тем социально-генеалогические отношения Ставрогина в окончательной редакции романа даны приглушенно. Отказ от прямых характеристик в окончательном изображении героя сам писатель объяснял художественными причинами: «Этот характер записан у меня сцена-

¹ *Достоевский* Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972 — 1990. Т. 29. Кн.1. 1986. С. 142 (далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страниц).

ми, действиями, а не рассуждениями; стало быть, есть надежда, что выйдет лицо» (XXIX (1), 142). Весной 1872 г., когда уже были напечатаны две части романа и возникли цензурные трудности с главой «У Тихона», Достоевский писал Н.А. Любимову, что Ставрогин — «это целый социальный тип (в моем убеждении), *наш* тип, русский, человека праздного, не по желанию быть праздным, а потерявшего связи со всем родным и, главное, веру, развратного *из тоски*, но совестливого и употребляющего страдальческие судорожные усилия, чтобы обновиться и вновь начать верить» (XXIX (1), 232).

В окончательной редакции романа типологическая характеристика Ставрогина дается через его сравнение с декабристом Луниным. Оба они представляют разные поколения единого социопсихологического типа. Источник этого места давно установлен². Это «Отповедь» декабриста П.Н. Свистунова декабристу А.Е. Розену и писателю С.В. Максимову по поводу изображения декабристов в их сочинениях. Poleмика, начавшаяся между ними в 1870 г. (то есть примерно за год до публикации «Отповеди»), прямого отношения к Лунину не имела и, видимо, не очень заинтересовала Достоевского. Его внимание привлек блестящий в литературном отношении портрет Лунина, написанный Свистуновым как пример «весьма рельефной и привлекательной индивидуальности»³. «Отповедь» Свистунова была опубликована в первом номере «Русского архива» за 1871 г., а в 92-м (апрельском) того же года томе «Русского вестника» появилась пятая глава первой части «Бесов» «Премудрый змий», где Ставрогин сравнивался с Луниным⁴.

Поражает оперативность, с которой Достоевский отреагировал на публикацию Свистунова. Возможно, это объясняется тем, что рассуждения о декабристах занимали значительное место в начальных вариантах романа, но в силу недостаточной художественной мотивированности в окончательную редакцию не вошли. Свистунов, можно сказать, преподнес Достоевскому подарок. Он нарисовал созвучный его мыслям портрет декабриста: «Должно полагать, что быстрый переход из великосветского петербургского омута в то одиночество, в коем очутился он в Париже, имел на него отрезвляющее действие. В душе его, пресытившейся мирской суетностью, возникли неизбежные вопросы о призвании человека и о загробной жизни. Он почувствовал недостаток верования и, убедившись

² См.: Гофман А.Г. Достоевский и декабристы // Тайные общества в России в начале XIX столетия. М., 1926. С. 198.

³ Свистунов П.Н. Сочинения и письма. Т. 1. Сочинения. Письма (1825 — 1840). Иркутск, 2002. С. 180.

⁴ Русский вестник. 1871. Т. 92. Апрель. С. 461.

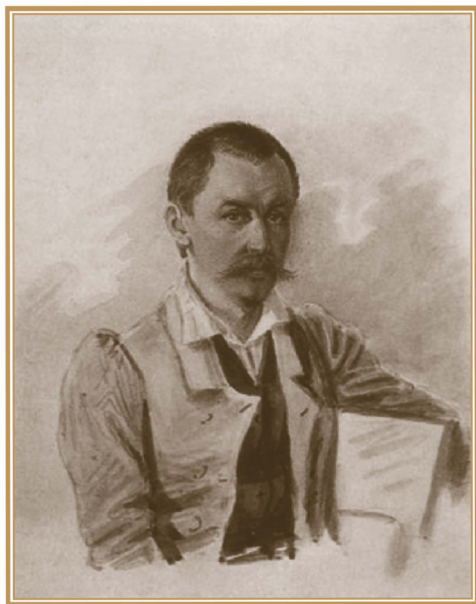
в необходимости его восполнить, со свойственной ему решительностью приступил к делу и обратился за помощью к пресловутым иезуитам Розавелю и Гринвелю, о которых в Сибири говаривал часто со мною, потому что и я их знал»⁵.

Недостаток веры — это одна из основных психологических черт Ставрогина, а поскольку Ставрогин задуман Достоевским как лицо типическое, то безверие становится одним из признаков всего социального слоя. В черновиках «Бесов», размышляя о декабристском типе еще до публикации Свистунова, Достоевский писал: «Он тянул оброк, чтобы на него жить в Париже, слушать Кузена и кончить чаадаевским или гагаринским католицизмом» (XI, 87). Эти размышления и аналогичные «черновые» мысли в процессе работы над романом ушли в подтекст, а на поверхности остались модификации одного и того же социального типа от Лунина до Ставрогина. Хроникер, основываясь на мемуарах Свистунова⁶, показывает различия между бесстрашием Лунина и Ставрогина. Для Лунина важна победа над собственным страхом: «Сомнения нет, что эти легендарные господа способны были ощущать, и даже, может быть, в сильной степени чувство страха — иначе были бы гораздо спокойнее и ощущение опасности не обратили бы в потребность своей натуры. Но побеждать в себе трусость — вот что, разумеется, их прельщало. Бесперывное упоение победой и сознание, что нет над тобой победителя, — вот что их увлекало. Этот Л-н еще прежде ссылки некоторое время боролся с голодом и тяжким трудом добывал себе хлеб единственно из-за того, что ни за что не хотел подчиниться требованиям своего богатого отца, которые находил несправедливыми. Стало быть, многосторонне понимал борьбу; не с медведями только и не на одних дуэлях ценил в себе стойкость и силу характера» (X, 165).

Силой характера, которую Лунин выковывал в борьбе с самим собой, Ставрогин наделен изначально. Он получил ее от своих предков, можно сказать, на генетическом уровне, и теперь не знает, что с ней делать. В письме Даше он пишет: «Я пробовал везде свою силу. Вы мне советовали это, “чтоб узнать себя”. На пробах для себя и для показу, как и прежде во всю мою жизнь, она оказалась беспредельною. На ваших глазах я снес пощечину от вашего брата; я признался в браке публично. Но к чему приложить эту силу — вот чего никогда не видел, не вижу и теперь» (X, 514).

⁵ Свистунов П.Н. Указ. соч. С. 183.

⁶ Здесь можно отметить литературную игру. Читатели журналов 1871 г. должны были в апреле еще хорошо помнить январскую публикацию и легко опознать источники рассуждений хроникера о Луине. Такой переход от текстовой к затекстовой реальности порождал иллюзию живой хронологии.

М.С. Лунин.
Акварель
Н.А. Бестужева.
1836 г.

Как писал Ю.М. Лотман, «тот, кто подвержен стыду, не подвержен страху, и наоборот»⁷. Если Лунин борется с собственным страхом и выходит из этой борьбы победителем, то Ставрогин пытается избавиться от стыда. Он испытывает «упоение <...> от мучительного сознания низости» (XI, 14). В этом ему видится не просто своеобразное наслаждение, но и «какая-то новая мысль: если бы сделать злодейство или, главное, стыд, то есть позор, только очень подлый и ... смешной, так что запомнят люди на тысячу лет и плевать будут тысячу лет...» (X, 187).

Такое преступление для своего героя Достоевский нашел не сразу. Возможно, что изначально планировалось убийство матери. В одной из ранних редакций была вписана фраза «Сын убил мать» (XI, 67). Но Достоевский почти сразу же отказался от этого мотива, сделав его всего лишь метафорой: «Князь хочет трудиться (Князь-гордец!) и убивает этим мать свою» (XI, 98). Далее эта метафора приобретает более глобальный характер и распространяется на нигилистов, которые «деньги взяли за то, что обязались зарезать мать свою (Россию)» (XI, 147)⁸. В окончательный текст этот мотив не вошел. Вместо убийства матери герой Достоевского должен был изнасиловать и довести до самоубийства девочку. Однако ввиду того что

⁷ Лотман Ю.М. О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2010. С. 665.

⁸ Любопытно отметить переключку этих слов со словами В.А. Жуковского о декабристах, написанными через два дня после восстания на Сенатской площади: «Презренные злодеи, которые хотели с такою безумною свирепостию зарезать Россию» (Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 13. М., 2004. С. 244).

глава «У Тихона» не вошла в окончательную редакцию романа, читателю до публикации этой главы оставалось лишь догадываться, какое преступление совершил Ставрогин.

Для понимания психологии героя важно не само преступление, а то, как оно им воспринимается. Ставрогин впервые в жизни испытал чувство страха. Умозрительная идея, заключающаяся в совершении постыдного преступления и затем бесстыдного его обнародования, полностью разрушается, и герою становится страшно. Иными словами, освобождая себя от стыда, Ставрогин попадает под власть страха: «Я никогда не чувствовал страха и, кроме этого случая в моей жизни, ни прежде, ни после ничего не боялся. И уж особенно Сибири, хотя и мог быть сослан не однажды. Но в этот раз я был испуган и действительно чувствовал страх, не знаю почему. В первый раз в жизни, — ощущение мучительное» (XI, 17).

Достоевский наделил Ставрогина глубоким пониманием причин деградации русской аристократии. В черновиках романа эти идеи образуют целостную систему взглядов. Князь, прообраз Ставрогина, суть преобразования Петра I видит в том, что «он взял камень, плотно лежавший, и ухитрился его поставить на кончик угла. Мы на этой точке стоим и балансируем. Ветер дунет, и полетим. И чем дальше, тем хуже, потому что до того уже далеко от национального начала ушли, что и потребности воротиться не ощущаем, не понимаем даже, что оно значит и для чего надо быть самостоятельным. Не понимаем даже, для чего надо свою почву любить» (XI, 156 — 157). Петровская реформа прошла по верхним слоям общества, не затронув народ. Шатов, повторяющий идеи Князя, говорит: «Народ избавили от немецкой реформы и махнули на него рукой. Ему даже бороду позволили тотчас опять носить. Народ не сочли тогда чем-нибудь важным и стали смотреть на него как на материал и плательщиков подушной. Народ *непосредственно* избавили с самого начала от реформы и предпочли смотреть на него как на материал. Опекали его сильно, это правда, но внутреннюю, собственную жизнь его ему оставили целиком, и хоть много он пострадал, но кончил тем, что страдание свое возлюбил. Но весь верхний слой России кончили тем, что переродились в немцев, и оторвавшиеся кончили любовью к немцам и презрением и ненавистью к своим» (XI, 112).

Русский европеизм для Достоевского ассоциируется с духовным рабством («наш либерал прежде всего лакей и только и смотрит, как бы кому сапоги вычистить» — XI, 169) и ленью («европейничание первым делом несет с собою лень, ничего неделание, снимает обязанности и заботы, отнимая инициативу и предлагая копировку, тупость, лакейство мысли» — XI, 157). Русский дворянин, получив материальную свободу, стал духовным рабом,

а русский крестьянин, закабаленный экономически, сохранил духовную свободу. История в целом, по мнению Достоевского, движется духовным, а не материальным началом. Экономическая независимость еще не делает человека свободным, точно так же как экономическое порабощение не может духовно независимого человека превратить в раба. Поэтому «дело не в промышленности, а в нравственности, не в экономическом, а нравственном возрождении России» (X, 196). В этой связи сама идея декабристов освободить народ представляется Достоевскому не только праздной, но и абсурдной. Раб не может освободить свободного человека. Да и народ не принял бы от декабристов свободы. Один из черновых героев, Ш<апошни>ков, говорит: «Бьюсь об заклад, что декабристы непременно бы освободили тотчас русский народ, но непременно без земли — за что им непременно сейчас же народ свернул <бы> головы» (X, 88). Позже в «Дневнике писателя» за 1876 г. Достоевский уточнит, что декабристы просто бы не успели освободить народ, «Они исчезли бы, не продержавшись и двух-трех дней. Михаилу, Константину стоило показаться в Москве, где угодно, и всё бы повалило за ними». Восстание на Сенатской площади было, по мнению Достоевского, «диким делом, западническою проделкою, зачем мы не лорды» (XXIV, 82)⁹. Декабристов отличает «совершенное непонимание народа», в отличие от Пушкина, который «писал “по манию царя” еще до декабристов и понимал, в чем дело» (XXII, 143). История подтвердила правоту Пушкина. В черновиках «Бесов» Ш<апошни>ков, полемизируя с Грановским, говорит: «Вспомните тоже, что царь освободил народ, а не вы. Эта мысль у царей родилась, а декабристу Чацкому и в голову не приходила. Господи, а ведь они и не понимали, что цари не только их либеральнее и передовее, потому что цари всегда вместе с народом шли, даже при Бироне» (XI, 87). «Царь для народа есть воплощение души его, духа» (XI, 167).

Позже Достоевский откорректирует эту мысль своего героя и напишет, что и русским царям, «с Екатерины начиная», были свойственны «западнические проделки». «Но Екатерина была гениальна, а Александр — нет»

⁹ В другом месте «Дневника писателя» читаем: «Что такое 14 декабря? Бунт русских помещиков, пожелавших стать лордами, тем не менее к ним примкнуло всё великодушное и молодое» (XXIV, 146). Мысль о стремлении декабристов «стать лордами» перекликается с идеями Лунина, проводившего параллель между движением декабристов и событиями английской истории 1215 г., когда под давлением английских баронов на короля Иоанна Безземельного была подписана знаменитая Хартия вольностей: «Общество озаряет наши летописи, как союз Рюнимедский бытописания Великобритании». Отсюда делается малоутешительный вывод: «В несколько веков нашего политического быта мы едва придвинулись к той черте, от которой пошли англичане» (Лунин М.С. Письма из Сибири. М., 1987. С. 54, 66).

(XXIV, 82). Таким образом, создается единое национальное пространство, объединяющее в себе народ, монархию и дворянство. В этом плане декабристы, несмотря на их «необразованность, потребность впутаться, мерзавца, как Пестель, считать за человека», являются лучшими представителями русского дворянства. С их исчезновением «исчез как бы чистый элемент из дворянства» (XXIV, 82).

Ставрогин – в представлении Достоевского – последний представитель русской европеизированной аристократии. Это обстоятельство открывает перед ним возможность подвести черту, понять трагедию сословия, к которому он принадлежит. Но одно понимание, не подкрепленное верой, оборачивается его личной трагедией. Он оказывается перед любимым Достоевским образом двух бездн – совершенной верой и совершенным атеизмом, – не погружаясь ни в одну из них. Такое положение героя между верой и безверием интерпретируется апокалиптическим текстом: «И ангелу Лаодикийской церкви напиши: сие глаголет Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания божия: знаю твои дела; ни холоден, ни горяч; о если б ты был холоден или горяч! Но поелику ты тепл, а не горяч и не холоден, то изблюю тебя из уст моих» (XI, 11).

Мысли Князя в черновиках также приобретают апокалиптический смысл. С отменой крепостного права должны исчезнуть сословия, а вместе с ними и революции: «Бунты могли быть, лишь когда существовали сословия: московский, 14 декабря (народ всегда восстанав<лива> это). С освобождением крестьян кончилось всё. <..> Россия есть лишь олицетворение души православия (раб и свобода). Христианство. В ней живут крестьяне» (XI, 167).

Про Ставрогина можно сказать, как и про князя Мышкина, что он «последний в своем роде». «Вы барич, последний барич», – говорит ему Шатов. На Ставрогине заканчивается история русской аристократии. Барство уже не может существовать ни экономически, так как лишено возможности присваивать крепостной труд, ни нравственно, так как, по мнению Достоевского, должно осознать гибельность для России европейского пути.

***

В 1892 г. Лев Толстой написал Н.Н. Страхову, что в героях Достоевского, «исключительных лицах, не только мы, родственные ему люди, но иностранцы узнают себя, свою душу, чем глубже зачерпнуть, тем общее всем, знакомее, роднее»¹⁰. Поэтому не стоит удивляться, обнаруживая потомков Ставрогина в иноязычных культурах.

¹⁰ Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 19. М., 1984. С. 250.

Эскиз
М.В. Добужинского
к спектаклю «Николай
Ставрогин» по роману
Ф. М. Достоевского
«Бесы».
1913 г.

В 1969 г. на экраны вышел фильм Лукино Висконти «Гибель богов». Режиссер, по его словам, свою задачу видел в том, чтобы «рассказать историю семьи немецких сталепромышленников в годы, когда к власти пришли нацисты»¹¹. Главный герой, Мартин фон Эссенбек, показан как сексуальный извращенец. По сценарию, «он по-детски назойлив. Порочный и озлобленный, но его злоба какая-то вялая, старческая и одновременно сатанинская»¹². Потеряв отца в раннем возрасте, Мартин стал объектом подавления и манипуляций со стороны матери и ее любовника Фредерика, управляющего заводом Эссенбеков. «Родство» Мартина со Ставрогиным проявляется в сцене изнасилования еврейской девочки. Этот эпизод Висконти, по его словам, «снимал под впечатлением исповеди Ставрогина»¹³. Как и Ставрогин, Мартин сам рассказывает о своем преступлении, и так же испытывает сильный страх, без малейшего чувства стыда. Но если у Ставрогина это страх перед разверзшейся бездной греха, то у Мартина это детский страх наказания.

Поведение Мартина легко поддается фрейдистскому анализу, на что неоднократно обращали внимание критики. Сам Висконти считал это не главным: «Фрейда можно увидеть везде и во всем, в том числе и в этом фильме»¹⁴. Здесь возможна и другая интерпретация. Мартин живет в мире насилия. Это единственный доступный ему культурный язык. Поэтому

¹¹ Висконти о Висконти. М., 1990. С. 139.

¹² Там же. С. 28.

¹³ Там же. С. 152.

¹⁴ Там же.

пробудившаяся в нем природная сексуальность находит выражение на языке насилия, а не любви. На этом же языке строятся его отношения с матерью. Вместо любви в нем живет желание убить ее, что отражается в его детских рисунках.

Служба в СС переворачивает мир Мартина. Теперь он получает возможность подавлять тех, кто подавлял его. Он насилует свою мать, а затем убивает ее и отца. В условиях нацистского государства для Мартина все складывается хорошо. Он окончательно убеждается в полной безнаказанности. Однако нацизм делает ставку не на таких идиотов, как Мартин. Ему всего лишь отводится низменная роль «ядовитой змеи». Более сложный случай представляет его двоюродный брат, семнадцатилетний Гюнтер, — талантливый музыкант, человек искусства, интеллектуал. Он ненавидит нацизм изначально, но постепенно заражается им. В роли совратителя выступает ээсовец Ашенбах, в котором критики склонны усматривать черты Петра Верховенского. Гюнтер возненавидел свою семью, и теперь важно, куда будет направлена его ненависть. И здесь руководить им берется Ашенбах: «Ненависть, Гюнтер... у тебя есть ненависть. Молодая ненависть... чистая... абсолютная... Но будь осторожен. Этот кладезь гнева и энергии слишком огромен, чтобы превращать его в повод для личной мести... Это была бы слишком большая роскошь, бессмысленная трата времени... <..> Ты пойдешь со мной, Гюнтер. Мы научим тебя владеть этим твоим беспредельным богатством, использовать его как можно правильнее»¹⁵.

Злоба, ненависть плюс извращенность становятся психологической почвой для нарождающегося нацизма.

В Ставрогине Достоевский изобразил человека, в котором также накопилось много злобы, особенно в сравнении с его «предками»: «В злобе, разумеется, выходил прогресс против А-на, даже против Лермонтова. Злобы в Николае Всеволодовиче было, может быть, больше, чем в тех обоих вместе, но злоба эта была холодная, спокойная и, если можно так выразиться, *разумная*, стало быть, самая отвратительная и самая страшная, какая может быть» (X, 165).

Однако, в отличие от своих «потомков», Ставрогин не может найти применение своей злобе. Петр Верховенский хотел бы управлять ею, как Ашенбах берется управлять ненавистью Гюнтера, но у него явно не те возможности, что у нациста, находящегося у власти. Свое нежелание иметь дело с революционерами Ставрогин объясняет тем, что все-таки имеет «привычки порядочного человека» (X, 514).

¹⁵ Там же. С. 129.

Фильм Висконти охватывает незначительный исторический промежуток: от поджога рейхстага до «ночи длинных ножей» (1933 — 1934 гг.). Режиссера интересовал сам процесс зарождения нацизма. Зритель расстается с главными героями фильма в момент, когда они только лишь вступают в мир надвигающегося страшного зла. «Мартин и Гюнтер, — говорит Висконти, — представляют собой тех, кто довел нацизм до кульминационной точки, до Второй мировой войны, гибели целого мира, “окончательного” решения еврейского вопроса, до взятия Берлина, до самоубийства в бункере Гитлера и уничтожения его канцелярии»¹⁶.

В этих словах уже заложена тема нового произведения искусства, в котором бы отразились кульминация и итоги нацистского режима. Такое произведение сравнительно недавно увидело свет. Речь идет о романе франко-американского писателя, имеющего русские корни, Джонатана Литтелла «Благовоительницы»¹⁷. Главный герой романа, Максимилиан Ауэ, совмещает в себе черты Мартина и Гюнтера. Как и Мартин, он обременен комплексами, идущими из детства. В период полового созревания у него были инцестуальные связи с сестрой-двойняшкой. Застигнутый за этим занятием матерью, он стал объектом резких оскорблений: «Сцены следовали одна за другой, моя мать называла меня *свиньей* и *дегенератом*» (190). Оскорбления и унижения усиливаются во время учебы героя в закрытом колледже, где издевательства старших учеников над младшими носят характер сексуальных домогательств. Такое воспитание, наложенное на соответствующую наследственность (о чем речь ниже), превратило героя Литтелла, как и героя Висконти, в полового извращенца и нравственного уродца, не способного различать добро и зло. Как и Мартин, Ауэ ищет компенсации в службе в СС. Как и Мартин, он убивает свою мать и отчима.

Возможно, сам автор «Благовоительниц» провоцирует в читателе психоаналитическое понимание характера главного героя. Его любимым произведением является «Электра» Софокла. Роль главной героини он исполнял в любительской постановке на сцене колледжа. Как и Электра, Ауэ испытывает любовь к отсутствующему отцу и ненависть к матери и отчиму.

Другая сторона личности Ауэ соотносится с Гюнтером. Как и Гюнтер, Ауэ — человек высокой культуры. Он прекрасно образован. У него диплом доктора права, он знаток античной литературы и философии, тонкий ценитель музыки и т. д. Но, как и в случае с Гюнтером, эти свойства не препятствуют нравственному падению героя.

¹⁶ Висконти о Висконти. С. 144.

¹⁷ *Littell Jonathan*. Les Bienveillantes. Gallimard, 2006. (Далее ссылки на это издание в тексте с указанием страниц).

Ауэ не только совмещает в себе черты двух героев Висконти, но и напрямую соотносится автором со Ставрогиным. Вообще насыщенность этого французского романа цитатами из русской классики буквально бросается в глаза. Критики особенно выделяют важность цитатного пласта из Достоевского, узнаваемого, по словам Ж. Нива, до подробностей¹⁸. Особенно показательна в этом отношении одна из финальных сцен романа.

27 апреля 1945 г. Бои идут уже на улицах Берлина. Гитлер (через три дня он покончит с собой) у себя в бункере награждает офицеров СС. Повествование ведется от имени главного героя, оберштурмбаннфюрера СС Максимилиана Ауэ: «Фюрер приближался, и я продолжал за ним наблюдать. И вот он встал передо мной. Я с удивлением отметил, что его фуражка едва достает до уровня моих глаз, и это притом что я небольшого роста. Бормоча свой комплимент, он на ощупь искал медаль¹⁹. Его едкое и зловонное дыхание окончательно вывело меня из себя. Вынести это было невозможно. С горькой усмешкой я протянул руку и двумя согнутыми пальцами схватил его за нос и слегка потрянул его голову, как это делают с ребенком, который плохо себя ведет. Даже сегодня я все еще не могу объяснить, зачем я это сделал. Я просто не мог сдержаться» (880 — 881). В интернет-издании дается несколько иной вариант: «Тогда я наклонился и до крови укусил его за его шишковатый нос (*nez bulbeux*)». Издательский вариант отсылает к поступку Ставрогина по отношению к Гаганову-старшему, которого он протащил за нос. Электронная версия как бы объединяет в себе оба «подвига» Ставрогина: случай с Гагановым и случай с губернатором Иваном Осиповичем, которого Ставрогин кусает за ухо.

Вся эта сцена, видимо, нужна была автору для того, чтобы подчеркнуть преемственную связь своего героя с героем Достоевского. Как и Ставрогин, Макс Ауэ стоит выше своей среды. Им обоим свойствен гамлетизм. Князь (Ставрогин), по словам самого Достоевского, «мрачный, страстный, демонический и беспорядочный характер, безо всякой меры, с высшим вопросом, дошедшим до “быть или не быть”» (XI, 204). Гамлетовский антураж есть и у Ауэ: подобно шекспировскому герою, он говорит о расшатавшемся веке (*autours de moi le monde entier basculait*) и тоже решает вопрос «быть или не быть». Но, в отличие от Ставрогина, он не кончает с собой, а остается жить. Правда, между самоубийством Ставрогина и отказом от самоубийства Ауэ нет принципиальной разницы. Оба они не видят в самоубийстве решения своих проблем.

¹⁸ Нива Ж. Эринии Литтелла — судьбы или судимые? // Иностранная литература. 2008. № 12. См. также: Зенкин С.Н. Джонатан Литтелл как русский писатель // Литтелл Дж. Благоволительницы. М., 2012. С. 786 — 799.

¹⁹ Речь идет о военном ордене Немецкого креста I степени (золотом).

Обложка романа
«Благоволительницы».

Ставрогин: «Я знаю, что мне надо бы убить себя, смести себя с земли как подлое насекомое; но я боюсь самоубийства, ибо боюсь показать великодушие. Я знаю, что это будет еще обман — последний обман в бесконечном ряду обманов. Что же пользы себя обмануть, чтобы только сыграть в великодушие? Негодования и стыда во мне никогда быть не может; стало быть, и отчаяния» (X, 514).

Ауэ: «Самоубийство, конечно, тоже выход. Но, по правде сказать, оно меня мало прельщает. Я об этом, само собой разумеется, давно думал, и если бы я решил к этому прибегнуть, то вот как я это сделал бы: я прижал бы к сердцу гранату и покинул бы этот мир с радостным треском. Прежде чем отпустить скобу, осторожно вынул бы чеку из маленькой круглой гранаты и улыбнулся, услышав негромкий звук пружинного механизма. Не считая сердцебиения это было бы последнее, что я услышал. Затем полное счастье или, во всяком случае, покой и стены моего кабинета, украшенные моими ошметками. Навести порядок — это уже дело уборщиц — им за это платят — тем хуже для них. Но, как я уже сказал, самоубийство меня не прельщает. Я не знаю почему. Впрочем, может быть, из старой философской морали, которая, несмотря ни на что, заставляет меня повторять, что мы здесь не для забавы. Тогда для чего же? Я этого не знаю, возможно, для того, чтобы продолжать жить, вероятно, чтобы убивать время, пока оно не убьет тебя» (11 — 12).

Близкие по сути размышления о самоубийстве двух героев вскрывают их безразличное отношение к факту собственного существования. Оба они как бы не живут. Лицо Ставрогина «действительно походило на маску»,

как выражались некоторые из злоязычных дам нашего общества» (X, 145), а сам он «вежлив был так, как кавалер с модной картинки, если бы только тот мог заговорить» (X, 40). Ауэ также напоминает автомат, а не человека. Это особенно хорошо видно в эпизоде, когда он добывает недостреленную еврейскую девушку. Жертва, уже почти неживая, сохраняет все признаки жизненной красоты, в то время как Ауэ сам себе представляется обыкновенной куклой (*vulgaire poupée*), набитой опилками (126).

Самоубийство Ставрогина, в отличие от хорошо продуманного самоубийства Кириллова, не является попыткой ни кому-то что-то доказать, ни даже поставить точку в решении своих проблем. Более того, из его предсмертного письма Даше вовсе не следует, что он собирается свести счеты с жизнью. Что же касается Ауэ, то он, не совершая самоубийства, подводит черту под своей прошлой жизнью убийством своего друга и благодетеля гестаповца Томаса Хаузера. После этого он меняет имя, национальность, профессию и даже сексуальную ориентацию.

Ставрогин, хотя и потерял, по словам Шатова, «различие зла и добра» (X, 202), готов отвечать за свои преступления или, во всяком случае, не оправдывает себя: «Я ни средой, ни болезнями безответственности в преступлениях моих искать не хочу» (XI, 14). Но преступления Ставрогина блекнут рядом с преступлениями эсэсовского интеллектуала. Ауэ — двойной преступник. Во-первых, он ответствен за геноцид и, если бы предстал перед трибуналом, был бы повешен. Но кроме этого, он преступник перед нацистским государством. Он вступает в инцест со своей сестрой, затем становится гомосексуалистом, что, согласно указу Гитлера «О поддержании нравственности в СС и полиции», каралось смертной казнью (164). Он убийца собственной матери (мотив, отброшенный Достоевским, в романе Литтелла, как и в фильме Висконти, стал краугольным камнем), а также своего отчима.

Преступления Ставрогина — следствие «той вековой, священной тоски, которую иная избранная душа, раз вкусив и познав, уже не променяет потом никогда на дешевое удовлетворение» (X, 35). Эта тоска, внушенная юному Ставрогину его наставником Степаном Трофимовичем Верховенским, в свою очередь, стала следствием трагического разрыва с собственным народом.

Склонность к садизму у Макса Ауэ заложена на генетическом уровне. Его отец был «сорвавшийся с цепи зверь, человек без веры и тормозов». Во время Первой мировой войны «он приказывал распинать на деревьях изнасилованных женщин и собственноручно бросал живых детей в горящие амбары. Пленных врагов он отдавал своим людям, обезумевшим зве-

рям, и смеялся и пил, глядя на их мучения» (807 — 808). Своего отца Ауэ почти не помнит. Тот бросил семью, когда Макс был еще ребенком. Поэтому можно говорить лишь о генетической наследственности, формирующее воздействие которой на личность оказалось сильнее воздействия культуры. Свойственная герою привычка к систематическому чтению и любовь к литературе, выработанная с детства, не выправили ситуацию. Скорее, как и в Ставрогине, культура обострила в нем ощущение тоски (*spleen*) и одиночества. Тоска воспринимается Ауэ как своего рода защитная реакция против темных сторон своей психики — «занавес, опущенный разумом, чтобы скрыть грязный животный инстинкт» (316). Выход из одиночества Ауэ ищет в нацизме. Ставрогин сближается с революционерами. Причем оба они играют в этих сферах интеллектуальные роли. Ауэ пишет проекты и аналитические записки для руководства СС. Ставрогин — устав революционной организации.

«Предки» Ставрогина, по мнению Достоевского, не ощущали, в отличие от него, весь трагизм разрыва со своим народом. Даже народолюбие Чацкого, о котором речь идет в черновиках, не вызывает у Достоевского серьезного отношения. По его мнению, герой Грибоедова приходит в отчаяние не от отсутствия связи с народом, а «от московской жизни высшего круга, точно кроме этой жизни в России и нет ничего. Народ русский он проглядел, как и все наши передовые люди, и тем более проглядел, чем более передовой» (XI, 87).

По-настоящему трагедию раскола аристократии и народа осознал Ставрогин. Он понял то, чего не понимали его предки: нельзя верить в Бога, не любя свой народ, и нельзя любить свой народ, не веря в Бога. Получился замкнутый круг, из которого Ставрогин не может найти выход. Эти идеи он внушает Шатову, и тот принимает их в догматически упрощенной форме. По словам Ставрогина, «у всякого народа свое собственное понятие о зле и добре и свое собственное зло и добро. Когда начинают у многих народов становиться общими понятия о зле и добре, тогда вымирают народы и тогда самое различие между злом и добром начинает стираться и исчезать». И далее: «Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенною ролью в человечестве или даже с первостепенною, а непременно и исключительно с первою» (X, 199 — 200).

Критики «Бесов» не могли пройти мимо подобных суждений. Мережковский писал о них как о «национально-исключительном, суженном, “обрезанном” жидовствующем православии самого Достоевского»: «Мы думали, что христианство — истина вселенская; но вот оказывается, что христианство — истина одного народа избранного, русского народа-богоносца,

нового Израиля»²⁰. Связь этих ставрогинских идей с черносотенством отмечали С.Н. Булгаков²¹ и Н.А. Бердяев²².

Доктор Ауэ «наследует» эти идеи, правда, в несколько модифицированном виде. Он не только заменяет русский народ немецким, но и подводит под народность не теологическую, а юридическую основу. Ему, в отличие от Ставрогина, не надо верить в Бога, чтобы поверить в немецкий народ. Поэтому вопрос, который пытаются решить Шатов и Ставрогин: *народ есть Бог* или *Бог есть народ*, для Ауэ не имеет значения. Он скорее склонен видеть здесь альтернативу: либо народ, либо Бог. Для него важно то, что в рейхе немецкий народ (*Volk*) является источником права. В этом он видит особое достижение национал-социализма, сумевшего подвести историческую основу под абстрактное понятие нации. Изначально в качестве правовой референции выступала воображаемая идея всемогущего и невидимого Бога. С появлением королей эта абстрактная идея воплотилась в физическом лице. Короли стали «суверенами божественного права» (*souverain de droit divin*). Так продолжалось до французской революции. «Когда король лишился головы, суверенитет перешел на Народ или Нацию и утвердился на фиктивном “договоре”, лишенном исторической или биологической основы и в итоге стал таким же абстрактным, как и идея Бога» (544). «Ошибка» французских революционеров заключалась в том, что они изобрели «наднациональное абсолютно мифическое право» (522) и тем самым как бы вернулись к божественному праву. Только место Бога занял народ. Это близко к тому, что проповедует наученный Ставрогиным Шатов. Достижение национал-социализма, по мнению Ауэ, в том, что абстрактную идею нации он закрепил на исторической основе. Сувереном стал не просто народ, а немецкий народ, наиболее полным воплощением которого является фюрер. «Этот человек никогда не говорил от своего собственного имени, случайные черты его личности мало что значили. Он играл роль оптического фокуса, улавливая и сосредоточивая волю народа (*Volk*), чтобы направлять ее в надлежащую точку» (636).

Поскольку фюрер наиболее точно выражает идею народа, все представители этого народа обязаны ему подчиняться. Другой морали не существует. Люди, основывающие мораль не на приказах фюрера, а на религии, для Ауэ являются предателями своего вождя и своей страны (545). Вне немец-

²⁰ Мережковский Д.С. Пророк русской революции (К юбилею Достоевского) // Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С. 326.

²¹ Булгаков С.Н. Русская трагедия // Булгаков С.Н. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 519.

²² Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 72.

кого народа конституционное право не действует, что освобождает немцев от каких-либо ограничений в отношении других народов. Если исключительность русского народа Шатов обосновывает религиозно (русский народ как хранитель единственно правильной веры), то исключительность немецкого народа национал-социалисты основывают на расовой и языковой теориях. В романе выведен лингвист Фосс, который излагает эти теории и разоблачает их абсурдность. На вопрос Ауэ: «Что вы можете сказать о понятии “первородный”?», — Фосс отвечает: «Первородный — это фантазм, скорее психологические или политические претензии, чем научная концепция. Возьмите, например, немецкий язык. Еще до Мартина Лютера утверждали, что это первородный язык, так как, в отличие от романских языков, он не имеет заимствованных корней. Бред некоторых теологов доходил до того, что они утверждали, что Адам и Ева говорили по-немецки и что иврит появился позже. Это представление полностью иллюзорно, даже если корни кажутся автохтонными, так как в действительности он непосредственно происходит от индоевропейских языков кочевников. Что касается нашей грамматики, то она полностью структурирована латынью. Тем не менее в нашем культурном воображении эти идеи очень прочно укоренились благодаря отличительной способности немецкого языка пополнять лексический запас за счет собственных корней. <..> Это нас слишком далеко заводит в представлениях о самих себе: *Deutschland* — единственная страна в Европе, название которой не происходит ни от названия местности, ни от названия народа, как, например, у англичан или французов. Это страна «народа как такового». *Deutsch* — это адъективная форма от старонемецкого *Tuits*, “народ”. Именно поэтому все наши соседи нас называют по-разному: *Allemands*, *Germans*, *Duits*, *Tedeschi* по-итальянски, что происходит от *Tuits*, или *Niemtsy*, как здесь в России, что буквально означает “немые”, те, кто не умеет говорить, совсем как *Barbaros* по-гречески. В любом случае наша расовая идеология и современная *völkisch* строятся на этих очень старых немецких притязаниях» (252 — 253).

Эти «старые немецкие притязания» очень напоминают лингвистические взгляды А.С. Шишкова и его последователей, в частности Пестеля. Вполне возможно, что каким-то образом они в свое время на них повлияли. Но если в истории русской культуры шишковисты остались как некий лингвистический курьез, то в нацистской Германии эти идеи обернулись большой кровью.

Ауэ соглашается с правовой стороной нацизма, основанной на парности *Volks — Führer*, но не может заставить себя до конца поверить в мировоззрение нацизма, подобно тому как Ставрогин не может заставить

себя поверить в Бога: «Наша пропаганда постоянно твердила, что русские *Untermenschen*, недочеловеки, но я отказывался в это верить» (101).

Самые страшные преступления Ауэ — не те, которые он совершает против немецких законов (инцест, гомосексуализм, убийства близких и т. д.), а те, которые он совершает, несмотря на недостаток собственной веры в нацизм, выполняя свой нацистский долг, во имя народа (*Volk*): участие в массовых расстрелах, уничтожение людей в лагерях, газовых камерах и т. д.

Все индивидуальные преступления так или иначе мотивированы. Инцест и гомосексуализм — это извращения, на грани преступности и заболевания. Убийство матери он совершает после ранения в голову в беспмятстве. Он ее ненавидит, но само убийство случайно. Убийство друга и благодетеля Ауэ совершает ради спасения собственной шкуры. Но у этого благодетеля, штандартенфюрера гестапо, у самого руки в крови, и по нему плачет эшафот. Преступления, которые Ауэ совершает как эсэсовец, для него не имеют внутренней мотивации. В этом он близок к Ставрогину. Тот насилует четырнадцатилетнюю девочку не потому, что он педофил. Ставрогин полностью осознает всю мерзость и позор своего поступка. Но он, как и Раскольников, желает испытать себя. Сможет ли он вынести весь позор своего преступления, огласив его публично и при этом не раскаявшись?

Максу Ауэ не доставляет удовольствия истреблять евреев. Классифицировав со свойственным ему педантизмом эсэсовских палачей по их отношению к массовым убийствам, он не находит себе места ни в одной из групп. Но он делает сознательный выбор в пользу национал-социализма. Ауэ — немец лишь наполовину, по отцу. По материнской линии он француз, и его довоенная жизнь примерно поровну делится между Германией и Францией. Его выбор Германии определяется не только семейными отношениями (он ненавидит мать-француженку и, как ему кажется, любит отца), но и идеологией. Его больше привлекает нацизм, чем принципы 1789 г. Сам он объясняет это радикальностью своего мышления: «Я всегда стремился мыслить радикально. Теперь, когда Государство, Нация также выбрали радикальное и абсолютное, мог ли я именно в этот момент повернуться спиной, сказать нет и предпочесть в конечном счете буржуазный комфорт и относительную безопасность общественного договора? Конечно, это было невозможно. И если радикальность оборачивалась пропастью, а абсолютное — абсолютным злом, тем не менее нужно было, по моему глубокому убеждению, идти до конца с широко открытыми глазами» (95).

Столь же радикально мыслит и Ставрогин. Он готов быть либо святым, либо преступником. Середины для него не существует. При этом если зло, на которое сознательно идет Ауэ, есть результат его желания полностью

Издание романа
Ф.М. Достоевского
«Бесы».
1873 г.

слиться с избранным народом, то зло, совершаемое Ставрогиным, есть результат его разрыва со своим народом. Но, погружаясь в мир зла, оба героя продолжают носить в своей душе некий идеал человеческого существования. У Ставрогина — это миф о золотом веке по сюжету картины Клода Лоррена «Асис и Галатея». У Ауэ более земные представления об идеале. Он бы хотел заниматься литературой: писать или преподавать, «лишь бы жить среди прекрасных и тихих вещей — великих творений человеческого духа. <..> А еще я бы хотел играть на пианино» (28).

Есть определенное сходство и в самой поэтике персонажей. Оба они даны как бы в системе зеркал. Повествование в одном случае от хроникера, а в другом от первого лица исключает прямые авторские характеристики. Ставрогин раскрывается через отношения к нему других персонажей. Внешне это хорошо воспитанный молодой человек. О его второй, тайной, жизни разные персонажи осведомлены в разной степени, и читателю предлагается как бы собрать мозаику из приоткрывающихся подробностей его преступной биографии. При этом каждый что-то знает, о чем-то догадывается, но никто не имеет полной картины. Широкий диапазон рецептивных стереотипов: принц Гарри, Иван-царевич, Гришка Отрепьев и т. д. — затрудняет формирование определенного читательского восприятия.

В романе-исповеди «Благоволительницы», казалось бы, такой принцип выдержать невозможно, так как единственный способ раскрытия героя — это самораскрытие. Тем не менее герой-рассказчик сознательно стремится показать себя не с лучшей или худшей стороны, а многосторонне. И дело здесь не в банальном стремлении к объективности, а в самом понимании

природы человека. По мнению Ауэ, «если человек по своей природе и не добр, как этого хотелось бы некоторым поэтам и философам, то он и не зол. Добро и зло — категории, которые существуют лишь применительно к действиям одного человека по отношению к другому. Но они абсолютно неприменимы и бесполезны, когда приходится судить о происходящем в человеческом сердце» (544). Если у Достоевского «дьявол с богом борется, а поле битвы — сердца людей», то, с точки зрения персонажа Литтелла, добро и зло перемалываются в сердце человека в некую единую массу, не подлежащую нравственному суду. Отсюда вывод: «Бесчеловечного, простите меня, не существует. Есть только человеческое и еще раз человеческое» (542). Если это перевести на язык Достоевского, то получится, что дьявол и Бог не борются в сердце человека, а заключили там союз. Поэтому добро и зло раскрываются лишь через взаимоотношения людей. Для того чтобы подвергнуть самого себя нравственному суду, Ауэ приходится раздваиваться и ощущать себя одновременно актером, играющим роль, и зрителем, критически оценивающим его игру: «Все мои поступки становились спектаклем для меня самого. Само мое мышление (*réflexion*) было лишь одним из способов самолюбования. Бедный Нарцисс, красующийся перед собой, но не обманывающийся на свой счет» (414). Это театр одного актера и одного зрителя. Единственным человеком, который мог выводить Ауэ из этого тупика (*impasse*), была его сестра Уна в период их половой близости. Когда они расстались, Ауэ продолжал смотреть на себя ее глазами. Но при этом он прекрасно понимал, что это иллюзия и взгляд на самого себя, который он принимал за взгляд сестры, на самом деле был его собственным взглядом. Желание во что бы то ни стало сохранить в себе свою сестру стало причиной его гомосексуализма. Он хотел испытать то, что испытывала Уна с ним, и тем самым сохранить этот «театр» внутри себя.

Если читатель «Бесов» с трудом может составить целостное представление о Ставрогине — его облик ускользает от однозначных оценок, — то герой Литтелла, взявшись рассказывать о себе, сам не может дать точный ответ на вопрос, «что же он такое». Всю жизнь чувствуя на себе «внешний взгляд, эту критическую видеокамеру» (414), он утратил собственную идентичность. И поэтому не может представить себя читателю так, как он считал бы нужным. Он чувствует усталость и разочарование, но не испытывает ни раскаяния, ни угрызений совести. То же самое можно сказать и о Ставрогине.

Ставрогин, по замыслу Достоевского, потерял всё: свой народ, народность, веру и Бога (XIX, 145). Но, в отличие от Петра Верховенского, который также всего этого лишен, Ставрогин наделен, опять же по словам Достоевского, «совестливостью», позволяющей ему осознать трагизм и бе-

зыхсходность своего существования. Животными являются Верховенский и его компания. Они не бесы²³, как это часто представляют, а свиньи, в которых бесы вселились, выйдя из человека: «Бесы вышли из русского человека и вошли в стадо свиней, то есть в Нечаевых, в Серно-Соловьевичей и проч. Те потонули или потонут наверно, а исцелившийся человек, из которого вышли бесы, сидит у ног Иисусовых» (XIX, 145).

Ауэ при всех творимых им мерзостях тоже остается человеком. Вряд ли можно согласиться с Ж. Нива, утверждавшим: «герой “Благовольтель-ниш” — даже не Великий Грешник, а обыкновенное животное, оказавшееся в угопающем в грязи и крови Берлине»²⁴. Человеческое и животное начала в нем не борются друг с другом, а вполне мирно сосуществуют, что уже заявлено в его жизненном кредо: «Единственно необходимыми вещами для жизни человека являются воздух, пища, питье, испражнения и поиск истины. Остальное факультативно» (13). Ауэ действительно ищет истину. Чтение является для него жизненной потребностью, но оно не делает его лучше. Отрицая онтологический характер добра и зла, Ауэ приходит к парадоксальному на первый взгляд выводу, что в садизме эсэсовцев проявляется не животное начало, а именно человеческая природа: «Беспричинный садизм, неслыханная жестокость, с которыми некоторые люди обращались с заключенными перед их казнью, были не чем иным, как проявлением чудовишной жалости, ощущаемой ими и, за неимением возможности проявиться как-то иначе, обращенной в бессильную и беспричинную ярость, почти неизбежно направленную против тех, кто был ее первопричиной. Массовые казни на Востоке парадоксальным образом доказывают ужасное и нерушимое единство человеческого рода» (141 — 142).

Ущербность Ауэ в том, что поиск истины для него — чисто интеллектуальный процесс, лишенный нравственных ориентиров. Отсюда невозможность раскаяния и нравственного возрождения. Ставрогин уходит из жизни, потому что он не может покаяться, но он вовсе не отрицает саму необходимость покаяния. Ауэ продолжает жить в других условиях, но внутренне остается тем же самым. Он говорит о необходимости «душевной гигиены» (*hygiène mentale*), но эта процедура понимается им не как метафизическая, а как вполне эгоистическое желание проверить, способен ли он еще чувствовать и страдать: «Любопытное упражнение» (19).

В Ставрогине Достоевский стремился показать предел человеческого падения. М.М. Бахтин верно заметил, что «Печорин при всей сложности и

²³ Если они и бесы, то метонимически, а не метафорически. Метафорически они — библейские свиньи.

²⁴ Нива Ж. Указ. соч.

прогиворечивости по сравнению со Ставрогиным представляется цельным и наивным»²⁵. Продолжая эту мысль, можно сказать, что Ставрогин при всей его сложности и противоречивости по сравнению с Ауэ представляется цельным и наивным. Наивность Ставрогина на фоне его литературного «потомка» в том, что он верит в необходимость покаяния и нравственного возрождения. Ауэ уже не верит ни во что. Он если и считает себя преступником, то преступником поневоле, и наказание ищет не внутри себя, как герои Достоевского, а ждет его извне, подобно царю Эдипу.

Ауэ лишен демонического обаяния Ставрогина. Его преступления объясняются либо выполнением преступных приказов, либо неизжитыми детскими комплексами. Но в любом случае они лишены метафизических тонов, окрашивающих преступления Ставрогина. Его не мучают проблемы добра и зла, веры и безверия. Конфликты XX в., неизвестные Достоевскому и отразившиеся в романе Литтелла, высветили такие стороны в темных уголках человеческой души, о которых автор «Бесов» при всем его «реализме», видимо, не подозревал.

---

²⁵ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 343.

Ключевые слова:

Ф.М. Достоевский, Ставрогин, декабристы, Л. Висконти, Дж. Литтелл, нацизм.

Vadim S. Parsamov

NIKOLAI STAVROGIN

His “ancestors” and “descendants”

he article analyzes the “genealogical roots” of Stavrogin — the main character of Dostoyevsky’s novel “Demons”. Stavrogin’s “ancestors” belong to the Russian aristocracy of post — Peter the Great times. This socio-psychological layer, in the view of Dostoyevsky, evolved through the XVIII and the first half of the XIX century in the direction of the philosophy based upon national roots and disbelief. The immediate predecessors of Stavrogin in cultural and psychological terms, as shown in the drafts of the novel, are the Decembrists. In the final version, this motif is reduced to a typological comparison of Stavrogin and the Decembrist M.S. Lunin. Concerning Stavrogin, according to Dostoyevsky, he represented the completion of the process of moral degradation of Russian aristocracy, which had lost faith in God and the relationship with the natural environment. However, the social upheavals of the XX century gave rise to the idea of the possibility of further moral degradation. Artists of the second half of the XX and the beginning of the XXI century polemically, in relation to the image of Stavrogin, created types of criminals, not opposed to the public, but integrated, like Stavrogin, into its circle. The article shows how the features of Stavrogin “genetically” transformed into such characters like the protagonist of L. Visconti’s movie “The Damned”, Martin von Essenbek, and the hero of the novel by J. Littell, “The Kindly Ones”, Maximilien Aue. Both of these heroes — SS officers — are deprived of the demonic charm of Stavrogin, and the evil that they are doing is motivated not by metaphysical motives of disbelief but by mental complexes generated by childhood experiences and have developed, on the basis of Nazi Germany’s environment, producing the capabilities to compensate. By committing the crimes, they did not simply surpass the crime of Stavrogin. They are deprived of questions focused upon the nature of moral right and wrong, belief and disbelief that are so important for the Dostoyevsky hero.

 Парсамов Вадим Суренович

доктор исторических наук, профессор Российского государственного
гуманитарного университета

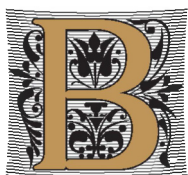

Я.А. Лазарев

«ЛАСКОВЫЙ ТЕЛОК ДВУХ МАТОК СОСЕТ»:

к вопросу о природе украинской государственности
во второй половине XVII — первой трети XVIII в.
(в порядке дискуссии с Т.В. Чухлибом)

современной украинской историографии середина XVII — первая треть XVIII в. оценивается как один из наиболее насыщенных периодов в развитии украинской государственности, которая сложилась в рамках «Украинской казацкой державы» / «Украинского гетманата» / «Гетманской Украины», раскинувшейся после 1648 г. на просторах восточных воеводств Речи Посполитой, обозначавшихся также в российском политическом лексиконе XVII — XIX вв. как «Малая Россия». Различные аспекты зарождения «казацкой державы», зигзаги ее развития и, наконец, упадка становились предметом изучения в многочисленных работах профессиональных историков. Тем не менее в их числе практически отсутствовали исследования, где на концептуальном уровне осмыслялись бы механизмы, обусловившие историчность данного образования¹. К сожалению, трудно назвать удачными предпринимавшиеся в отечественной историографии попытки создания социологических схем нахождения казацких земель в составе Российского государства в рассматриваемый период. В работах как обобщающего, так и специального

¹ Определенное исключение составляет монография В.А. Смолия и В.С. Степанкова (см.: Смолий В.А., Степанков В.С. Українська державна ідея XVII — XVIII століть: проблеми формування, еволюції, реалізації. Київ, 1997).

характера история Гетманской Украины помещается в довольно упрощенную схему некой имперской «унификации», естественной «жертвой» которой становились локальные автономии². При этом следует отметить, что эта схема базируется на весьма ограниченной историографической и документальной базе, а предпринимаемые реконструкции и выводимые концепты подчас вызывают сомнения³.

В этой связи особый интерес вызывает монография «Секрети українського полівасалітету» (2011) одного из ведущих и весьма плодовитых современных украинских историков Т.В. Чухлиба⁴. Данная книга была положительно встречена на Украине⁵. В своем исследовании Т.В. Чухлиб на современном этапе развития украинской историографии предложил оригинальную концепцию истории Гетманской Украины в контексте международных отношений середины XVII — конца 10-х гг. XVIII в. В работе не приводятся новые факты, касающиеся взаимоотношений гетманов и верхушки Войска Запорожского с правительствами иностранных держав, а также истории управления Гетманской Украиной в составе Российского государства. Однако монография заметно выделяется использованием значительного количества фундаментальных работ западных историков, а также широтой охвата и осмысления событий европейской социально-политической истории периода Средних веков и Раннего Нового времени. По сути дела, перед нами историко-социологическое исследование, в

² См., например: Западные окраины Российской империи / Ред. кол.: А. Миллер, А. Ремнев, А. Рибер. М., 2006. С. 33 — 62; Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории / Ред. кол.: А.И. Аксенов и др. М., 2011; Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть / Ю.А. Петров, А.И. Аксенов, Н.И. Никитин и др; отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2012.

³ В этой связи укажем на дискуссию, к которой научное сообщество подтолкнула монография 2011 г. известного российского украиниста Т.Г. Таировой-Яковлевой, где присутствует в большей степени мифологическая рефлексия (Обсуждение монографии Т.Г. Таировой-Яковлевой: «Иван Мазепа и Российская империя: история “предательства”». М.: Центрполиграф, 2011. 525 с. // *Studia Slavica et Balcanica: петербургские славянские и балканские исследования*. 2011. № 2 (10). С. 115–162. Подробный разбор концептуальных построений Т.Г. Таировой-Яковлевой (так называемых «реформ 1707 года») см.: *Киселев М.А., Лазарев Я.А.* Военно-административные преобразования в «Малой России» накануне шведского вторжения 1708 г. (в порядке дискуссии с Т.Г. Таировой-Яковлевой) // *Единорог: материалы по военной истории Восточной Европы*. Вып. III. (в печати).

⁴ Доктор исторических наук, директор Научно-исследовательского института казачества при Институте истории Украины НАН Украины. Также см. список основных работ: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cachetvZbifNlltgj:www.history.org.ua/%3Fhist%3D513+&cd=19&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>

⁵ *Кононенко В. [Огляд], Чухлиб Т.* Секрети українського полівасалітету. Хмельницький — Дорошенко — Мазепа. — К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2011. 327 с. // *Критика*. 2012. № 7 — 8. С. 26.

котором автор, учтя опыт, накопленный украинской историографией, поставил перед собой серьезную задачу «понять исторические секреты политики украинских правителей, начиная с Богдана Хмельницкого и заканчивая Иваном Мазепой и Филиппом Орликом, как людей Власти, что [они] делали в конкретных условиях своего времени» (с. 9)⁶. Основное внимание автор сосредоточивает на «освещении тех внешних факторов и внутренних мотиваций, которые приводили к кардинальным переориентациям международной политики украинских правительств во второй половине XVII столетия — конце первого десятилетия XVIII столетия» (с. 9). В качестве центральных персонажей своей книги Т.В. Чухлиб выбрал трех гетманов — Б.З. Хмельницкого (1648 — 1657), П.Д. Дорошенко (1665 — 1676)⁷, И.С. Мазепу (1687 — 1708).

Осмысление политических решений данных правителей «Украинской державы», их попыток занять свое место в европейской системе международных отношений середины XVII — начала XVIII в. привело автора к созданию концепта «поливассалитета». Под этим концептом понимается: «1) частая смена вассалом своих сюзеренов в течение определенного исторического периода; 2) признание вассальным правителем поочередного или одновременного верховенства нескольких суверенов» (с. 13). Основы такой модели политического поведения были заложены в середине XVII в. гетманом Богданом Хмельницким, то есть в тот период, когда «Войско Запорожское стало утверждаться в геополитической структуре Центральной, Восточной и Северо-Восточной Европы как фактически независимый государственный организм», а сам Хмельницкий на протяжении 1650-х гг. признавался «европейскими и азиатскими монархами как вассально зависимый правитель» (с. 13-14). Обосновывая историчность концепта «поливассалитета», историк обратился к историографии европейской социально-политической истории периода Средних веков и раннего Нового времени.

Ссылки на ряд работ западных историков позволили историку изначально предположить, что «вассально (ленные) отношения» имели место быть и в период раннего Нового времени. При этом, по мысли Т.В. Чухлиба, «в последнее время ученые все больше склоняются к тому, чтобы рассматривать их (вассально-ленные отношения — Я.Л.) сквозь призму отношений “патрон — клиент”» (с. 14). Отталкиваясь от работ М. Блока и Ж. Ле Гоффа, историк полагает, что «в эпоху классического средневековья почти каждый вассал был че-

⁶ Здесь и далее в тексте будут указаны страницы из монографии: Чухлиб Т. Секрети українського полівасалітету. Хмельницький—Дорошенко—Мазепа / НАН України. Інститут історії України; Науково-дослідний інститут козацтва. — Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2011. — 327 с.

⁷ В качестве гетмана Правобережной Украины.

Обложка книги
Т.В. Чухлиба

ловеком одновременно двух, а то и нескольких сеньоров» (с. 15). Черты таких отношений продолжали существовать и в более позднее время и оказали свое влияние на формирование европейских государств раннего Нового времени (в том числе модели «государства нового времени»). Последнее заключалось в том, что перед европейскими монархиями встала «проблема преобразования старых “личных” сюзеренно-вассальных феодальных отношений, замена персональных связей между главой государства, суверенами и вассальными правителями на современные институциональные отношения между правительствами и всей массой подданных той или иной державы» (с. 16), из-за чего процесс формирования «государства нового времени» растянулся до XIX в. По этой причине в рассматриваемый период правители «Украинского гетманата» естественным образом вписывались в эту модель персональных отношений. Далее Т.В. Чухлиб изложил свое видение политических действий казацких гетманов в качестве вассалов (с. 16 — 21). Можно согласиться с мнением украинского историка, что в борьбе за свои права Войско Запорожское могло выступать в качестве «коллективного вассала». Тем не менее автор обходит молчанием те случаи, когда различные группировки в рамках Войска Запорожского могли нарушать такой коллективный «пакт».

В правильности избранного методологического посыла читателя должны были убедить историографический обзор «вопроса внешнеполитической легитимации Украинского гетманата при помощи политики поливассалитета, начиная с оценок современников», а также обращения к политической истории Западной, Восточной и Юго-Восточной Европы периода позднего Средневековья и раннего Нового времени. В историографическом обзоре (с. 21 — 42) автор показал отчетливые тенденции со стороны гетманов Войска Запорожского к

персонификации своей власти как правителей автономного государственного образования, а также указал на недостатки в работах ряда современных российского историков (Г.А. Санин и В.А. Артамонов). Названные исследователи, по мнению Т.В. Чухлиба, неверно трактовали причины перехода И.С. Мазепы на сторону шведского короля, сводя всё к личным качествам гетмана.

Из событий политической истории Западной, Восточной и Юго-Восточной Европы периода позднего Средневековья и раннего Нового времени автора интересовала борьба чешских и нидерландских земель против испанских и немецких монархов, выступления против своих суверенов представителей польской шляхты, сербских, венгерских и молдавских правителей (с. 44 — 62). Эти примеры должны были продемонстрировать наличие пережитков вассально-ленных отношений в политической жизни Европы, а также историчность концепции «поливассалитета» (особенно это касалось политического поведения венгерских и молдавских князей).

Таким образом, концепт «поливассалитета», по мысли автора, определенным образом должен был обозначить архаику, проявляющуюся в условиях становления «государства нового времени». Отмеченный методологический посыл интересен и важен, так как ставит перед исследователем серьезную задачу — учесть влияние прежних практик на новые («нововременные») тенденции в развитии государств⁸. Следовательно, Т.В. Чухлиб изначально не намеревался рассматривать социально-политическую историю Европы через призму современного бюрократического государства, что не может не радовать. Однако отметим, что выбор модели в понимании вассально-ленных отношений несколько сомнителен⁹. Кроме того, приводимый автором историографический обзор показал стремление концептуально осмыслить политические действия исключительно украинской стороны, выступавшей в качестве монолитного актора, генерировавшего модель «поливассалитета». В этой связи интересно посмотреть, как данная концепция была соотнесена автором с реальными историческими фактами.

⁸ Ср.: *Андерсон П.* Родословная абсолютистского государства. М., 2010; *Лахман Р.* Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего нового времени. М., 2010; *Тешке Б.* Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М., 2011.

⁹ Особенно если учитывать деконструкцию понятия «вассалитет», предпринятую С. Рейнольдс. Данная исследовательница отмечала, что идеальная схема вассально-ленных отношений, построенных на частных связях и личной верности, затрудняет реконструкцию публично-правовых основ общественной жизни. По этой причине понятием «вассалитет» могли описываться нормальные отношения между монархом и подданными (анализ идей С. Рейнольдс см.: *Дубровский И.В.* Как я понимаю феодализм? // *Дубровский И.В.* Очерки социальной истории Средних веков. М., 2010. С. 21 — 24). Если верить ссылкам, приводимым Т.В. Чухлибом, то автор был знаком с ее работой (с. 14).

Содержательную часть своей монографии Т.В. Чухлиб начинает с описания «внешнеполитических лавирований» гетманов Б.З. Хмельницкого и И.Е. Выговского (1657 — 1659) (с. 63 — 88). Автор довольно убедительно показывает стремление казацких правителей персонифицировать свою власть, позиционировать себя значимыми фигурами во взаимоотношениях с Трансильванией, Российским государством, Швецией, как правителя «вассально зависимого государства». Однако утверждая, что в границах восточных воеводств Речи Посполитой после 1648 г. возникает государственное образование, историк ничего не говорит о границах гетманской власти в пределах этих земель. Однако известно, что в период восстания Б.З. Хмельницкого и примерно до вхождения данных территорий в состав Российского государства существовали анклавные, неподконтрольные гетманской власти. В отношении этих анклавов Хмельницкий не мог выступать в качестве суверена. К этим анклавам мы относим города, самоуправлявшиеся по магдебургскому праву. Несмотря на превосходство в силе, в их отношении гетман мог обладать статусом лишь своеобразного покровителя¹⁰. Кроме того, гетман по ряду вопросов должен был взаимодействовать с оставшейся (до определенного времени) на территории польских воеводств коронной администрацией (в том числе и при сборе податей)¹¹. Изменилось ли что-то с вхождением данных земель в состав Российского государства?

По мнению Т.В. Чухлиба, переяславские соглашения марта 1654 г. (11 статей вместе с жалованными грамотами Войску, шляхте, духовенству и мещанам) оформили «вассальную зависимость Украинского гетманата» от московского царя (с. 65). Однако в этой упрощенной трактовке сложного переговорного процесса скрываются события, которые ставят под сомнение представления об «Украинском гетманате» как монолитном государственном организме, тем более находившемся в вассальной зависимости. Как видно из документов, отобразивших два тура переговоров (январь — март 1654 г.), представители Войска Запорожского изначально добивались от царской власти узаконения своего доминирующего положения в исторической области, известной как «Малая Россия». Эти требования сводились в том числе к минимизации присутствия царской администрации в регионе (в крепостях Киева и Чернигова), передаче

¹⁰ Это наглядно демонстрирует случай с конфирмацией войта Чернигова И. Скиндера, где в качестве суверена над городской общиной мог выступать исключительно польский король (См.: Документи Богдана Хмельницького (1648 — 1657) / Упор. І. Крип'якевич, І. Бутич. Київ, 1961. С. 146 — 147). Такой статус признавался и мещанами Киева, просившими подтвердить пожалованные им права у польского монарха (См.: Білоус Н. Київ наприкінці XV — у першій половині XVII століття (Міська влада і самоврядування). Київ, 2008. С. 268).

¹¹ См., например: Документи Богдана Хмельницького (1648 — 1657) / Упор. І. Крип'якевич, І. Бутич. Київ, 1961. С. 140 — 141, 153, 156, 158, 168 — 169, 190 — 191, 241, 250.

сбора налогов в царскую казну и судопроизводства представителям казацкого самоуправления. Свои притязания казацкая делегация не смогла подтвердить документально. Кроме того, этому помешала политическая активность депутатов Переяславля и Киева, не заинтересованных в распространении власти казацкой администрации на городское самоуправление¹². Итогом переговоров стало не одобрение 11 гетманских «статей», а пожалование подтвердительных царских жалованных грамот на права и вольности четырём корпорациям «Малой России» — Войску Запорожскому, мещанам, православным шляхте и духовенству. Данный формат соглашений автоматически подразумевал возведение российских царей в ранг суверенов над корпорациями «Малой России», а также открывал возможность для расширения присутствия царской администрации в регионе и сбора налогов с крестьянского и городского населения.

Тем не менее такая модель управления «Малой Россией» не получила дальнейшего развития. Однако отметим, что политическая активность мещан Киева и Переяславля послужила примером для остальных городских корпораций, обладавших магдебургиями¹³. Это позволило утвердиться на территории крепостей ряда подобных городов царским гарнизонам (например, в Киеве, Нежине, Чернигове, Переяславле). Следовательно, политика, проводимая верхушкой нескольких «малороссийских» городов, в определенной мере ставила пределы для гетманской власти.

По отношению к указанным городам гетманы смогли добиться также лишь статуса своеобразного покровителя. Это выражалось в выдаче универсалов, дававших дополнительные гарантии сохранения прав, указанных в царских жалованных грамотах на самоуправление, временный налоговый иммунитет и землевладения¹⁴. Глава Войска Запорожского выступал также в роли посредника при подтверждении прежних жалованных грамот царским

¹² См. подробнее: *Карпов Г.Ф.* Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великой Россией (начало) // Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1871. № 11; *Он же.* Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великой Россией (окончание) // ЖМНП. 1871. № 12; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — Акты ЮЗР). Т. X (дополнение к III тому). СПб., 1878.

¹³ См.: Акты ЮЗР. Т. XIV. Стб. 782; *Доманова Г.С.* Чернігівський магістрат: статус, структура та основні напрями діяльності (друга половина XVII — XVIII ст.): дис... канд. іст. наук / Черніг. держав. пед. ун-т. Чернігів, 2006. С. 143 — 144; *Романовский В.А.* Перепись населения Левобережной Украины 1666 года: ее организация и критическая оценка. Ставрополь, 1967. С. 26 — 46.

¹⁴ См., например: *Юрій Хмельницький.* Універсали. Накази // Універсали українських гетманів від Івана Виговського до Івана Самойловича (1657 — 1687). Київ; Львів, 2004. С. 156 — 157; *Іван Брюховецький.* Універсали. Накази // Там же. С. 300 — 301, 321; *Дем'ян Многогрішний.* Універсали. Накази // Там же. С. 495 — 497, 534 — 535; *Іван Самойлович.* Універсали. Накази // Там же. С. 623 — 624, 643 — 645.

правительством¹⁵. Вероятно, в целях сохранения определенной лояльности сильных городских корпораций гетманы предоставляли им дополнительные земельные пожалования, торговые привилегии, а также подписывали специальные оборонные универсалы, защищавшие города от злоупотреблений полковой верхушки и казаков¹⁶.

Следовательно, если использовать социологическую категорию «Украинский гетманат» / «Украинская казацкая держава» в качестве обозначения автономного государственного образования под властью гетмана, то под ней следует понимать не всю территорию «Малой России».

С гетманства И.Е. Выговского отчетливо обозначилась тенденция поляризации внутри самого «Украинского гетманата» сил, выступавших как в качестве проводников политики «поливассалитета», так и «моновассалитета», то есть признание суверенитета исключительно московского царя. В годы правления И.Е. Выговского противостояние этих сил выразилось в конфликте гетмана с полтавским полковником М. Пушкарем и запорожцами. При этом последние во время своего посольства в Москву (конец 1657 г.) потребовали не только отставки гетмана, обвинив его в измене, но и просили, чтобы «царское величество указал быть войска Запорожского в городех, в которых доведеться, для оберегания мещан и уездных людей, или поветных, свои царского величества воеводам», а на них «сбирать и давать стацью Малые Росии с городов». Также запорожцы предлагали «со всех королевских и сенаторских и княшторских городов и мест и с аранд <...> всякие поборы с мещан, с купецких людей, с арандарей собирать и держать в казне в stolном городе Киеве»¹⁷.

¹⁵ См., например, жалованные грамоты Нежину 1698 г. и Киеву 1699 и 1700 гг.: Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка 1729–1730 г. // *Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии* / Под ред. Н.П. Василенко. Вып. I. Чернигов, 1901. С. 95–96; *Щербина В.І. Документи до історії Києва 1494 — 1835 рр.* // *Український археографічний збірник*. Київ, 1926. Т. I. С. 23, 34.

¹⁶ Иван Выговський. Універсали. Накази // *Універсали українських гетманів від Івана Выговського до Івана Самойловича (1657 — 1687)*. Київ ; Львів, 2004. С. 62, 83; Юрій Хмельницький. Універсали. Накази // Там же. С. 148 — 149, 166; Иван Брюховецький. Універсали. Накази // Там же. С. 297 — 298; Дем'ян Многогрішний. Універсали. Накази // Там же. С. 487 — 488, 526, 563 — 564; Иван Самойлович. Універсали. Накази // Там же. С. 641, 660 — 661, 666, 682 — 683, 721, 745, 754 — 756, 764 — 765, 792 — 793, 795 — 796, 804 — 805, 823.

Обзор практики выдач гетманами оборонных универсалов, а также универсалов на земельные пожалования, торговые и налоговые привилегии со второй половины XVII по середину XVIII в. см.: *Утвенко В.В. Формування української фіскальної системи в добу Гетьманщини (Друга половина XVII — початок XVIII ст.): дис. ... канд. іст. наук* / Київ. нац. ун-т. Київ, 2005. С. 120 — 135; *Кісіль І.М. Соціально-економічне становище міщан Гетьманщини (Друга половина XVII — друга половина XVIII ст.): дис. ... канд. іст. наук* / Київ. нац. ун-т. Київ, 2006. С. 218 — 223.

¹⁷ Акты ЮЗР. Т. VII. С. 191 — 194.

Таким образом, запорожская делегация прямо предложила царю, чтобы российская власть в полном объеме заняла место польской коронной и владельческой администрации, прежде всего в плане сбора соответствующих доходов.

Схожие предложения высказывал оппозиционный гетману полковник М. Пушкарь. О необходимости присутствия царских воевод он заявил в конце 1657 г. боярину Б. Хитрово, а в феврале — марте 1658 г. отправил несколько доносов на гетмана, обвиняя его в измене¹⁸. После И.Е. Выговского это своеобразное противостояние сторонников политики «поливассалитета» и «моновассалитета» продолжалось и при последующих гетманах в конфликтах гетманских сторонников и различных старшинских группировок, стремившихся добиться наибольшей политической выгоды.

По этой причине уместно отметить, что наиболее активные стремления следовать политике «поливассалитета» приводили к бесконечным кровопролитиям и перманентной «гражданской войне» внутри «Украинского гетманата», что в гетманство И.Е. Выговского, что при П.Д. Дорошенко, что при И.С. Мазепе, так как всегда находились сторонники, выбиравшие «моновассалитет» в качестве наиболее выгодной стратегии поведения. Кроме того, суверены, чье подданство принимали правители «Украинского гетманата», были заинтересованы исключительно в следовании политике «моновассалитета», воспринимая отклонения от нее как бунты и измены, реагируя на это репрессивными мерами.

В этой связи наиболее важной частью книги является описание гетманства И.С. Мазепы и И.И. Скоропадского (1708 — 1722) (с. 123 — 221). Наибольший интерес при описании правления И.С. Мазепы вызывает блок, в котором Т.В. Чухлиб в концентрированном виде выразил причины, побудившие гетмана перейти в стан шведского короля. По мнению автора, этих причин было десять (с. 207 — 221). В их число историк включал: 1) нежелание Петра I и его окружения вернуть под гетманскую власть Правобережье; 2) царское правительство стало «активно ограничивать политические права украинского гетмана»; 3) «Москва начала радикальные изменения административного устроа Украинского гетманата»; 4) ограничения гетманской власти произошли и в финансовой сфере; 5) также были урезаны политико-административные полномочия казацкой старшины; 6) Петр I приступил к «реформированию» казацкого войска, отдав управление им российским чиновникам; 7) царское правительство не было заинтересовано в надежной обороне «Украинского гетманата»; 8) коронные солдаты и чиновники чини-

¹⁸ Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. VI. Т. 11 — 12. М., 1991. С. 24 — 25.

ли злоупотребления местному населению; 9) на казацкое войско легла тяжелым бременем постоянная повинность; 10) карательные действия русской армии привели к разорению местного населения.

Прежде чем перейти к анализу «пунктов обвинения» Петра I и его окружения, следует процитировать часть из известного «прелестного письма» уже изменившего И.С. Мазепы стародубскому полковнику И.И. Скоропадскому (ноябрь 1708 г.). Данный документ рассматривается в украинской историографии как прямое указание на причины, побудившие гетмана к «измене». Посмотрим, что же писал И.С. Мазепа своему адресату. В частности, гетман упоминал, что царская власть «без жадного о том з нами согласия, зачала города Малороссийские в свою область отбирати, людей наших». К глаголу «отбирати» в тексте письма относилось следующее: в Стародубском, Черниговском, Нежинском полках по «врожной своей хитрости» царское правительство измыслило «аживые причины, будто для обороны от наступления войск Шведских» к занятию своими войсками тех трех полков. К этому Мазепа прибавлял, что царская администрация «нас, Гетмана, Енералную старшину, Полковников и увесь войска Запорожскаго начал, врожонными своими прелестми, хотят к рукам прибрати и в тиранскую свою неволю запровадити, имя войска Запорожскаго згладити, а Козаков в драконию и солдати перевернути, народ зась Малороссийский вечне себе поработити». Под русскими «ратями», которые «народ зась Малороссийский вечне себе поработати», подразумевались войска А.Д. Меншикова и Д.М. Голицына¹⁹.

Следовательно, И.С. Мазепа упоминал некие планы по реформированию казацкого войска, изменению прерогатив казацкой верхушки и овладению «малороссийскими городами». По этой причине мы остановимся на разборе лишь части выделенных Т.В. Чухлибом пунктов.

Во 2-м пункте историк приводит лишь слух о желании А.Д. Меншикова стать гетманом, а также, на основании воспоминаний Ф. Орлика, недовольство Мазепы тем, что тот же царский фаворит отдавал приказания компанейскому полковнику А. Танскому (с. 210). Последнее и вовсе можно рассматривать как проявление ревностного желания оградить свои права в военной сфере от посягательств со стороны «великороссийских» персон.

В 3-м пункте под «радикальными изменениями административного устроя Украинского гетманата» подразумевалось создание Киевской губернии в ходе т.н. первой губернской реформы Петра I. Однако данная реформа фактически начала претворяться с начала 1709 г. При этом в ходе ее прове-

¹⁹ Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантыш-Каменским и изданные О. Бодянским. Ч. I // Чтения в Императорском обществе истории и древности российских при Московском университете. Кн. I. Отд. II. М., 1858. С. 174.

дения территория Гетманской Украины не была затронута, так как в состав губернии вошли только шесть крепостей «малороссийских» городов (Киев, Нежин, Чернигов, Переяславль, Полтава, Переволочна), а также фортеции по реке Самаре²⁰. Допущенную Т.В. Чухлибом ошибку можно объяснить тем, что, начиная с дореволюционной историографии, включение всей или части Гетманской Украины в состав Киевской губернии воспринималось как реальный исторический факт²¹. При этом данное допущение не было очевидным для современников реформ²².

Пункт 6-й сводится к тому, что в 1706 г. на территории «Украинского гетманата» была создана огромная «Украинская дивизия», включавшая подразделения Гетманщины и Слободжанщины. Во главе данного формирования в 1708 г. был поставлен гвардейский майор В. Долгорукий. Однако на поверку данное формирование оказалось и вовсе историографическим фантомом, существующим в историографии более 200 лет. С работы Е.Н. Апанович (1969)²³ этот фантом, не подвергаясь источниковедческой критике, начинает оказывать серьезное «влияние» на реконструкцию российско-украинских отношений первой трети XVIII в.²⁴

Остальные пункты также выглядят натянуто и неубедительно. Следовательно, попытку украинского историка выставить И.С. Мазепу в качестве невинной жертвы «имперской политики» петровского правительства можно признать неудачной.

В структуре монографии описание гетманства И.И. Скоропадского (с. 172 — 184), вероятно, играет роль своеобразного послесловия, трагичного по своему содержанию для украинской государственности. Трагичность этому периоду украинской истории, по мысли Т.В. Чухлиба, придавали те коррек-

²⁰ См.: Лазарев Я.А. Киевская губерния и Гетманская Украина в период первой и второй губернских реформ Петра I // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 (Гуманитарные науки). 2012. № 2 (102). С. 140 — 142; Он же. «Великороссийская» администрация в Гетманской Украине в 1708 — 1728 гг.: эволюция институтов и их статуса: дис. ... канд. ист. наук / Урал. фед. ун-т. Екатеринбург, 2012. С. 114 — 115.

²¹ См.: Лазарев Я.А. Проблема соотношения Киевской губернии и Гетманской Украины в годы петровских реформ в российской историографии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 13 (132). Вып. 23. С. 89 — 98.

²² См.: Лазарев Я.А. Проблемы «выстраивания» империи в научном наследии И.К. Кирилова и В.Н. Татищева // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. 2012. № 2 (40). С. 117 — 123.

²³ Апанович О.М. Збройні сили України першої половини XVIII ст. Київ, 1969.

²⁴ Подробный разбор данного фантома см.: Киселев М.А., Лазарев Я.А. Историографический призрак «Украинской дивизии»: к вопросу о реалиях российско-украинских отношений накануне измены гетмана И.С. Мазепы (1706 — 1708) // Славяноведение. 2013. № 2. С. 41 — 50.

тивы, что были внесены Петром I в российско-украинские отношения после измены И.С. Мазепы. В их число историк включал введение института резидентов при гетманском дворе, практик присылки приказов гетману от киевского губернатора Д.М. Голицына и замещения войсковых урядов по прямому царскому указу (1715 г.), что стимулировало появление «неподконтрольных» гетману старшин. Но, увы, за этими «траурными мазками» скрывалась гораздо более сложная картина российско-украинских взаимоотношений.

Поясним. При описании института резидентов при гетманском дворе автор использует лишь документы, регламентирующие деятельность двух представителей царской власти (в том числе секретные инструкции) — А.П. Измайлова и Ф.И. Протасьева. Это дает основание заключить, что данные персоны обладали контролируемыми функциями над казацкой администрацией (с. 183). Обращение к документам, отразившим деятельность резидентов, позволяет опровергнуть данное мнение²⁵. По своим обязанностям представитель царя при гетмане был скорее советником и информатором, не обладая прерогативами исполнительной власти. К тому же российское правительство направляло к гетману прежде всего профессиональных дипломатов, а не администраторов или военных. Статус и возможности, которыми обладал резидент, не позволяли ему каким-либо образом ограничивать полномочия гетмана. Скорее наоборот, резидент мог зависеть от гетмана и должен был учитывать политические конъюнктуры. По этой причине в деятельности резидентов заметную роль играла не слежка за деятельностью гетмана и казацкой элиты, а выстраивание неформальных отношений с ними, в том числе доведение их личных интересов до высших кругов Российского государства (например, о проведении в 1714 г. на полковничий уряд в Лубенский полк кандидатуры гетманского шурина А. Маркевича). Также резидент являлся посредником в лоббировании интересов сильных «великороссийских» персон, решении их частновладельческих и финансовых вопросов (например, Г.И. Головкина и П.П. Шафирова). Написанные резидентами аналитические обзоры особенностей местной политики не воплощались в какие-либо серьезные политические решения. Это, на наш взгляд, подчеркивает стремление российского правительства иметь в регионе лояльную, пусть и коррумпированную элиту.

Взаимоотношения киевского губернатора и гетмана, в которых якобы умалялось достоинство последнего, касались строительства Печерской крепости в начале 1710-х гг. (с. 179). Однако реконструкция реальных взаимоотношений

²⁵ О деятельности резидентов при гетманском дворе см. подробнее: Лазарев Я.А. «Великороссийская» администрация в Гетманской Украине в 1708 — 1728 гг.: эволюция институтов и их статус»: дис. ... канд. ист. наук / Урал. фед. ун-т. Екатеринбург, 2012. С. 146 — 182.

между этими политическими деятелями показывает, что между ними выстраивались вполне деловые отношения. Киевский губернатор мог просить И.И. Скоропадского только о выполнении царских указов (как в случае с И.С. Мазепой), но ни в коем случае не приказывать гетману. Малейшее подозрение в превышении полномочий киевским губернатором могло привести к острой реакции со стороны гетмана и выговору от вышестоящего начальства²⁶.

Несмотря на появление новой практики замещения войсковых должностей, не произошло радикального пересмотра «украинской автономии» и положения казацкой элиты. Скорее наоборот, оставшись верными российскому царю (в рамках политики «моновассалитета»), гетманы и казацкая элита смогли достичь гораздо больших политических дивидендов, чем в предыдущее время. В постмазепинский период интенсифицируются неформальные отношения между российской и казацкими элитами. Гетманы и их ближайшее окружение начинают лоббировать свои лично-семейные интересы, то есть использовать пережитки «вассально-ленных» стратегий себе на пользу²⁷. Именно в это время за гетманами (1710 г.) царскими жалованными грамотами закрепляется официальный статус правителей «Малой России», а не Войска Запорожского. Благодаря санкции российского правительства была проведена перепись всех землевладений в регионе (так называемые «генеральные следствия»). В результате чего за ними закреплялся статус «войсковых». Это позволило окончательно закрепить за институтами Войска Запорожского монополию на власть практически во всей «Малой России»²⁸. Следовательно, к концу 20-х гг. XVIII в., благодаря «санкции» российского правительства, Войско Запорожское на пространствах «Малой России» превращается в относительно автономное государственное образование — «Гетманскую Украину» / «Украинский гетманат» / «Украинскую казацкую державу».

²⁶ См., например: Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: новые источники по истории России эпохи Петра Великого: В 3 ч. / изд. подгот. Т.А. Базарова, Ю.Б. Фомина. Ч. I. СПб., 2011. С. 217 — 218; Лазарев Я.А. «Великороссийская» администрация в Гетманской Украине в 1708 — 1728 гг.: эволюция институтов и их статуса: дис. ... канд. ист. наук / Урал. фед. ун-т. Екатеринбург, 2012. С.130 — 145.

²⁷ См. подробнее: Лазарев Я.А. «К вашей ясневелможности охочий слуга»: к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е — первой половине 30-х гг. XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / Отв. ред. серии А.В. Доронин; сост. Н.Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М., 2013. С. 408 — 432.

²⁸ О влиянии «генеральных следствий» на социально-политическую структуру «Малой России» см. подробнее: Лазарев Я.А. Киевская губерния и Гетманская Украина в период первой и второй губернских реформ Петра I // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 (Гуманитарные науки). 2012. № 2 (102). С. 138 — 139; Он же. «Великороссийская» администрация в Гетманской Украине в 1708 — 1728 гг.: эволюция институтов и их статуса: дис. ... канд. ист. наук / Урал. фед. ун-т. Екатеринбург, 2012. С. 127 — 130.

Предпринятый нами разбор монографии Т.В. Чухлиба показал перспективность использования концепта «поливассалитета» при анализе стратегий политического поведения гетманов Войска Запорожского. Конечно, имеющиеся недостатки в его содержании показывают необходимость выработки более четкого аналитического языка. Тем не менее это не снижает положительные впечатления от того методологического посыла, которому следовал автор, привлекая обширную западную историографию. Использование данного концепта применительно к европейской социально-политической истории также заслуживает высокой оценки. К сожалению, практическое применение концепта «поливассалитета» в отношении анализа российско-украинских отношений не получило должного развития. Разделы книги, посвященные нахождению «Украинского гетманата» в составе Российского государства, представляли собой весьма спорные реконструкции и набор штампов, представляющих российских правителей как естественных угнетателей украинской государственности. Кроме того, довольно однобоко был изложен эвристический потенциал самого концепта, который представлялся данностью одного моноактора (верхушки «Украинского гетманата»). При этом не учитывалось, что стратегия «поливассалитета» выработывалась в условиях раскола внутри самой «казацкой державы», где часть элиты сознательно могла выбрать другую стратегию политического поведения — стратегию «моновассалитета» — для достижения политических выгод. Кроме того, важно понять, что государственность в рамках «Украинского гетманата» формировалась в результате неформального «пакта» со стороны царского правительства, которое позволило казацким институтам самоуправления на неофициальном уровне распространить свою власть практически на всю территорию «Малой России», а не в рамках официальных договорных отношений. По этой причине при выстраивании историко-социологических моделей важно учитывать организацию правящего класса «Украинского гетманата» и конфликты внутри него, а не подчинять факты единой концепции.

 Лазарев Яков Анатольевич

кандидат исторических наук, приглашенный исследователь
Центра гуманитарных исследований РАНХ и ГС
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf») шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — 1 — 2 авторских листа (40 — 80 тысяч знаков с учетом пробелов); шрифт (кегель) — 14. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА
В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4 — 6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.А. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор.

Сноски

Оформление сносок:

1. Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.
2. *Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.*
Для иностранных изданий: *Johnson J. The History of USA. London, 2002. P. 14.*
3. *Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1—11.*

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем — 1500 — 2500 знаков с учетом пробелов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Учёная степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны);
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами:
формат TIFF или JPG;
размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

Материалы высылаются на электронный адрес: articles@historicalreporter.ru

ПОДПИСКА

Подписка на журнал возможна в любом почтовом отделении России и стран СНГ с любого месяца.

Наш индекс в каталоге «Почта России» — 83564.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Для заметок

Для заметок

Пятый том
«Исторического вестника»
будет посвящен
общеисторической тематике.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X-XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке